

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

№ 16, 2024

Электронный научный рецензируемый журнал
Основан в 2021 году
Учредитель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Издатель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Периодичность 4 раза в год

12 +

Публикация статей в журнале осуществляется по следующим специальностям:

5. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5.6. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.1. – Отечественная история

5.6.2. – Всеобщая история

5.6.3. – Археология

5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. – История международных отношений и внешней политики

5.9. ФИЛОЛОГИЯ

5.9.1. – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2. – Литература народов мира

5.9.3. – Теория литературы

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам
в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77–81306 от 30.06.2021

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 163-04/2021 от 27.04.2021

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание
в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Сайт журнала: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2024

Главный редактор

*Сарапулов
Алексей Николаевич* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский
государственный гуманитарно-педагогический университет)

Заместители главного редактора

*Шмуратко
Дмитрий Владимирович* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

*Подюков
Иван Алексеевич* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

Члены редакционной коллегии

*Аверина
Анна Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Московский городской педагогический университет)

*Абашева
Марина Петровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Абдуллина
Амина Шакирьяновна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Бирск,
Бирский филиал, Башкирский государственный университет)

*Андросова
Светлана Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Амурский государственный университет)

*Балакин
Сергей Владимирович* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург,
Уральский государственный университет путей сообщения)

*Бакии
Наталья Александровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Российский государственный гуманитарный университет)

*Белавин
Андрей Михайлович* доктор исторических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Данилевская
Наталья Васильевна* доктор филологических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет)

<i>Забяко Анна Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)
<i>Егоров Константин Борисович</i>	кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
<i>Иванов Владимир Александрович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы)
<i>Ивашкевич Ирина Николаевна</i>	кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
<i>Костева Виктория Михайловна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)
<i>Крыласова Наталья Борисовна</i>	доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Россия, г. Пермь, ПФИЦ Уральское отделение РАН, Отдел истории, археологии, этнографии)
<i>Мароши Валерий Владимирович</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)
<i>Степанов Валерий Леонидович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Москва, Институт экономики РАН)
<i>Тюрк Аттила</i>	Ph.D (History) (Венгрия, г. Будапешт, Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя)
<i>Шипова Ирина Алексеевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)
<i>Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна</i>	доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
<i>Юшкова Людмила Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

HUMANITARIAN STUDIES. HISTORY AND PHILOLOGY

No. 16, 2024

Electronic scientific peer-reviewed journal
Founded in 2021
The founder: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
The publisher: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
Issued 4 times a year

12 +

The journal publishes articles covering the following fields of knowledge:

5. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

5.6. HISTORICAL SCIENCES

5.6.1. – Domestic history

5.6.2. – General history

5.6.3. – Archeology

5.6.5. – Historiography, source studies, methods of historical research

5.6.7. – History of international relations and foreign policy

5.9. PHILOLOGY

5.9.1. – Russian literature and Literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.2. – Literature of the peoples of the world

5.9.3. – Theory of literature

5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.6. – Languages of peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages)

5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics

The articles presented in the journal will be of interest both to the specialists in these spheres and to a wide range of readers, including students and postgraduates.

The journal is registered with the Federal service for supervision of communications, information technologies and mass communications.

Certificate of registration of mass media EL № FS77–81306 from 30.06.2021.

The journal is posted in the SEL eLibrary, contract № 163-04/2021 from 27.04.2021

The journal is registered as a serial network publication in the National ISSN center of the Russian Federation 04.02.2021

The journal's website: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Published by the decision of the editorial and publishing Council of Perm State Humanitarian Pedagogical University

Chief Editor

Sarapulov Ph.D. (History), Associate Professor
Aleksei Nikolaevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Deputy chief editors

Shmuratko Ph.D. (History), Associate Professor
Dmitry Vladimirovich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Podyukov Grand Ph.D. (Philology), Professor
Ivan Alekseevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Editorial team

Averina Grand Ph.D. (Philology), Professor
Anna Viktorovna (Russia, Moscow, Moscow City Pedagogical University)

Abasheva Grand Ph.D. (Philology), Professor
Marina Petrovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Abdullina Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Amina Shakiryanovna (Russia, Birsk, Birsk Branch, Bashkir State University)

Androsova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Balakin Grand Ph.D. (Philology), Professor
Sergey Vladimirovich (Russia, Yekaterinburg, Ural State Transport University)

Bakshi Grand Ph.D. (Philology), Professor
Nataliia Andrejevna (Russia, Moscow, Russian State Humanitarian University)

Belavin Grand Ph.D. (History), Professor
Andrey Mikhailovich (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Danilevskaya Grand Ph.D. (Philology), Professor
Natalia Vasilievna (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Ivanov Grand Ph.D. (History), Professor
Vladimir Aleksandrovich (Russia, Ufa, Bashkir State Pedagogical University
named after Akmulla)

- Ivashkevich
Irina Nikolaevna* Ph.D. (Philology), Associate Professor
(Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)
- Krylasova
Natalya Borisovna* Grand Ph.D. (History), Professor, Chief Researcher
(Russia, Perm, PFITS Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Department of History, Archeology, Ethnography)
- Kosteva
Viktoria Mikhailovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)
- Maroshi
Valerii Vladimirovitch* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)
- Stepanov
Valery Leonidovich* Grand Ph.D. (History), Professor
(Russia, Moscow, Institute of Economics, RAS)
- Türk Attila* Ph.D (History) (Hungary, Budapest, Institute of Archaeology Catholic
University named after Peter Pazman)
- Shipova
Irina Alekseevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University)
- Nagzibekova
Mehrinisso Bozorovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)
- Yushkova
Lyudmila Anatolyevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 7–15.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 16. P. 7-15.

Научная статья

УДК 930(517.3)+94(517.3)

doi: 10.24412/2713-0231-2024-16-7-15

ОСМЫСЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ЭПОХИ ВЕЛИКОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Цэндмаа Энхчимэг¹, Олег Вадимович Лушников²

¹ Институт истории и этнологии АН Монголии, Улан-Батор, Монголия, rigvady@yahoo.com

² Центр Евразийских исследований им. Г. В. Вернадского Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Пермь, Россия, oleglushnikov@ya.ru

Аннотация. Проблемы создания, расцвета и распада Великой Монгольской империи занимают значительное место в современных исследованиях монгольских ученых. Обращение к цивилизационному подходу позволило авторам переосмыслить узкие выводы периода марксистского догматизма. В целом можно выделить комплексный характер современных исследований монгольских ученых, посвященных периоду империи Чингисидов. Помимо традиционных вопросов становления Великой Монгольской империи и роли личности Чингисхана, современные монгольские авторы глубоко изучают военное дело монголов, вопросы внешней политики и дипломатии, стратегии внутреннего управления империей, политику империи в области экономики, права, религии и культуры. Причем, в отличие от советского периода, современными монгольскими исследователями кроме империи Юань, домена Великого хана, рассматриваются и такие отдаленные от Монголии земли, как Улус Хулагуидов (Иран), Улус Чагатай (Центральная Азия) и Улус Джучи (Золотая Орда), как неотъемлемые части Великой Монгольской империи и проводники политики великих хаганов на Западе, мост взаимопрокинновения торговых, экономических, культурных и научных достижений Запада и Востока. Комплексный взгляд современных монгольских ученых на корни интеграционных процессов в Евразии, помогает современной исторической науке глубже понять роль Монголии в становлении Евразийской цивилизации и рассматривать эпоху Великой Монгольской империи, как общую «колыбель народов» Евразии.

Ключевые слова: Монгольская империя, Евразийская цивилизация, интеграционные процессы, цивилизационный процесс, историография.

Для цитирования: Цэндмаа Энхчимэг, Лушников О. В. Осмысление в современной монгольской историографии эпохи Великой Монгольской империи // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 7–15. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-7-15>

Original article

COMPREHENSION IN MODERN MONGOLIAN HISTORIOGRAPHY OF THE EPOCH OF THE GREAT MONGOLIAN EMPIRE

Tsendmaa Enkhchimeg¹, Oleg V. Lushnikov²

¹ Institute of History and Ethnology of the Academy of Sciences of Mongolia, Ulan-Bator, Mongolia, rigvady@yahoo.com

² The Center for Eurasian Studies named after G. Vernadsky at Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, oleglushnikov@ya.ru

Abstract. The problems of the creation, flourishing and disintegration of the Great Mongol Empire occupy a significant place in the modern research of Mongolian scientists. The appeal to the civilizational approach allowed the authors to rethink the narrow conclusions of the period of Marxist dogmatism. In general, it is possible to distinguish the complex nature of modern research by Mongolian scientists devoted to the period of the Genghisid Empire. In addition to the traditional issues of the formation of the Great Mongol Empire and the role of the personality of Genghis Khan, modern Mongolian authors deeply study the military affairs of the Mongols, foreign policy and diplomacy, strategies of internal administration of the empire, the policy of the empire in the field of economics, law, religion and culture. Moreover, in contrast to the Soviet period, modern Mongolian researchers, in addition to the Yuan Empire, the domain of the Great Khan, also consider such lands remote from Mongolia as the Hulaguid Ulus (Iran), the Chagatai Ulus (Central Asia) and the Jochi Ulus (Golden Horde) as integral parts of the Great Mongol Empire and the conductors of the policy of the great Khagans on the In the West, a bridge of mutual penetration of trade, economic, cultural and scientific achievements of the West and the East. The comprehensive view of modern Mongolian scientists on the roots of integration processes in Eurasia helps modern historical science to better understand the role of Mongolia in the formation of Eurasian civilization, and to consider the era of the Great Mongolian Empire as a common "cradle of the peoples" of Eurasia.

Keywords: the Great Mongol empire, the Eurasian civilization, integration processes, civilizational process, historiography.

For citation: Tsendmaa Enkhchimeg, Lushnikov O. V. Comprehension in modern Mongolian historiography of the epoch of the Great Mongolian Empire. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;16:7-15. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-7-15>

Введение

Национальное возрождение в Евразии на рубеже веков, привело к объективной и всесторонней оценке событий эпохи Монгольской империи. Отказ от догматизма марксистского периода рассмотрения исторических явлений вне зависимости от объективных условий и освоение современных мировых исторических концепций, позволили ученым переосмыслить свою историю на основе фактов, а не предвзятых «европоцентристских» теорий, отказывающихся кочевникам в самой возможности создать эффективное государство и внести вклад в мировую культуру.

На первый план, безусловно, выходит роль Чингисхана в создании единого Монгольского государства [Нацагдорж 1991; Далай 1996, 2006; Жугдэр 1990; Лхаашид 1999; Санждорж 1998], организации политического и административных устройства Монгольского государства [Ишжамц 1999; Болдбаатар 2001; Бор 2004], завоевательные походы [Пурэвсурэн 1996] и образование Монгольской империи [Базарсурэн], ее внешняя и внутренняя политика [Шагдар 2000], традиции и верования народов завоеванных стран [Бира 1996, 2002, 2006, 2007; см. также Базарсурэн 2002; Баярхуу 1997].

Основная часть

За последние десятилетия монгольскими учеными были проведены исследования, посвященные истории политической мысли [Баярхуу 1997], политической символике, традиции, церемонии, ханской ставке, политической солидарности, бюрократическому аппарату [Дашням], рангу и степеням чиновников, взаимоотношению религии и государства, государства и общества. В этих трудах раскрывается традиционно почтительное отношение монголов к государству, не как к аппарату насилия, а как к “хозяину” и “заступнику”, что отражает также заботливое отношение государства к своим подданным.

Сущность монгольской традиции государственности тесно связана с географическими и социальными факторами кочевой цивилизации. “Высокую роль государства на Востоке и Азии нельзя объяснить исключительно отсталостью или не способностью оценить и претворить демократию и рыночные отношения, это объективное явление, обусловленное природой, историей, образом жизни, социальной психологией и традиционными условиями быта. При подобных реальных условиях, когда в государственной собственности сконцентрированы огромные просторы земли, прежде всего, необходимо урегулировать в

виде государственного вмешательства с сильным организационным управлением» [Болдбаатар 1999: 45]. Вопросы права Великой Монгольской империи получили раскрытие в работах о «Великой Ясе», по законам которой сосуществовали «народы 720 языков, пяти разных цветов». В них рассмотрены вопросы возникновения государственного урегулирования [Сэлэнгэ 2000], образования государственных учреждений и их взаимоотношений» [Намжил 1990], история возникновения и развития норм права [Ням-Осор 1995], регулирующих взаимоотношения государства и общества, государства и граждан, традиции и инновации их развития.

Как доказал академик Ш. Бира, «начало составления сборника законов «Великая Яса» относится к периоду Чингисхана, но он, по всей видимости, не был завершен единовременно. Сборник представлял собой собрание указов и распоряжений хана, которые появлялись по мере необходимости и потребности того времени. «Великая Яса», как закон, провозглашенный под именем Чингисхана, не могла быть изменена и неизменно должна была служить руководством и образцом для преемников великого хана в управлении ими делами государства» [Бира 2001: 260].

Важной вехой в изучении Великой Монгольской империи стал выход к ее 800-летию пятитомной истории империи. Коллектив Института истории Академии наук Монголии сумел отразить комплексно как вопросы политики и экономики империи и ее улусов, так и вопросы культуры и духовной жизни народов Евразии в эпоху «*Rex Mongolica*». Значительное внимание авторов было посвящено пересмотру многих историографических мифов об империи. Так вопреки устоявшемуся взгляду, что в период монголов в Китае, была до основания разрушена экономика и положение китайского народа был доведено до отчаяния, авторы коллективной монографии «Монгольское Юаньское государство» пришли к выводу, что экономика Китая в период Юаньского государства напротив, достигла своего расцвета – «расцвет экономики Юаньского государства является закономерным результатом проведения планомерной политики, максимально приближенной к историческим условиям страны.

Так как основное население Китая составляли крестьяне, то монгольские хаганы проводили целенаправленную политику укрепления земледелия, как основного хозяйства экономики страны, так и сопутствующего развития других отраслей хозяйства. В результате интенсивного развития земледелия и скотоводства, как вспомогательного хозяйства, в стране увеличились площади посевов, что привело к росту урожая. Наряду с этим увеличилось количество голов скота, что отразилось в общем улучшении благосостояния народа в Юаньском государстве» [Ганболд и др. 2006: 166].

На фактическом материале развития в Улусе Джучи (Золотой Орде) экономики, торговли, развития городов, путей сообщения, налогов и повинностей, профессору С. Цолмон в монографии «Монгольское государство Золотая Орда» удалось показать, что монголами было создано в десятки раз больше материальных и культурных ценностей, чем было разрушено в ходе завоеваний. А Золотая Орда, как составная часть Монгольской империи, служила проводником политики великих хаганов на Западе, в силу своего географического расположения являясь мостом взаимопроникновения торговых, экономических, культурных и научных достижений Запада и Востока [Цолмон 2006: 138].

Первым исследованием истории Чагатайского государства на уровне монографии является труд профессора Ц. Энхчимэг. Автору, несмотря на скудость источниковой базы по данной теме, удалось показать историю образования, расцвета и распада монгольского государства в Средней Азии. Наряду с описанием политической истории автором даны социально-экономическое и культурное развитие данного государства, хронология правления чагатайских ханов и распад данного государства на Могулистан и Мавераннахр. Согласно мнению автора, распад Чагатайского государства на две части был во многом обусловлен возрождением владений Угедэя при Хайду, а также зависимостью от политической конъюнктуры других государств чингисидов, владениями которых оно было окружено [Энхчимэг 2006: 71].

Изучение истории культуры эпохи Великой Монгольской империи также занимает весомое место в современных исследованиях. Среди трудов академика Ш. Бира, многие посвящены многостороннему изучению основных вопросов культуры монголов (обычаи монголов того времени, знания, право, письменность и литература, искусство и просвещение в городах). Ученый рассматривает культуру средневековых монголов в тесной связи с культурой народов Центральной Азии и мировой цивилизации [Бира 2001].

Исследование истории культуры Монгольской империи в современной Монголии до недавнего времени ограничивалось в основном Великим Монгольским государством и Юаньской империей [Монголын соёлын түүх 1999]. Однако в пятитомной истории Монгольской империи, предпринята попытка отразить историю культуры всех улусов Великой Монгольской империи.

В разделе о культуре тома “Монгольское Юаньское государство” [Ганболд и др. 2006], историк Д. Наран, исследуя имперскую культурную политику, приходит к выводу, что Хубилай хаган, отрицательно оценивал использование классической китайской письменности и языка в качестве официального имперского языка, видя в этом угрозу культурного подчинения монголов китайцам. Более того, из-за многонациональности империи в основу такого общепринятого письма не мог быть применен язык какого-нибудь отдельного народа. В итоге решением стало создание новой квадратной письменности, которая хорошо подходила для фиксации звуков монгольского, китайского, тибетского, тюркского, санскритского и многих других языков. Она и стала официальным языком делопроизводства в Юаньском государстве.

Следующим шагом Хубилая явилось восстановление разрушенных во время войны школ и создание системы общенационального образования для всех народов империи. По мнению Д. Нарана, “Формирование и развитие в период Юаньского государства системы образования, включавшей в себя официальное, домашнее и теологическое образование, явилось весомым вкладом монголов в развитие культуры и образования как самих монголов, так и народов завоеванных стран” [Монголын эзэнт гүрний гадаад харилцаа 1995: 106.]. Культуру монгольского Ирана в своем исследовании “Монгольское государство Ильханов” доктор Д. Анхбаяр рассмотрел по трем аспектам: религия и наука, искусство и литература, архитектура. По мнению автора, “Политика веротерпимости, нашедшая отклик у большинства населения, стала залогом стабильного развития страны. Центральная обсерватория стала научной лабораторией для многих астрономов Азии и Европы. Медицинские знания, алхимия и география достигли невиданного до селе высокого уровня развития” [Анхбаяр 2006: 76].

Развитие культуры западных земель Монгольской империи, на примере Улуса Джучи, раскрыто по трем аспектам: ремесла, жизнь в городах и религия в работе “Монгольское государство Золотая Орда”. На фактическом материале профессор С. Цолмон показала высокий уровень развития в Золотой Орде ювелирного искусства, обработки кожи, чеканки монет, ткачества, женских украшений и нарядов, шелковых изделий, глиняных и керамических изделий [Цолмон 2006].

Значительных успехов в изучении наследия материальной культуры Монгольской империи достигли современные монгольские археологи. За последние годы исследователи Д. Наваан, Д. Цэвээндорж, А. Очир, Д. Баяр и другие выявили и исследовали городища, некрополи, памятники и надписи, эпохи Монгольской империи. Основные памятники, исследованные учёными включены в тематический справочник “Историко-культурные памятники Монголии” [Монгол нутаг дахь түүх соёлын дурсгал 1999].

Духовная жизнь Великой Монгольской империи нашла отражение в трудах по истории культуры и религии академика Ш. Бира, Н. Ишжамца и Ч. Далая. В современной монгольской историографии сложилось следующее понимание развития религии в период Монгольской империи. *Во-первых*, монгольские великие ханы относились ко всем религиям на одинаковом уровне, не оказывая предпочтения ни одной из религий. *Во-вторых*, политика

веротерпимости монгольских ханов была связана не столько с низким уровнем развития самих монголов, сколько с пониманием религии как основного фактора управления народами империи. Труды современных монгольских исследователей показывают, что данная политика религиозной толерантности была характерна для всех частей Великой Монгольской империи, как на Востоке, так и на Западе Евразии.

Академик Ч. Далай в своей работе “История Монголии (1260–1368)” рассмотрел религиозную политику Хубилай хана. По мнению автора, Хубилай хан стремился, не меняя общей религиозной ситуации в стране, создать условия для мирного сосуществования буддистов, мусульман, христиан, даосов, шаманистов и представителей других религий [Далай 1992: 164]. Профессор С. Цолмон в труде “Монгольское государство Золотая Орда” отметила, что “проведение дальновидной и мудрой политики в области религии Чигисханом и его преемниками было направлено на предотвращение конфликтов на религиозной почве внутри огромной империи. Находившиеся по своим религиозным убеждениям в непримиримом противоречии друг с другом представители разных конфессий, чтобы найти покровительство у великих ханов, жили бок о бок в одном городе и рядом строили свои церкви, что является ярким претворением в жизнь и доказательством верности религиозной политики великих ханов” [Цолмон 2006: 132].

По мнению исследовательницы, основным направлением религиозной политики монгольских ханов в Улусе Джучи было освобождение церквей и храмов от уплаты налогов, что явилось залогом укрепления солидарности внутри страны, поэтому представители каждой религии считали монгольских ханов адептами своей религии.

Новейшими исследованиями в области монгольской имперской религиозной политики являются труды Ц. Энхчимэг. В монографии “Политика Великого Монгольского государства в области религии” рассмотрена религиозная политика великих хаганов, начиная с Чингисхана до Хубилай хана включительно. На основе привлечения широкого фактологического материала автору удалось доказать, что сущность политики веротерпимости монгольских ханов сводилась не столько к патетическому укреплению монгольского господства над завоеванными странами, сколько к укреплению позиций правящего рода того или иного чингисида.

Общеизвестная политика веротерпимости исходила не из духовной отсталости монголов, как принято трактовать в историографии, а из синкретизма идей тенгризма и “Великой ясы”, предписания которых неукоснительно соблюдались великими хаганами [Энхчимэг 2011; см. также Энхчимэг 2007, 2008, 2008а, 2009, 2009а].

Заключение

В целом в современных исследованиях монгольских ученых (Ш. Бира, Ч. Далай, Х. Шагдар, Н. Ням-Осор, Д. Наран, Д. Анхбаяр, С. Цолмон, Ц. Энхчимэг и др.), посвященных периоду империи Чингисидов, можно выделить комплексный подход.

Так, помимо традиционных вопросов становления Великой Монгольской империи и роли личности Чингисхана, современные монгольские авторы глубоко исследуют и военное дело монголов, и вопросы внешней политики и дипломатии, и стратегии внутреннего управления империей, политику империи в области экономики, права, религии и культуры. Причем, в отличие от советского периода, современными монгольскими исследователями кроме империи Юань, домена Великого хана, глубоко изучаются и такие отдаленные от Монголии земли, как Улус Хулагуидов, Улус Чагатай и Улус Джучи, рассматриваемые как неотъемлемые части Великой Монгольской империи, проводники политики великих хаганов на Западе.

Особое место по мнению современных монгольских ученых занимал Улус Джучи, ставший мостом взаимопроникновения торговых, экономических, культурных и научных достижений Запада и Востока. Комплексный взгляд современных монгольских ученых на корни интеграционных процессов в Евразии, помогает современной исторической науке глубже понять роль Монголии в становлении Евразийской цивилизации.

Список литературы

1. Анхбаяр Д. Монголын Эл хаадын улс (Монгольское государство Ильханов). Улан-Батор : МУШУА, 2006. 310 с.
2. Базарсурэн Ж. Чингис хааны цэргийн зэр зэвсэг (Оружие Чингис-хана). Улан-Батор : БХИС, 2002. 250 с.
3. Баярхуу Г. Монголын нэгдсэн төрийн болон дараа үеийн хууль цааз, заншлын хэм хэмжээг харьцуулан судалсан нь (XIII–XV зуун) (Сравнительное изучение норм права и обычая Монгольского единого государства и последующего периода) (XIII–XV вв.). Улан-Батор : ИЗИС, 1997. 350 с.
4. Бира Ш. Монголын түүх, соёл, түүх бичлэгийн судалгаа (История Монголии, культура, историографические исследования). Улан-Батор : МУШУА, 2001. 550 с.
5. Бира Ш. Монголын тэнгэрийн үзэл ба эдүүгээгийн дэлхийчлэлийн үзэл (Тэнгризм монголов и современная глобализация). Улан-Батор : МУШУА, 2002. 230 с.
6. Бира Ш. Түүвэр зохиол (Избранные труды). Улан-Батор : МУШУА, 2007. 420 с.
7. Бира Ш. Монголын нэгдсэн тулгар төр байгуулагдсан нь. (Образование единого монгольского государства). Улан-Батор : МУШУА, 1996. 340 с.
8. Бира Ш. Монголын төр ёсны уламжлал (Традиция монгольской государственности) \\\ Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл : Сборник научной конференции. Улан-Батор : МУШУА, 2006. С. 5–20.
9. Болдбаатар Ж. Чингис хаан. Улан-Батор : МУИС, 1999. 280 с.
10. Болдбаатар Ж., Лундээжанцан Д. Монгол улсын төр, эрх зүйн түүхэн уламжлал, шинэчлэлийн зарим асуудал. (Некоторые вопросы исторической традиции и инновации государства и права Монголии). Улан-Батор : ИЗИС, 2001. 160 с.
11. Бор Ж. Бигүүн дипломатч Чингис (Дипломатия Чингисхана). Улан-Батор : МУИС, 2004. 10 с.
12. Ганболд Ж., Наран Д., Мөнхцэцэг Т., Пунсаг А. Монголын Юан улс (Монгольское Юаньское государство). Улан-Батор : МУШУА, 2006. 360 с.
13. Далай Ч. Монголын түүх (1260–1388) (История Монголии 1260–1388). Улан-Батор : МУИС, 1992. 400 с.
14. Далай Ч. Хамаг Монгол улс (Государство Хамаг Монгол) (1101–1206). Улан-Батор : МУИС, 1996. 270 с.
15. Далай Ч. Их Монгол улс (Великое Монгольское государство). Улан-Батор : МУШУА, 2006. 320 с.
16. Дашням И. Чингисийн хаант улсын төр хууль цааз (Власть и закон в ханствах чингисидов). Улан-Батор : ИЗИС, 1998. 250 с.
17. Жугдэр Ч. Чингисийн төрийн үзэл, цэргийн эрдэм (Политические взгляды и военное искусство Чингиса). Улан-Батор : БХИС, 1990. 340 с.
18. Ишжамц Н. Чингисхаан (1162–1227). Улан-Батор : МУИС, 1999. 190 с.
19. Лхаашид Д. Монгол хаад зүтгэлтнүүдийн жолоодох урлаг (Искусство правления монгольских ханов). Улан-Батор : МУШУА, 1999. 220 с.
20. Монгол нутаг дахь түүх соёлын дурсгал (Историко-культурные памятники Монголии). Улан-Батор : МУСУИС, 1999. 810 с.
21. Монголын соёлын түүх. I–III боть. (История культуры Монголии). Т. I–III. Улан-Батор : МУСУИС, 1999. 1000 с.
22. Монголын эзэнт гүрний гадаад харилцаа (Внешняя политика Монгольской империи). Улан-Батор : Эрдэм, 1995. 240 с.
23. Намжил Х. Чингис хааны их засаг ба билэг (Великая Яса и билики Чингисхана). Улан-Батор : ИЗИС, 1990. 220 с.
24. Нацагдорж Ш. Чингис хааны цадиг (Жизнеописание Чингисхана). Улан-Батор : Эрдэм, 1991. 350 с.
25. Ням-Осор Н. Чингис хааны Их Засаг хуулийн тухай (О Великой Ясе Чингисхана). Улан-Батор : ИЗИС, 1995. 160 с.
26. Пурэвсурэн И. Чингисийн цэргийн уран мэх (Боевая тактика Чингисхана). Улан-Батор : БХИС, 1996. 280 с.
27. Санждорж М. Монгол төрийн түүхээс (Из истории монгольского государства) (XIII–XIV зуун). Улан-Батор : МУИС, 1998. 740 с.

28. Сэлэнгэ Ш. Чингис хааны алтан түүх (Золотая история Чингисхана). Улан-Батор : УБИС, 2000. 530 с.
29. Цолмон С. Монголын Алтан Ордон улс (Монгольское государство Золотая Орда). Улан-Батор : МУШУА, 2006. 360 с.
30. Шагдар Х. Монголчуудын аян дайн, цэргийн урлагийн түүх (XIII зуун) (Историю военных походов и военного искусства монголов (XIII век). Улан-Батор : БХИС, 2000. 440 с.
31. Энхчимэг Ц. Монголын Цагадайн улс (Монгольское Чагатайское государство). Улан-Батор : МУШУА, 2006. 290 с.
32. Энхчимэг Ц. К конфессиональной политике Гуюк хана (1246–1248) // Межконфессиональные отношения на рубеже тысячелетий. Материалы международной научно-практической конференции. 14–15 июня 2007. Улан-Удэ : ИМБИТ СО РАН, 2007. С. 149–151.
33. Энхчимэг Ц. К вопросу о политике монгольских ханов в области религии // История и культура народов Центральной Азии: наследие и современность. Часть 2, У-У. СПб. : СПбГУ, 2008. С. 162–165.
34. Энхчимэг Ц. Дэлхий дахины шашин хоорондын харилцаанд монголчуудын оруулсан хувь нэмэр (XIII-XIV зуун) (Вклад монголов в развитие межконфессиональных отношений (XIII–XIV вв)) // A New Global Order in North East Asia. June 23-25, Ulaanbaatar, Mongolia. Fukuyosha, 2008. P. 43–48.
35. Энхчимэг Ц. Төв Азийн ард түмний түүхэнд Тэнгэр шүтлэгийн гүйцэтгэсэн үүрэг (Роль поклонения небу в истории народов Центральной Азии) // The 1st International Sun & Tao Conference. 2009. October 22-25. Seoul, 2009. P. 72–80.
36. Энхчимэг Ц. К вопросу о начале распространения буддизма в Монгольской империи // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Третьи Доржиевские чтения. СПб. : СПбГУ, 2009. С. 77–83.
37. Энхчимэг Ц. Их Монгол улсын төрөөс шашны талаар явуулсан бодлого (Политика Великого Монгольского государства в области религии). Улан-Батор : МУШУА, 2011. 125 с.

References

1. Ankhbayar D. Mongolyn El khaadyn uls [Mongolian State of Ilkhanov]. Ulan-Bator, MUSHUA, 2006, 310 p. (In Mong.).
2. Bazarsuren Zh. Chingis khaany tsergiyn zer zevseg [Weapons of Genghis Khan]. Ulan-Bator, BKHS, 2002, 250 p. (In Mong.).
3. Bayarkhuu G. Mongolyn negdsen төрийн болон дараа үеийн khuul' tsaaz, zanshlyн khem khemzheeg khar'tsuulan sudalsan n' (XIII-XVIII зуун) [Comparative study of the norms of law and custom of the Mongolian unified state and the subsequent period (13th-14th centuries)]. Ulan-Bator, IZIS, 1997, 350 p. (In Mong.).
4. Bira Sh. Mongolyn түүх, соёл, түүх бичлэгийн судалгаа [History of Mongolia, culture, historiographical research]. Ulan-Bator, MUSHUA, 2001, 550 p. (In Mong.).
5. Bira Sh. Mongolyn tengeriyn үзэл ба эдүүгээгийн delkhiiychleliyn үзэл [Mongolian Tengrism and Modern Globalization]. Ulan-Bator, MUSHUA, 2002, 230 p. (In Mong.).
6. Bira Sh. Түүвэр зокхиол [Selected Works]. Ulan-Bator, MUSHUA, 2007, 420 p. (In Mong.).
7. Bira Sh. Mongolyn negdsen tulgar төр байгуулагдсан n' [Establishment of a unified Mongolian state]. Ulan-Bator, MUSHUA, 1996, 340 p. (In Mong.).
8. Bira Sh. Mongolyn төр esny ulamzhlal [Tradition of Mongolian statehood]. *Erdem shinzhilgeeni khurlyн emkhtgel*. [Erdem shinzhilgeeni horlin emkhtgel]. Ulan-Bator, MUSHUA, 2006, pp. 5-20. (In Mong.).
9. Boldbaatar Zh. Chingis khan [Genghis Khan]. Ulan-Bator, MUIS, 1999. 280 p. (In Mong.).
10. Boldbaatar Zh., Lundeezhantsan D. Mongol улсын төр, erkх зүүн түүхэн ulamzhlal, shinechleliyn зарим асуудал [Some issues of historical tradition and innovation of the state and law of Mongolia]. Ulan-Bator, IZIS, 2001, 160 p. (In Mong.).
11. Bor Zh. Bigүүн diplomatch Chingis [Diplomacy of Genghis Khan]. Ulan-Bator, MUIS, 2004, 10 p. (In Mong.).
12. Ganbold Zh., Naran D., Mönkhtsetseg T., Punsag A. Mongolyn Yuan улс [Mongolian Yuan State]. Ulan-Bator, MUSHUA, 2006, 360 p. (In Mong.).
13. Dalay Ch. Mongolyn түүх (1260-1388) [History of Mongolia (1260-1388)]. Ulan-Bator, MUIS, 1992, 400 p. (In Mong.).

14. Dalay Ch. Khamag Mongol uls (1101-1206) [The Mongol Empire (1101-1206)]. Ulan-Bator, MUIS, 1996. 270 p. (In Mong.).
15. Dalay Ch. Ikh Mongol uls [Great Mongol State]. Ulan-Bator, MUSHUA, 2006, 320 p. (In Mong.).
16. Dashnyam I. Chingisiyn khaant ulsyn төр khuul' tsaaz [The government and law of the Genghis Khanate]. Ulan-Bator, IZIS, 1998, 250 p. (In Mong.).
17. Zhugder Ch. Chingisiyn төрийн үзел, тsergiyn erdem [Chinggis's political views and military science]. Ulan-Bator, BKHS, 1990, 340 p. (In Mong.).
18. Ishzhamts N. Chingiskhaan (1162–1227) [Genghis Khan (1162–1227)]. Ulan-Bator, MUIS, 1999, 190 p. (In Mong.).
19. Lkhaashid D. Mongol khaad zytgeltnyydiyn zholoodokh urlag [The art of governance of the Mongol khans]. Ulan-Bator, MUSHUA, 1999. 220 p. (In Mong.).
20. Mongol nutag dakh' түүх соелын дурсгал [Historical and cultural monuments of Mongolia]. Ulan-Bator, MUSUIS, 1999, 810 p. (In Mong.).
21. Mongolyn соелын түүх. I-III bot' [History of Mongolian culture.]. Vol. I-III, Ulan-Bator, MUSUIS, 1999, 1000 p. (In Mong.).
22. Mongolyn ezent gymiy gadaad khariltsaa [Foreign policy of the Mongol Empire]. Ulan-Bator, Erdem, 1995, 240 p. (In Mong.).
23. Namzhil Kh. Chingis khaany ikh zasag ba bileg [Genghis Khan's Great Yasa and Knowledge of Genghis Khan]. Ulan-Bator, IZIS, 1990. 220 p. (In Mong.).
24. Natsagdorz Sh. Chingis khaany tsadig [Biography of Genghis Khan]. Ulan-Bator, Erdem, 1991, 350 p. (In Mong.).
25. Nyam-Osor N. Chingis khaany Ikh Zasag khuuliyn tukhay [About the Great Yasa of Genghis Khan]. Ulan-Bator, IZIS, 1995, 160 p. (In Mong.).
26. Purevsuren I. Chingisiyn tsergiyn uran mekh [Genghis Khan's Combat Tactics]. Ulan-Bator, BKHS, 1996, 280 p. (In Mong.).
27. Sanzhdorzh M. Mongol төрийн түүхөөс (XIII-XIY зуун) [From the history of the Mongol state (XIII-XIY centuries)]. Ulan-Bator, MUIS, 1998, 740 p. (In Mong.).
28. Selenge Sh. Chingis khaany altan түүх [The Golden History of Genghis Khan]. Ulan-Bator, UBIS, 2000, 530 p. (In Mong.).
29. Tsolmon S. Mongolyn Altan Ordon uls [Mongolian state Golden Horde]. Ulan-Bator, MUSHUA, 2006, 360 p. (In Mong.).
30. Shagdar Kh. Mongolchuudyn ayan dayn, tsergiyn urlagiyn түүх (XIII зуун) [History of military campaigns and military art of the Mongols (13th century)]. Ulan-Bator, BKHS, 2000, 440 p. (In Mong.).
31. Enkhchimeg Ts. Mongolyn Tsagadayn uls [Mongolian Chagatai State]. Ulan-Bator, MUSHUA, 2006, 290 p. (In Mong.).
32. Enkhchimeg Ts. K konfessional'noy politike Guyuk khana (1246-1248) [On the confessional policy of Guyuk Khan (1246-1248)]. *Mezhkonfessional'nye otnosheniya na rubezhe tysyacheletiy* [Interfaith Relations at the Turn of the Millennium]. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Ulan-Ude, IMBiT SO RAN, 2007, pp. 149-151. (In Russ.).
33. Enkhchimeg Ts. K voprosu o politike mongol'skikh khanov v oblasti religii [On the issue of the policy of the Mongol khans in the field of religion]. *Istoriya i kul'tura narodov Tsentral'noy Azii: nasledie i sovremennost'* [History and Culture of the Peoples of Central Asia: Heritage and Modernity]. Part 2, Saint Petersburg, SPbGU, 2008, pp. 162-165. (In Russ.).
34. Enkhchimeg Ts. Delkhiy dakhiny shashin khorondyn khariltsaand mongolchuudyn oruulsan khuv' nemer (XIII-XIY зуун) [The contribution of the Mongols to global interfaith relations (XIII-XIY centuries)]. *A New Global Order in North East Asia*. June 23-25, Ulaanbaatar, Mongolia. Fukyosha, 2008, pp. 43-48. (In Mong.).
35. Enkhchimeg Ts. Төв Азийн ард тымний түүхэнд Тенгер шьтлегиин гьютсетгесен үйрег [The role of God worship in the history of the peoples of Central Asia]. *The 1st International Sun & Tao Conference*. 2009. October 22-25, Seoul, 2009, pp. 72-80. (In Mong.).
36. Enkhchimeg Ts. K voprosu o nachale rasprostraneniya buddizma v Mongol'skoy imperii [On the beginning of the spread of Buddhism in the Mongol Empire]. *Buddiyskaya kul'tura: istoriya, istochnikovedenie, yazykoznanie i iskusstvo. Tret'i Dorzhievskie chteniya* [Buddhist Culture: History, Source Studies, Linguistics and Art. Third Dorzhiev Readings]. Saint Petersburg, SPbGU, 2009, pp. 77-83. (In Russ.).

37. Enkhchimeg Ts. Ikh Mongol ulsyn төрөөс шашны талаар явуулсан бодлого [The policy of the Great Mongol State in the field of religion]. Ulan-Bator, MUSHUA, 2011, 125 p. (In Mong.).

Информация об авторах

Цэндмаа Энхчимэг – доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник, ученый секретарь
Института истории и этнологии АН Монголии;

О. В. Лушников – кандидат исторических наук, доцент,
директор Центра Евразийских исследований им. Г. В. Вернадского
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Information about the authors

Tsendmaa Enkhchimeg – Grand Ph. D. (History),
Leading Researcher, Scientific Secretary of the Institute of History
and Ethnology of the Academy of Sciences of Mongolia;

O. V. Lushnikov – Ph. D. (History), Associate Professor,
Director of the Center for Eurasian Studies named after G. Vernadsky
at Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024;
принята к публикации 20.10.2024.

The article was submitted 05.09.2024; approved after reviewing 15.10.2024; accepted for
publication 20.10.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 16–24.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 16. P. 16-24.

Научная статья

УДК 94(517.3)

doi: 10.24412/2713-0231-2024-16-16-24

СОЗДАНИЕ ВЕЛИКОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРАЗИИ В XIII–XV ВВ.

Олег Вадимович Лушников

Центр Евразийских исследований им. Г. В. Вернадского Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Пермь, Россия, oleglushnikov@ya.ru

Аннотация. История Евразии представляет собой смену периодов интеграции и дезинтеграции как единого культурного, экономического и политического пространства. Для формирования евразийской историко-культурной общности имелись существенные природные предпосылки. Значительную роль в деле перемещения людей, вещей и идей сыграл и протянувшийся от Хингана до Дуная сплошной пояс степей. Опыт интеграции Евразии монголами в XIII–XV вв. является одним из самых ярких моментов в истории континента, наравне с периодами интеграции Евразии тюрками (VI–VII вв.) и русскими (XVI–XXI вв.). Изучение истории создания Великой Монгольской империи, как непосредственного геополитического предшественника России, стало одним из основных направлений дискуссий в отечественной исторической науке. В статье рассматривается эволюция взглядов на причины создания и особенности Монгольской империи. Оценки ее от «паразитической деструктивной системы всемирного грабежа» и «раннефеодального государства», до «сверхсложного вожества», «суперполитии», «гипер-империи», «системы империй», цивилизации и «мир-системы». Комплексный анализ роль социальной структуры монгольского общества, развития технологий, военного, дипломатического, религиозного и административного механизмов в успехе создания самой масштабной державы средневековья, даёт нам объективный взгляд на феномен Великой Монгольской империи, помогая понять процессы, происходившие в Евразии XIII – XIV вв. и продолжающие влиять на современность.

Ключевые слова: Монгольская империя, Евразийская цивилизация, эволюция взглядов, интеграция, современность.

Для цитирования: Лушников О. В. Создание Великой Монгольской империи как опыт интеграции Евразии в XIII–XV вв. // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 16–24. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-16-24>

Original article

CREATION OF THE GREAT MONGOL EMPIRE AS AN EXPERIENCE OF INTEGRATION OF EURASIA IN THE XIII–XV CENTURIES

Oleg V. Lushnikov

The Center for Eurasian Studies named after G. Vernadsky at Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, oleglushnikov@ya.ru

Abstract. The history of Eurasia is a change of periods of integration and disintegration of it as a single cultural, economic and political space. There were essential natural prerequisites for the formation of the Eurasian historical and cultural community. The continuous belt of steppes stretching from Khingan to the Danube also played a significant role in the movement of people, things and ideas. The experience of integration of Eurasia by the Mongols in the XIII – XV centuries is one of the brightest moments in the

history of the continent, along with the periods of integration of Eurasia by the Turks (VI – VII centuries) and Russians (XVI – XXI centuries). The study of the history of the creation of the Great Mongol Empire, as the immediate geopolitical predecessor of Russia, has become one of the main areas of discussion in Russian historical science. The article examines the evolution of views on the reasons for the creation and features of the Mongol Empire. Its assessments range from the "parasitic destructive system of world plunder" and the "early feudal state", to the "super-complex chiefdom", "super-politics", "hyper-empire", "system of empires", civilization and "world-system". A comprehensive analysis of the role of the social structure of Mongolian society, the development of technology, military, diplomatic, religious and administrative mechanisms in the success of the creation of the largest power of the Middle Ages, gives us an objective look at the phenomenon of the Great Mongolian Empire, helping to understand the processes that took place in Eurasia of the XIII – XIV centuries and continue to influence modernity.

Keywords: the Great Mongol Empire, the Eurasian civilization, evolution of views, integration, modernity.

For citation: Lushnikov O. V. Creation of the Great Mongol Empire as an experience of integration of Eurasia in the XIII–XV centuries. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;16:16-24. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-16-24>

Введение

История Евразии представляет собой смену периодов интеграции и дезинтеграции ее как единого культурного, экономического и политического пространства. Для формирования евразийской историко-культурной общности имелись существенные природные предпосылки. Значительную роль в деле перемещения людей, вещей и идей сыграл и протянувшийся от Хингана до Дуная сплошной пояс степей. Вытянутый в широтном направлении Евразийский континент в северной его половине не разделен высокогорными хребтами или большими пустынями, которые могли бы существенно ограничить общение обитателей разных его частей. Широкие реки не столько разъединяли, сколько связывали народы Евразии. Близость ландшафтно-природных условий способствовала формированию сходных хозяйственно-культурных типов, а все более умножающиеся прямые и опосредованные контакты между населением разных областей Евразии, и, особенно массовые миграции населения, помогали распространению культурных новаций и унификации их культурного облика.

Основная часть

Раньше всего сближение произошло в степном поясе и непосредственно примыкавших к нему с севера и с юга территориях. Значительная близость культур этой зоны отчетливо наблюдается уже в I тыс. до н. э. [История татар 2006: 15]. На протяжении всей древней и средневековой истории в среде евразийских народов складывались и преемственно закреплялись этнокультурные традиции, которые, имея зачастую различные истоки, постепенно формировали этнически существенные особенности, в той или иной мере присущие всем евразийским племенам.

Но, безусловно, самый масштабный евразийский проект, аккумулировавший весь опыт предыдущих эпох, был впервые реализован во времена Великой Монгольской империи. Эпоха Монгольской империи стала кардинальной вехой в истории Евразии, заложив основы современного мира. Это заставляет исследователей снова и снова обращаться к изучению Великой Монгольской империи, ставшей своеобразной матрицей общеевразийского цивилизационного пространства. Отличием отечественной исторической науки в рассмотрении монгольского фактора в мировой истории, является преодоление предвзятого отношения, характерного для исследователей стоящих на позициях «европоцентристского» ориентализма (гипертрофирование деструктивных тенденций, как «результата всемирного грабежа диких варваров») [Оссон 1937].

Российское востоковедение уже в XIX – нач. XX в. в лице И. Н. Березина, В. В. Григорьева, В. В. Бартольда, Б. Я. Владимирцова, Г. Е. Грумм-Гржимайло и других,

впервые стало относиться к монголам, не как к «великим варварам», а как к равным участникам мирового исторического процесса, рассматривая кочевников, как особую цивилизацию [Бартольд 1963; Березин 1864; Владимирцов 1922; Григорьев 1875; Грумм-Гржимайло 1926; Иванин 1875; Патканов 1870]. Однако в советский период данный евразийский подход был вытеснен в основном в эмиграцию (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Э. Хара-Даван и др.), а в СССР доминирующими стали идеи европоцентриста К. Маркса. Ведущей концепцией советского периода стал «кочевой феодализм», основанный на праве распределения пастбищных угодий. Становление монгольского государства сводилось к борьбе между отдельными нойонами за власть [Владимирцов 1934]. Были и попытки найти в межплеменной борьбе за власть «классовую борьбу». Но специфика кочевых обществ с трудом помещалась в «прокрустово ложе» марксизма. Так же в советское время также получили развитие история монгольских завоеваний и представление о Монгольской империи, как о грабительском, искусственном государственном образовании, существовавшем только благодаря военной силе, и имевшем сугубо отрицательное влияние, как на покоренные народы, так и на сам монгольский народ

В советское время учеными были в основном хорошо разработана история монгольских завоеваний [Татаро-монголы 1977] и сформулирована точка зрения о сугубо отрицательном влиянии Монгольской империи на ход исторической эволюции, представление о Монгольской империи и ее Улусах, как о грабительском, искусственном государственном образовании, существовавшем только благодаря военной силе [Мерперт 1962: 118]. Тем не менее, в работах В. В. Бартольда, Н. Ц. Мункуева, Е. И. Кычанова, Л. А. Боровковой, Л. Н. Гумилева и в трудах ученых региональных научных центров Сибири, Поволжья, Кавказа, Средней Азии, Казахстана можно встретить и объективные оценки монгольской эпохи [Лушников 2009]. Также необходимо отметить, что созданная в советский период научно-исследовательская база, введение в научный оборот множества первоисточников, материалы значительных археологических и нумизматических исследований, стали основой переосмысления эпохи Монгольской империи в современной науке. На смену формационному подходу сегодня пришел цивилизационный, объясняющий сложные процессы взаимодействия кочевой и оседлой культур в истории Евразии.

Если авторы XVIII–XIX вв. делали акцент на жестокости войн Чингисхана и тирании кочевников, как единственном базисе Великой Монгольской империи, то современные ученые отмечают, что в условиях того уровня развития техники, ни создать, ни удержать такое огромное государство только на насилии было невозможно [Базаров 2005: 255.]. Существовали и естественные причины экономического, культурного, религиозного, этнического характера, которые вели народы и регионы Евразии к потребности объединения, сосуществования в едином государстве. Глубоко исследовав специфику кочевых держав Евразии, большинство специалистов пришли к выводу, что Великая Монгольская империя, несмотря на ряд схожих черт с государствами хунну и тюрок, обладает уникальными характеристиками, что и позволило ей стать поворотным моментом в евразийской и мировой истории. Исследователями выделяется несколько вариантов места Великой Монгольской империи в политической стратификации, исходя из понимания степени сложности общества средневековых монголов – «предгосударственное вождество», «раннегосударственное образование», «состоявшееся государство», «империя империй», «цивилизация», «мир-система».

Ряд авторов, видят главную причину возникновения Великой Монгольской империи в изменении Чингисханом принципа родовой организации на военно-хозяйственные единицы – тысячи, поменявшем всю психологию монгольского общества. «Каждый стал осознавать себя элементом, частью новой сверхсистемы. Идея государства слилась с идеей общенародного единства» [Биткеев 1992: 18.]. Другие напротив, считают, что Великая Монгольская империя образовалась не в результате разложения родовых отношений, а наоборот, родовые отношения стали созидательным базисом для всей государственной жизни, как социально–экологическая основа порядка в степи (этика родства, как модель

формирования внешних связей (институт побратимства, отношение к чужим, как к родным), и к государству, как к дому). «Чингисхан не создавал в общественно-политической жизни степи чего-то принципиально нового, а опирался на государственно-политический опыт предыдущих поколений» [Урбанаева 1992: 13.].

Создание Великой Монгольской империи объясняется также не только особенностями менталитета и традиционной культуры монголов, но и причинами этнокультурного и религиозного характера. Ц. Жамцарано, Г. В. Вернадский, Т. Д. Скрынникова отмечают большую роль ритуала в монгольском обществе, единство политической и ритуальной власти, веру в божественность монарха, носителя идеи порядка и мироустройства, а также, что харизматическая природа власти в монгольском обществе подразумевала определенные мессианские устремления в установлении божественного порядка во всем мире.

Современные отечественные исследователи вслед за западными учеными задаются вопросами: как в антропологических теориях политической эволюции следует классифицировать кочевые империи? Могут ли они считаться государствами или это были предгосударственные политии? Эти вопросы до сих пор остаются дискуссионными. Среди современных отечественных монголоведов и тюркологов, благодаря А. М. Хазанову, получила в последнее время широкое распространение теория «вождества» («chiefdom») – промежуточного звена между локальными группами, общинами и государственными структурами, догосударственной формы сложной военно-политической и этносоциальной иерархии [Khasanov 1984].

Наиболее масштабно проблемы генезиса Великой Монгольской империи исследованы крупным специалистом по истории кочевых империй из Владивостока, академиком РАН Н. Н. Крадиным. Он выделяет следующие признаки кочевых империй: 1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями; 2) дуальный (на крылья) или триадный (на крылья и центр) принцип административного деления империи; 3) военно-иерархический характер общественной организации “метрополии”, чаще всего по “десятичному” принципу; 4) ямская служба как особый способ организации административной инфраструктуры; 5) специфическая система наследования власти (империя – достояние всего ханского рода, институт соправительства, курултай); 6) особый характер отношений с земледельческим миром [Крадин 1995].

Рассматривая историю кочевых обществ Евразии, Н. Н. Крадин находит три характерных модели кочевых империй: типичные (кочевники и земледельцы сосуществуют на расстоянии (хунну, сяньби, тюрки, уйгуры, первое Скифское царство и др.)), даннические (земледельцы зависят от кочевников, формирование бюрократического аппарата для управления завоеванными земледельческими обществами (Хазарский каганат, империя Ляо, Золотая Орда, Юань и др.)), завоевательные (переселение кочевников на территорию земледельческого общества, симбиоз, регулярное налогообложение земледельцев (Парфия, Кушанское царство, поздняя Скифия и др.) [Крадин 2000].

Н. Н. Крадин выделяет четыре варианта образования степных держав: 1) «монгольский» – внутренняя интеграция харизматическим лидером кочевников в централизованную империю (хунну, сяньби, кидани, монголы); 2) «тюркский» – образование на периферии кочевой империи политического объединения с сильными центристскими тенденциями, заканчивающееся сменой лидера в регионе (тюрки, жужани, уйгуры, чжурчжэни, кидани); 3) «гуннский» – миграция номадов и последующим подчинением ими земледельцев (авары, болгары, венгры, Тоба Вэй, каракидани); 4) «хазарский» – образование кочевых империй из сегментов уже существовавших более крупных “мировых” империй номадов – тюркской и монгольской [там же: 212].

Проведя системное исследование социальной структуры и общественной организации монгольского общества, уделив большое внимание социально-экономическим, геополитическим и культурным предпосылкам рождения Монгольской державы,

Н. Н. Крадин и Т. Д. Скрынникова разбирая ряд современных взглядов на уровень сложности общества средневековых монголов (государство, предгосударственное вождество, раннегосударственное образование, кочевой феодализм, цивилизация, мир-система). Пришли к выводам, что наиболее адекватно отражает сущность Великой Монгольской империи концепция вождества («chiefdom») [Крадин, Скрынникова 2006: 44, 53, 507.]. Характер монгольского государства Н. Н. Крадин, считает двойственным. По его мнению, несмотря на то, что снаружи «кочевая империя» выглядела как высокоорганизованное, иерархическое, деспотическое государство (так как она создавалась для покорения земледельческо-городских обществ и добывания с них прибавочного продукта данью или налогами), внутри «кочевая империя» оставалась основанной лишь на родоплеменных связях, без установления налогообложения и эксплуатации скотоводов [Крадин 1997: 18].

Военный историк Р. П. Храпачевский также представляет бинарный характер ВМИ – сочетающей в себе характерные черты и «вождества» и «кочевого феодализма». Отмечая, что на базе «chiefdom», типичного для кочевников со времён хунну, Чингисхан создал первое центральноазиатское раннефеодальное государство [Храпачевский 2005: 48].

Также нельзя оставить без внимания фактор определенной технологической революции в военном деле, как базы монгольского успеха (монгольский рефлексированный лук, элементы оборонительного вооружения (легкие панцири «хатангу дегель», тяжелые пластинчатые панцири, легкие кавалерийские щиты и др.), а также коннострелковая военная тактика и применение пороха). В сочетании с эффективной системой управления, военных и гражданских властей («баскаки», «даруги», «шихне»); переписи населения и основанной на них системы податей и повинностей (подушно-поземельный налог, «тамга», «улаг», постоянная повинность и «корм», всеобщая воинская обязанность, выражающейся в поставках рекрутов), транспортной («ямская служба») и финансовой систем [Нефедов 2000: 215]. Если ряд авторов не считает Великую Монгольскую империю государством, оставляя ей только статус «сверхсложного вождества», то на другом историографическом полюсе находятся ученые, признающие ее «суперполитией», «гипер-империей», «системой империй». С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов и В. В. Трепавлов рассматривая проблему исторической преемственности корней монгольской государственности в великих державах Евразии, приходят к выводу, что Монгольская империя XIII в. все же является государством, и возникла в результате распространения тюрко-монгольской государственной традиции, существовавшей с хуннских времён, с III в. до н. э., став вершиной в достижениях евразийских кочевников [Кляшторный 2004; Трепавлов 1993].

Благодаря комплексу компаративистских исследований сибирского ученого С. А. Васютина разработку получил фактор взаимозависимости изменений во взаимоотношениях кочевников с земледельцами и трансформации политических и социальных институтов у номадов, что в свою очередь формирует различные подтипы и смешанные варианты кочевых империй. И даже в рамках одного типа кочевой империи это позволяет выделять в разные промежутки различные формы политических систем. Так в отличие от тюркских каганатов, вписывающихся в разработанные кочевниковедами схемы «суперсложного вождества», С. А. Васютин определяет Монгольскую империю уже в 1210–1240-х гг. как «уникальную номадную суперполитию, максимальный взлет имперских структур кочевников» [Васютин 2007]. На материалах сравнительного анализа Первого Тюркского каганата 552 г. и Монгольской империи 1206 г. С. А. Васютин убедительно подчеркивает их различия. «Если на начальном этапе Монгольскую империю можно еще приравнять к сложным вождествам с даннической эксплуатацией, то в середине XIII в. в Монгольской империи налицо все основные государственные институты, позволяющие ее отнести уже к категории «данническо-завоевательной империи»» [там же: 102].

Главную силу Монгольской империи С. А. Васютин видит в трансформации кочевых политических традиций самим Чингисханом: 1) привлечение талантливых военачальников и администраторов из покоренных народов, а не только из кочевой знати; 2) трансформация

этно-племенной структуры кочевого мира, культурный симбиоз тюрок и монголов; 3) объединение мир-империи и кочевой периферии в единую политическую структуру (замена дани на прямое налогообложение в земледельческих районах); 4) постепенное превращение монгольской империи в мир-систему (специализация регионов, многосторонние торговые внутренние и внешние связи, транспортировка товаров по всей Евразии, параллельное развитие торговых и административных структур (крупные торговые центры при военно-административных ставках империи), объединение практически всех кочевников Евразии и большинства земледельческих центров Азии и Восточной Европы, в результате чего накопленный разными цивилизациями технологический и интеллектуальный потенциал смог стать достоянием первой евразийской мир-системы.

Можно согласиться с аргументами проф. С. А. Васютина, что в лице монгольской суперполитии объединились кочевая империя, государство и мир-система. Великую Монгольскую империю как империю особого типа рассматривают также Э. Д. Дагбаев, А. А. Немировский и Е. И. Кычанов. Согласно Э. Д. Дагбаеву, имперская система представляет такой тип политической системы, которая охватывает большие территории и этнически неоднородные группы, выступающие в качестве политической организации, – способа разрешения конфликтов культурно мотивированных политических ориентаций. Монгольская империя представляет собой тот случай политической организации, когда автономизация политического центра выражена достаточно слабо, а территориальные сегменты имели свой политический центр. «Улусные элиты создавали автономные религиозные центры, обособленные от центра, вводили новые системы символов, построенные на этнокультурной однородности периферий. В итоге политическая борьба определялась сосуществованием и противостоянием «больших» традиций, идущих от центра, и «малых», носителями которых выступали локальные сообщества» [Дагбаев 2002: 520].

Конгломератом монархий разного уровня, а не единым монолитом, считает Великую Монгольскую империю с.н.с. ИВИ РАН А. А. Немировский. «Между частями империи с 1260-х гг. часто шли междоусобные войны. Однако, всеимперское единство, хотя бы и в весьма аморфном виде, было способно восстанавливаться после любых усобиц и имело вполне реальную силу на всей очерченной выше территории еще спустя век с лишним после воцарения Чингисхана» [Немировский эл. ресурс].

Санкт-Петербургский востоковед Е. И. Кычанов, в свой черед предложил компромиссный вариант, рассматривая Еке Монгол Улус как гипер-державу, преобразовавшуюся из унитарного государства в третьей трети XIII в. в систему империй, находящихся в динамическом взаимодействии, предполагающем и периодические внутренние конфликты, но, тем не менее, объединенных общей династией чингизидов. Указывая на тот факт, что формальная зависимость улусов от Великого хана сохранялась до самого падения династии Юань. Улусные ханы входили в иерархию властной элиты Юань и получали определенное денежное содержание, периодически отправляли императору Юань подарки в виде символической дани [Кычанов 2000: 157].

Заключение

В целом, причины успехов монголов в создании гигантской евразийской империи объясняются сегодня учеными следующими факторами: силой организованности, сплоченности, выучки войск, тактико-стратегическим гением полководцев, фанатичной верой в победу, быстрым освоением китайской военной техники, ослабленностью противников (внутренняя нестабильность), гибкой военно-социальной структурой превращавшей кочевое общество в “народ-войско”, десятичной военно-административной системой облегчавшей включение в империю внешних сил, веротерпимостью, успехами дипломатии, приспособлении военно-государственной машины управления к местным условиям покоренных стран, автономизации [Басхаев 2002; Мясников 2002; Мухаметов 2007; Худяков 1997].

Попытка выделить какой-либо один из рассмотренных выше факторов генезиса Великой Монгольской империи, как определяющий и объясняющий все нюансы ее специфики, изначально вела бы к обеднению исторической науки. По нашему мнению, именно все вместе взятые факторы, в комплексе, безусловно, дают объективный взгляд на феномен Великой Монгольской империи, помогая понять процессы, происходившие в Евразии XIII – XIV вв. и продолжающие влиять на современность.

Список литературы

1. Бартольд В. В. Сочинения в 9 т. М. 1963–1973. Т. 9. М. : Наука, 1963–1973. 960 с.
2. Басхаев А. Н. Монгольская армия XII–XIII в. // Монголоведение. № 1. Элиста : Джангар. 2002. С. 145–156.
3. Березин Н. И. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1863. 112 с.
4. Биткеев М. П. Философские проблемы формирования феодального государства как формы общенародного единства у монголов // Международный конгресс монголоведов (VI). Улан-Батор : МАМ, 1992. С. 17–19.
5. Боровкова Л. А. Влияние господства монголов на развитие китайского общества XIII–XIV вв. // Международный конгресс монголоведов (IV). Т. 1. Улан-Батор : МАМ, 1982. С. 19–25.
6. Васютин С. А. Кочевая империя, государство и мир-система: Монгольская империя и Первый Тюркский каганат в сравнительно-историческом ракурсе // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Т. 2. Улан-Удэ : БГУ, 2007. С. 97–110.
7. Владимирцов Б. Я. Чингисхан. Берлин, Петербург. М. : Гржебина, 1922. 180 с.
8. Григорьев В. В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // Журнал министерства народного просвещения. 1875. № 3. С. 8–23.
9. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л. : Учен. Комис. Монг. респ. 1926. 896 с.
10. Дагбаев Э. Д. Монгольское государство как особый тип империи // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Улан-Удэ : БГУ, 2002. С. 510–520.
11. Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб.: «Общественная польза», 1875. 252 с.
12. История татар с древнейших времен в 7 т. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Т. 1. 2006, Т. 3. 2009. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 1056 с.
13. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. 320 с.
14. Крадин Н. Н. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. 1995. Вып. 3. С. 164–179.
15. Крадин Н. И. Номады // Родина. 1997. № 3–4. С. 17–18.
16. Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации : Коллективная монография / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М. : Логос, 2000. С. 315–355.
17. Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М. : Восточная литература, 2006. 557 с.
18. Кычанов Е. И. История династии Юань о золотой Орде // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. 2000. Вып. 19. С. 149–152.
19. Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Чингисхан и его наследие // История СССР. 1962. № 5. С. 92–119.
20. Мухаметов Ф. Ф. Отечественная историография монгольского завоевания Руси : автореф.... д. и. наук. М., 2007. 40 с.
21. Мясников В. Ю. Военное дело монголов XIII в. в отечественной исторической литературе // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Т. 1. Улан-Удэ : БГУ. 2002. С. 144–148.
22. Нефедов С. А. Теория культурных кругов (на основе анализа монгольских завоеваний) // Уральский исторический вестник. 2000. № 5–6. С. 189–220.
23. Немировский А. А. Портрет Монгольской империи. URL: http://www.wirade.ru/history/history_portret_mongol.html. (дата обращения 18.05.2024)

24. Оссон к де. История монголов от Чингис-хана до Тамерлана. Иркутск : Вост.-Сиб. обл. изд., 1937. 295 с.
25. Патканов К. П. История монголов по армянским источникам. СПб.: Имп. АН, 1873. 107 с.
26. Татаро-монголы в Азии и Европе. М. : Наука, 1977. 503 с.
27. Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М. : Наука, 1993. 163 с.
28. Урбанаева И. С. Монгольский мир: человеческое лицо истории. Улан-Удэ : БНЦ, 1992. 52 с.
29. Храпаческий Р. П. Военная держава Чингисхана. М. : АСТ. 2005. 560 с.
30. Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск : ИАиЭ СО РАН. 1997. 160 с.
31. Khasanov A. M. Nomads and the Outside World. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1984. 604 p.

References

1. Bartol'd V. V. Sochineniya v 9 t. [Works in 9 volumes.]. Moscow, 1963-1973, vol. 9, Moscow, Nauka, 1963-1973, 960 p. (In Russ.).
2. Baskhaev A. N. Mongol'skaya armiya XII-XIII v. [Mongol army of the 12th–13th centuries.]. *Mongolovedenie* [Mongolian studies]. No. 1, Elista, Dzhangar, 2002, pp. 145-156. (In Russ.).
3. Berezin N. I. Oчерк vnutrennego ustroystva ulusa Dzhuchieva [Essay on the internal structure of the ulus of Dzhuchiev]. Saint Petersburg, Типография Императорской Академии Наук, 1863, 112 p. (In Russ.).
4. Bitkeev M. P. Filosofskie problemy formirovaniya feodal'nogo gosudarstva kak formy obshchenarodnogo edinstva u mongolov [Philosophical problems of the formation of the feudal state as a form of national unity among the Mongols]. *Mezhdunarodnyy kongress mongolovedov (VI)* [International Congress of Mongolian Studies (YY)]. Ulan-Bator, MAM, 1992, pp. 17-19. (In Russ.).
5. Borovkova L. A. Vliyanie gospodstva mongolov na razvitie kitayskogo obshchestva XIII-XIV vv. [The influence of the Mongol rule on the development of Chinese society in the 13th-14th centuries.]. *Mezhdunarodnyy kongress mongolovedov (IV)* [International Congress of Mongolian Studies (ICMS)]. Vol. 1, Ulan-Bator, MAM, 1982, 19-25. (In Russ.).
6. Vasyutin S. A. Kochevaya imperiya, gosudarstvo i mir-sistema: Mongol'skaya imperiya i Pervyy Tyurkskiy kaganat v sravnitel'no-istoricheskom rakurse [Nomadic Empire, State and World-System: The Mongol Empire and the First Turkic Khaganate in a Comparative Historical Perspective]. *Chingiskhan i sud'by narodov Evrazii* [Genghis Khan and the Fates of the Peoples of Eurasia]. Vol. 2, Ulan-Ude, BGU, 2007, pp. 97-110. (In Russ.).
7. Vladimirtsov B. Ya. Chingiskhan. Berlin, Peterburg [Genghis Khan. Berlin, Petersburg]. Moscow, Grzhebina, 1922, 180 p. (In Russ.).
8. Grigor'ev V. V. Ob otnosheniyakh mezhdru kochevymi narodami i osedlymi gosudarstvami [On the relations between nomadic peoples and sedentary states]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. 1875, no. 3, pp. 8-23. (In Russ.).
9. Grumm-Grzhimaylo G. E. Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy kray [Western Mongolia and Uryankhai Region]. Vol. 2, Leningrad, Uchen. Komis. Mong. resp., 1926, 896 p. (In Russ.).
10. Dagbaev E. D. Mongol'skoe gosudarstvo kak osoby tip imperii [The Mongolian state as a special type of empire]. *Chingiskhan i sud'by narodov Evrazii* [Genghis Khan and the Fates of the Peoples of Eurasia]. Ulan-Ude, BGU, 2002, pp. 510-520. (In Russ.).
11. Ivanin M. I. O voennom iskusstve i zavoevaniyakh mongolo-tatar i sredneaziatskikh narodov pri Chingis-khane i Tamerlane [On the military art and conquests of the Mongol-Tatars and Central Asian peoples under Genghis Khan and Tamerlane]. Saint Petersburg, Obshchestvennaya pol'za, 1875, 252 p. (In Russ.).
12. Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v 7 t. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda) XIII - seredina XV v. [History of the Tatars from ancient times in 7 volumes. Ulus of Jochi (Golden Horde) XIII - mid-XV century.]. Vol. 1, 2006, vol. 3. 2009, Kazan', Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 1056 p. (In Russ.).
13. Klyashorny S. G., Sultanov T. I. Gosudarstva i narody Evraziyskikh stepey. Drevnost' i srednevekov'e [States and peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the Middle Ages]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2004, 320 p. (In Russ.).
14. Kradin N. N. Kochevnichestvo v tsivilizatsionnom i formatsionnom razvitii [Nomadism in civilizational and formational development]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. 1995, iss. 3, pp. 164-179. (In Russ.).
15. Kradin N. I. Nomady [Nomad]. *Rodina* [Family]. 1997, no. 3-4, pp. 17-18. (In Russ.).

16. Kradin N. N. Kochevniki, mir-imperii i sotsial'naya evolyutsiya [Nomads, World Empires and Social Evolution]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative Paths to Civilization]. Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotaev, D. M. Bondarenko, V. A. Linshi, Moscow, Logos, 2000, pp. 315-355. (In Russ.).
17. Kradin N. N., Skrynnikova T. D. Imperiya Chingis-khana [Empire of Genghis Khan]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2006, 557 p. (In Russ.).
18. Kychanov E. I. Istoriya dinastii Yuan' o zolotoy Orde [Yuan Dynasty History of the Golden Horde]. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* [Historiography and source studies of the history of Asian and African countries]. 2000, iss. 19, pp. 149-152. (In Russ.).
19. Merpert N. Ya., Pashuto V. T., Cherepnin L. V. Chingiskhan i ego nasledie [Genghis Khan and his legacy]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR]. 1962, no. 5, pp. 92-119. (In Russ.).
20. Mukhametov F. F. Otechestvennaya istoriografiya mongol'skogo zavoevaniya Rusi [Domestic historiography of the Mongol conquest of Rus']. Doctoral dissertation abstract. Moscow, 2007, 40 p. (In Russ.).
21. Myasnikov V. Yu. Voennoe delo mongolov XIII v. v otechestvennoy istoricheskoy literature [Military affairs of the Mongols of the 13th century in Russian historical literature]. *Chingiskhan i sud'by narodov Evrazii* [Genghis Khan and the Fates of the Peoples of Eurasia]. Vol. 1, Ulan-Ude, BGU, 2002, pp. 144-148. (In Russ.).
22. Nefedov S. A. Teoriya kul'turnykh krugov (na osnove analiza mongol'skikh zavoevaniy) [Theory of cultural circles (based on the analysis of the Mongol conquests)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2000, no. 5-6, pp. 189-220. (In Russ.).
23. Nemirovskiy A. A. Portret Mongol'skoy imperii [Portrait of the Mongol Empire]. (In Russ.). Available at: http://www.wirade.ru/history/history_portret_mongol.html. (accessed:18.05.2024).
24. Osson k de. Istoriya mongolov ot Chingis-khana do Tamerlana [History of the Mongols from Genghis Khan to Tamerlane]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1937, 295 p. (In Russ.).
25. Patkanov K. P. Istoriya mongolov po armyanskim istochnikam [History of the Mongols according to Armenian sources]. Saint Petersburg, Imp. AN, 1873, 107 p. (In Russ.).
26. Tataro-mongoly v Azii i Evrope [Tatar-Mongols in Asia and Europe]. Moscow, Nauka, 1977, 503 p. (In Russ.).
27. Trepavlov V. V. Gosudarstvennyy stroy Mongol'skoy imperii XIII v.: Problema istoricheskoy preemstvennosti [The State System of the Mongol Empire in the 13th Century: The Problem of Historical Continuity]. Moscow, Nauka, 1993, 163 p. (In Russ.).
28. Urbanaeva I. S. Mongol'skiy mir: chelovecheskoe litso istorii [The Mongolian World: The Human Face of History]. Ulan-Ude, BNTs, 1992, 52 p. (In Russ.).
29. Khrapacheskii R. P. Voennaya derzhava Chingiskhana [The military power of Genghis Khan]. Moscow, AST, 2005, 560 p. (In Russ.).
30. Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ya [Armament of the nomads of Southern Siberia and Central Asia in the era of the developed Middle Ages]. Novosibirsk, IAiE SO RAN, 1997, 160 p. (In Russ.).
31. Khasanov A. M. Nomads and the Outside World. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1984. 604 p.

Информация об авторе

О. В. Лушников – кандидат исторических наук, доцент,
директор Центра Евразийских исследований им. Г. В. Вернадского
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Information about the author

O. V. Lushnikov – Ph. D. (History), Associate Professor,
Director of the Center for Eurasian Studies named after G. Vernadsky
at Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 25.08.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 25.08.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 25–32.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 16. P. 25-32.

Научная статья

УДК 821.112.2'42

doi: 10.24412/2713-0231-2024-16-25-32

О КОМИЧЕСКОМ В ДРАМАТУРГИИ ТОМАСА БЕРНХАРДА (1931–1989)

Мария Николаевна Тимошук

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, blume21@mail.ru

Аннотация. Статья «О комическом в драматургии Томаса Бернхарда (1931–1989)» посвящена анализу комического в пьесах Томаса Бернхарда, создавшего свою оригинальную концепцию современной пьесы. Пьесы этого австрийского драматурга соединяют в себе жанровые черты комедии и трагедии. В статье демонстрируются традиционные черты комедийного народного театра в пьесах Бернхарда. Комическое Бернхарда рождается из осознания смерти. Автора интересует парадоксальная форма человеческого бытия, представляющая собой по сути процесс умирания. На комический лад обыгрываются явления, которые традиционно носят трагическую окраску (болезнь, смерть). Театрализация происходящего становится средством ухода от отчаяния. Театральное поведение персонажей вносит определённую логику в жизнь персонажей. Главные персонажи бернхардовских пьес живут не действиями, а работой сознания. Основной формой действия становится говорение, путём которого они пытаются соединиться с бытием, проявить своё отношение к нему. Томас Бернхард использует комический потенциал языка, придумывая неологизмы, каламбуры. Автор играет на контрастах, на смешении высокого и низкого стиля, нарушает языковые нормы. Автор не настаивает на окончательной правде. Решающим становится парадоксальность самой жизни, допускающей единство взаимоисключающих вещей.

Ключевые слова: комическое, Бернхард, драматургия, театр, язык, амбивалентность.

Для цитирования: Тимошук М. Н. О комическом в драматургии Томаса Бернхарда (1931–1989) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 25–32. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-25-32>

Original article

ON THE COMIC IN THE DRAMATURGY OF THOMAS BERNHARD (1931-1989)

Maria N. Timoshchuk

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, blume21@mail.ru

Abstract. The article "On the comic in the drama of Thomas Bernhard (1931-1989)" is devoted to the analysis of the comic in the plays of Thomas Bernhard, who created his original concept of the modern play. The plays of this Austrian playwright combine the genre features of comedy and tragedy. The article demonstrates the traditional features of the comedy folk theater in Bernhard's plays. Bernhard's comic is born out of the awareness of death. The author is interested in the paradoxical form of human existence, which is essentially the process of dying. Comically, phenomena that traditionally have tragic overtones (illness, death) are played out. Dramatization of what is happening becomes a means of escape from despair. The

theatrical behavior of the characters brings a certain logic to the characters' lives. The main characters of Bernhard's plays do not live by actions, but by the work of consciousness. The main form of action becomes speaking, through which they try to connect with existence, to show their attitude to it. Thomas Bernhard uses the comic potential of language by inventing neologisms and puns. The author plays on contrasts, on mixing high and low style, violates linguistic norms. The author does not insist on the ultimate truth. The paradoxical nature of life itself, which allows for the unity of mutually exclusive things, becomes decisive.

Keywords: comic, Bernhard, dramaturgy, theater, language, ambivalence.

For citation: Timoshchuk M. N. On the comic in the dramaturgy of Thomas Bernhard (1931-1989). Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;16:25-32. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-25-32>

Введение

Томас Бернхард (1931–1989) – крупнейший австрийский писатель второй половины XX в. Его творческое наследие обширно: девять романов, пять повестей, четыре сборника новелл, два тома прозаических зарисовок, пять автобиографических книг, восемнадцать пьес, несколько коротких драматических произведений, три сборника стихотворений. Этот австрийский автор создал свою оригинальную концепцию современной пьесы, органически соединяющую в себе жанровые черты комедии и трагедии.

Основная часть

Настоящее исследование посвящено анализу комического в пьесах Томаса Бернхарда. Понятие комического (греч. *kōmikos* – весёлый, смешной, от *kōmos* – весёлая процессия ряженных на дионисийских празднествах) практически не поддается точному определению. Чаще всего комическое определяется как нечто, что несёт в себе тенденцию к смеху или, по крайней мере, улыбке [Schmidt-Dengler, Zeyringer 1996: 10]. Комическое напрямую связано с реципиентом, то есть с публикой и её горизонтом ожидания, её жизненным опытом [Schmidt-Dengler, Zeyringer 1996: 10]. В основе комического лежит контраст, несоответствие между предметом и представлением о нём, между «быть» и «казаться», требованием и результатом, ожиданием и внезапным разочарованием; игра порядка и беспорядка, нормы и табу, обличение смешных человеческих слабостей и немощей. Комический эффект открывает внезапность, новое.

В. Я. Пропп пишет: «Общую форму теории комического можно выразить так: мы смеёмся, когда в нашем сознании положительные начала человека заслоняются внезапным открытием скрытых недостатков, вдруг открывающихся сквозь оболочку внешних, физических данных [Пропп 2002: 144]». Томас Бернхард сам обращал внимание собеседников на смешное в его творчестве. В интервью с Кристой Флейшманн Бернхард сказал, что серьёзное в его пьесах служит лишь связующим материалом для «смешных фраз» – «Lachsätze [Bernhard 1991: 36]». «Das Ernste ist der Kitt für das Lachprogramm» [Bernhard 1991: 36] («Серьёзное это связка для смеховой программы»), – пояснял он. По признанию автора, он может открыть любую страницу своей книги и сразу же разразиться громким смехом. По его словам, он не понимает, почему люди не находят тут ничего смешного. Томас Бернхард в интервью Курту Хофманну поделился своим мнением: «Jeder Ernst wandert auf die Witzseite, und so ertragen die Österreicher den Ernst nur als Witz» [Hofmann 2001:129] («Всё серьёзное оборачивается смешным, и таким образом австрийцы переносят серьёзное только в форме шутки»). Для понимания творчества драматурга важны слова, которыми Томас Бернхард начал свою благодарственную речь по поводу присуждения ему австрийской государственной премии в 1968 г.: «<...> es ist nichts zu loben, nichts zu verdammen, nichts anzuklagen, aber es ist vieles lächerlich, wenn man an den Tod denkt [Hoell 2000: 89]» («Нечего хвалить, нечего проклинать, нечего обвинять, но многое смешно; всё смешно, когда думаешь о смерти»).

Эрнст Грохотольский [Grohotolsky 1983: 92] обращает в 1983 г. внимание литературоведов на то, что с темой смерти в пьесах Бернхарда связана смехотворность. Ульрих Клигманн [Klingmann 1984: 78-87] пишет в 1984 г. об основополагающей

комической структуре пьес Бернхарда, но, по его мнению, смеющиеся сигнализируют часто в пьесах Бернхарда об их обречённости, капитуляции. В работе 1987 г. Хильды Хайдер-Преглер [Haider-Pregler 1990: 153-183] представлен анализ комического в пьесах Бернхарда. По мнению критика, сюжеты и темы Бернхарда представляют собой параболы абсурдистко-экзистенциального трагического толка: вместо «позитивных» решений они тяготеют к катастрофе, причём не важно, представлены ли эти катастрофы на сцене или нет. При всём этом благодаря комизму ситуаций, остроумных словесных нагромождений, доходящих до каламбуров, озорных клоунских трюков пьесы Томаса Бернхарда обладают неисчерпаемым развлекательным потенциалом. Они представляют собой злорадный смеховой театр философствующего поэта-эгомана, который разыгрывает в наше просвещённое время старые комедийные приёмы, зная об их отжившей наивности и диалектической связи с трагическим. В этом Бернхард является, осознанно или неосознанно, продолжателем комедийного народного театра. Отказываясь от типичных комедийных сюжетов, он использует определённый состав персонажей. Так, как и в комедийном театре, у Бернхарда всегда были важны отношения господина и его хитроумного слуги, в зависимости от обстоятельств то помогающего, то дурачащего своего господина. Томас Бернхард часто использует отношения зависимости слуги и хозяина друг от друга. Только у Бернхарда при злостном господине находится не менее злостный слуга. Бернхард нередко использует и физическое несовершенство персонажей, играющее в комедийном театре большую роль. В его пьесах действуют безногие калеки, парализованные, полуслепые, глухие, ипохондрики, точно описывающие свои болезненные ощущения. Отношение к еде тоже традиционно комическое: обжора-слуга описывает разнообразные блюда, в предвкушении наслаждения, а у хозяина нет аппетита и он усваивает только таблетки.

В пьесе «Елизавета Вторая» («Elisabeth II», 1987) главный герой пьесы крупный промышленник 87-летний господин Герренштейн говорит своему слуге Рихарду:

*«Ihr Eßvergnügen
ist erstaunlich
ich habe Sie immer nur mit Vergnügen
essen gesehen
ich dachte immer das würde mich animieren
auch mit Appetit zu essen
aber im Gegenteil
mehr und mehr verging es mir Ihnen gegenüber
das ist keine Anklage Richard [Bernhard 4 1988: 308]»*

(«Ваше удовольствие от еды / удивительно / я всегда только видел как Вы ели с удовольствием / я думал это подвигнет и меня есть с аппетитом / но напротив / все больше и больше у меня пропал аппетит напротив Вас / это не жалоба Рихард»).

Австрийский литературовед Ханс Хёллер [Höller 1993: 116] различает две основные тенденции пьес Томаса Бернхарда: «тенденцию к сатире в пьесах, где представлены представители общественной, экономической, политической и культурной элиты» и «тенденцию к комическому в пьесах, герои которых – социальные маргиналы, большей частью несостоявшиеся, вытесненные на обочину художники». А. В. Белобратов пишет о смешном у Бернхарда и о многомерной формуле прочтения произведений этого автора. «Однако, – подчёркивает он, – со всей очевидностью, именно «смешное» представляется тем качеством его текстов, которое помогает войти в них, идти вместе с ними, сделать их частью своей культурной биографии [Белобратов 2002: 135]». В своей статье «Реальность и жанр у Бернхарда» Н. С. Павлова [Павлова 2005: 268-298] обращает внимание читателей Бернхарда на связь его произведений с традицией анекдота. По её мнению, анекдот, «фиксирующий происшествие, замкнутое в себе, при этом не только необычное, но и нелепое, в высокой мере содержит в себе синтез комического и трагического, к которому тяготел Бернхард».

Пьесы Томаса Бернхарда производят необычное, иногда странное впечатление на читателя и зрителя. Безграничный мир человеческого сознания в замкнутом мире земного бытия является предметом исследования автора. Бернхарда интересуют «внутренние ландшафты». Человеческое сознание представляет собой ещё один мир, ещё одну сцену, где зарождаются и проигрываются театральные спектакли, создаётся музыка, живут образы. Автор размышляет о власти, воле, инстинктах, духовности, искусстве. Бернхарду интересно, как сознание одного может влиять на других, деформировать окружающий мир.

Бернхард обращается к темам, которые относятся к табу, которые не принято обсуждать. Сюда относятся пороки католической церкви, тема гитлеровского фашизма в Австрии, феномен сохранившегося нацистского сознания и антисемитизм в этой стране. Ярче всего об этом сказано в пьесах «На покой» («Vor dem Ruhestand», 1979) и «Площадь героев» («Heldenplatz», 1988) Безумие персонажей, по мнению Бернхарда, объясняется самим человеческим существованием. В пьесе «Риттер, Дене, Фосс» психиатрическая больница становится для Людвига единственным пристанищем, где можно быть свободным. Главный персонаж пьесы «Спаситель человечества» выдвинул предложение: улучшить мир путём его уничтожения. Его идея находит признание, появляется много публикаций, переводов его трактата и следует награждение автора философским факультетом. Дурачество, шутовство облекается в серьёзное.

Бернхард показывает комическое несоответствие высокой цели и способа её достижения. В пьесе «Сила привычки» главный герой директор цирка Карибальди стремится к высокому искусству, к идеальному исполнению квинтета Шуберта «Форель». Томас Бернхард иронизирует над этим персонажем, кричащим на свои живые «инструменты» и желающим быть служителем высокого искусства. Ведь шедевр Шуберта считается символом радости бытия. Карибальди признаёт тщетность своих попыток «спихнуть вопиющую заурядность родственников в высокое искусство [Бернхард 1999: 79]». «Но репетиция состоится / Даже если мне пинками / Придётся гнать их к инструментам [Бернхард 1999: 70]», заявляет Карибальди.

В пьесах австрийского драматурга важен момент заблуждения. Заблуждение оказывается разрушительно, как для главного персонажа, так и для всех остальных. Бернхард пишет не только про науку («Иммануил Кант») и искусство («Лицедей»), но и про каждого человека, чьи стремления достичь ту или иную цель обречены в итоге на крах. «В конце концов всё становится/ достойным осмеяния», говорит Карл в пьесе «Видимость обманчива». Даже достигнув какой-то цели, человек осознаёт шаткость достигнутого. Это и есть бернхардовское «узнавание», которое может быть растянуто на всю пьесу. И если это не всегда очевидно для самих персонажей, то для зрителей и читателей ясно.

По воле Бернхарда персонажи его пьес терпят поражение от собственного перфекционизма, страдают от присущих человеку слабостей и противоречий. Они становятся объектом разоблачающей авторской насмешки над смехотворностью их усилий. Бернхарда интересует парадоксальная форма человеческого бытия, представляющая собой процесс умирания. Комическое Бернхарда рождается из осознания смерти. Смерть и смех в пьесах часто соседствуют, иногда даже буквально. Так, в финале пьесы «Праздник для Бориса» («Ein Fest für Boris», 1970) главная героиня разражается ужасным хохотом, когда все остальные персонажи покидают сцену и она остаётся с мёртвым мужем одна. Бернхард на комический лад обыгрывает явления, которые носят традиционно трагическую окраску (смерть, болезнь, безумие).

Театрализация происходящего становится средством ухода от отчаяния. Театральное поведение вносит определённую логику и структуру в жизнь персонажей. В пьесах Бернхарда доминируют так называемые «комические старики». Бернхард создаёт целую серию «людей духа», предстающих в смешном облике всей их «телесности», физической немощи и гастрономических потребностей. В образе директора цирка Карибальди в пьесе «Сила привычки» гротескно совмещены черты человеческого, животного и материально-

вещного. Как человек Карибальди стремится к идеалу и совершенству, подобно животному обладает прекрасным нюхом, а собственную деревянную ногу он сам воспринимает отдельно от себя как своего рода музыкальный инструмент.

Человек может понять и осмыслить положение другого, но в себе он может прочувствовать только свою боль. То, что по отношению к самому себе является важным, предстаёт в трагическом свете (физическое уродство, болезнь, боль, страх смерти), по отношению к другому или на взгляд другого может выглядеть комично. Так, в пьесе «Знаменитости» персонажи заливисто смеются над рассказом своего знакомого, который только что понял, что для работы ему нужен господин Рак и нужно его пригласить, но тут же его лечащий врач ему сообщил, что рак у него уже есть («Gerade habe ich den Krebs engagieren wollen/und der Arzt sagt mir ich habe ihn schon [Bernhard 2 1988: 144]»).

По мнению Томаса Бернхарда [Haider-Pregler 1990: 160], материалом для шуток обычно служат вещи и явления, отличающиеся от нормы, в которых есть какая-то ошибка. Чтобы люди смеялись, нужно показать им хромого, оступающего и падающего человека, или, например, одноглазого. Как правило, Бернхард наделяет главных персонажей своих пьес физическими недостатками: проблемами со слухом и зрением, отсутствием ног, хроническими болезнями. Главный персонаж пьесы «Спаситель человечества» несколько торжественно даже описывает своё состояние бургомистру, декану и ректору университета, пришедшим вручить ему премию за особые заслуги:

*«В ушах у меня шум
в глазах рябит
в желудке рези
Мочевой пузырь не держит
Все хвори меня одолели
<...>
Нет это общий распад
почки печень
нет органа
который не отказывал бы
Ночью у меня судороги
Я полностью завишу
от помощи ближних [Бернхард 1999: 465]».*

Поведение персонажей часто напоминает репризы из клоунского репертуара. Вспомним, как в пьесе «Иммануил Кант» знаменитый философ уже на протяжении двадцати пяти лет учит слугу тому, как нужно медленно стягивать с клетки попугая покрывало, чтобы уберечь его чувствительные глаза. Во всех персонажах Бернхарда есть что-то от клоуна, шута, арлекина. Бернхардовские персонажи ведут себя как своего рода философы в шутовском колпаке. Осознавая зло мира, смерть, обречённость, они продолжают шутить, осмеивая человеческую глупость. Бернхард насмешливо снижает высокий трагизм классики. Гамлет у Шекспира задаётся вопросом «быть» или «не быть», Главный герой пьесы «Лицедей» не может выбрать между бульоном с нарезанными блинчиками или клёцками из печени.

Игра воображения персонажей производит комический эффект. В своём сознании они проигрывают невероятные возможности и рассказывают об этом окружающим. Несоответствие воображаемого и принятых в реальной жизни норм производит комическое впечатление. Что, например, будет, если научить свинью делать на канате стойку на голове под самым куполом, размышляет старый артист Карл в пьесе «Видимость обманчива» («Der Schein trügt», 1983). Певица в пьесе «Невежда и безумец» («Der Ignorant und der Wahnsinnige», 1972) представляет, что будет, если на сцене вместо пения арии, игнорируя оркестр и артистов, плюнуть публике в лицо. Карибальди тешится мыслью, как вместо циркового представления он однажды неожиданно представит на суд публики исполнение

квинтета Шуберта «Форель». Миллионерша советует жене Канта из пьесы «Иммануил Кант» («Immanuel Kant», 1978) связать мужу красную шапочку с дырками для носа и глаз, именно такая подходит к его лицу.

В пьесе «На покой» появляется выражение «свобода дураков», «Narrenfreiheit [Bernhard 3 1988: 95]», свобода тех людей, которые могут свободно высказывают свои мысли вслух, ибо их никто не принимает всерьёз.

Персонажи Бернхарда часто прибегают к грубой комике, достойной площадного народного театра. При этом сочетание высокого и низкого стилей и привлечение имён известных людей комический эффект только усиливается. Таков, например, пассаж лицедея Брюскона в пьесе «Лицедей» («Der Theatermacher», 1985):

«Талантливый актёр такая же редкость

Как задница вместо лица

Это установил ещё Пиранделло

Но не исключено что это установил и я сам [Бернхард 1999: 565]».

Комический эффект в пьесах Томаса Бернхарда достигается также благодаря остроумию его героев. Как известно, остроумие представляет собой ловкое умение находить скрытое сходство; оно выявляет контраст представлений, обнаруживает смысл в бессмыслице, связано со смущением вследствие непонимания и внезапном уяснении [Фрейд 1997:11]. Так Карл в пьесе «Видимость обманчива» делает остроумное заключение: «Самые умные свиньи / поэтому они так плохо поддаются дрессировке [Бернхард 1999: 498]».

Главные персонажи бернхардовских пьес живут не действиями, а работой сознания. Основной формой действия становится говорение, путём которого они пытаются соединиться с бытием, проявить к нему своё отношение. Герои Бернхарда проговаривают свою ситуацию, создают словесную реальность, переосмысляя всё происходящее, включая сюда многое из прочитанного, увиденного и услышанного. Бернхард использует комический потенциал языка, придумывая многочисленные неологизмы, каламбуры. Тексты пьес Томаса Бернхарда следует читать на немецком языке, иначе трудно понять игру слов, которую сложно передать в переводе.

Бернхард любит находить внутренние смысловые связи разных, на первый взгляд, слов. Вот, например, игра со словами Musiknoten (музыкальные ноты) и Banknoten (денежные банкноты) в пьесе «Знаменитости» [Bernhard 2 1988: 126] («Die Berühmten», 1976), когда басист говорит о разнице между истинным искусством и сегодняшним пониманием искусства: «und sie hat mit Kunst so wenig zu tun wie die Musiknoten mit den Banknoten». («и оно имеет с искусством так мало общего как у музыкальных нот и банкнот»). Иногда слова пишутся по-разному, а на слух звучат почти одинаково. Таковы слова sehkrank (страдающий заболеванием глаз) и seekrank (страдающий морской болезнью), на игре с которыми строится комический эффект в пьесе «Иммануил Кант [Bernhard 2. 1988: 308]» («Immanuel Kant», 1978):

«Millionärin:

<...>

Sind Sie seekrank Herr Professor

Kant:

Das sehen Sie ja dass ich sehkrank bin

das sehen Sie ja an meiner Brille

Millionärin:

Ich meine seekrank».

Миллионерша говорит философу, что у него морская болезнь. Это звучит почти так же, как страдающий болезнью глаз. На что Кант отвечает, что по его очкам видно, что у него проблемы со зрением.

В одном из интервью 1981 года Томас Бернхард назвал собственную манеру письма «философской смеховой программой [Huber 1992: 16]».

Заклучение

Таким образом, Бернхард открыл для себя свою правду жизни. Пьесы Бернхарда подобны двуликому Янусу. Их амбивалентность проявляется в том, что они являются и комедиями, и трагедиями одновременно. Под трагическим может скрываться комическое, и наоборот. Одно в другое перетекает и другое отражает. Томас Бернхард преподносит ситуацию как «модальную». Снятие антитез становится отличительной чертой бернхардовского письма, автор никогда не настаивает на окончательной правде. Решающим становится парадоксальность самой жизни, допускающей единство взаимоисключающих, на первый взгляд, вещей.

Список литературы

1. Белобратов А. В. Томас Бернхард и другие катастрофы // Диалог культур – культура диалога. К 70-летию Н. С. Павловой. М., 2002. С. 118–137.
2. Бернхард Т. Видимость обманчива, и другие пьесы. М.: AD MARGINEM, 1999. 718 с.
3. Кормилов С. И. Комическое // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2003. С. 384–386.
4. Михайлов А. В. Культура комического и столкновение эпох // Обратный перевод. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 91–145.
5. Павлова Н. С. Реальность и жанр у Бернхарда// Природа реальности в австрийской литературе. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 268–298.
6. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Издательство «Лабиринт», 2002. 189 с.
7. Рюмина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность. М., Ленанд, 2020. 320 с.
8. Тюпа В. И. Комическое // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 99–100.
9. Фрейд, Зигмунд. Остроумие и его отношение к бессознательному. Санкт-Петербург-Москва: «Университетская книга» АСТ, 1997. 317 с.
10. Bernhard T. Stücke 1. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1988. 350 p.
11. Bernhard T. Stücke 2. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1988. 339 p.
12. Bernhard T. Stücke 3. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1988. 462 p.
13. Bernhard T. Stücke 4. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1988. 356 p.
14. Grohotolsky E. “Die Macht der Gewohnheit” oder: Die Dialektik der Aufklärung//Bartsch, Kurt. In Sachen Thomas Bernhard. Königstein/Ts. 1983. P. 91-106.
15. Haider-Pregler H. “Ist es eine Komödie? Ist es eine Tragödie?” Überlegungen zu Thomas Bernhards philosophisch-komödiantischem Lachtheater//Castein H.; Stillmark A. [Hrsg.] Erbe und Umbruch in der neueren deutschsprachigen Komödie. Londoner Symposium, 1987. Stuttgart: H-D Heinz Akademischer Verlag, 1990. P. 153-183.
16. Hoell J. Thomas Bernhard. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2000. 160 p.
17. Höller H. Thomas Bernhard. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, 1993. 159 p.
18. Hofmann K. Aus Gesprächen mit Thomas Bernhard. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2001. 155 p.
19. Huber M. Thomas Bernhards philosophisches Lachprogramm. Zur Schopenhauer-Aufnahme im Werk Thomas Bernhards. Wien, 1992. 208 p.
20. Klingmann U. Begriff und Struktur des Komischen in Thomas Bernhards Dramen// Wirkendes Wort. Deutsche Sprache in Forschung und Lehre. 34. Jahrgang 1984. P. 78-87.
21. Schmidt-Dengler W., Zeyringer C. Komische Diskurse und literarische Strategien//Komik in der österreichischen Literatur. Berlin: Erich Schmidt, 1996. P. 9-19.
22. Texte zur Theorie der Komik. Stuttgart: Reclam, 2005. 142 p.
23. Thomas Bernhard. Eine Begegnung. Gespräche mit Krista Fleischmann. Wien: Edition S, 1991. 280 p.

References

1. Belobratov A. V. Tomas Bernkhard i drugie katastrofy [Thomas Bernhard and Other Disasters]. *Dialog kul'tur - kul'tura dialoga* [Dialogue of cultures - culture of dialogue]. Moscow, 2002, pp. 118-137. (In Russ.).

2. Bernhard T. Vidimost' obmanchiva, i drugie p'esy [Appearances are deceptive and other plays]. Moscow, AD MARGINEM, 1999, 718 p. (In Russ.).
3. Kormilov S. I. Komicheskoe [Comic]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, NPK «Intelvak», 2003, pp. 384-386. (In Russ.).
4. Mikhaylov A. V. Kul'tura komicheskogo i stolknovenie epokh [The Culture of the Comic and the Clash of Eras]. *Obratnyy perevod* [Reverse translation]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000. pp. 91-145. (In Russ.).
5. Pavlova N. S. Real'nost' i zhanr u Bernkharda [Reality and genre in Bernhard]. *Priroda real'nosti v avstriyskoy literature* [The Nature of Reality in Austrian Literature]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005, pp. 268-298. (In Russ.).
6. Propp V. Ya. Problemy komizma i smekha [Problems of comedy and laughter]. Moscow, Labirint, 2002, 189 c. (In Russ.).
7. Ryumina M. T. Estetika smekha. Smekh kak virtual'naya real'nost' [The aesthetics of laughter. Laughter as virtual reality]. Moscow, Lenand, 2020, 320 c. (In Russ.).
8. Тура V. I. Komicheskoe [Comic]. *Poetika* [Poetics]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoy, Intrada, 2008, pp. 99-100. (In Russ.).
9. Freyd, Zigmund. Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu [Wit and its relation to the unconscious]. Saint Petersburg, Moscow, «Universitetskaya kniga» AST, 1997, 317 p. (In Russ.).
10. Bernhard T. Stücke 1. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1988. 350 S.
11. Bernhard T. Stücke 2. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1988. 339 S.
12. Bernhard T. Stücke 3. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1988. 462 S.
13. Bernhard T. Stücke 4. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1988. 356 S.
14. Grohotolsky E. "Die Macht der Gewohnheit" oder: Die Dialektik der Aufklärung//Bartsch, Kurt. In Sachen Thomas Bernhard. Königstein/Ts. 1983. S. 91-106.
15. Haider-Pregler H. "Ist es eine Komödie? Ist es eine Tragödie?" Überlegungen zu Thomas Bernhards philosophisch-komödiantischem Lachtheater//Castein H.; Stillmark A. [Hrsg.] Erbe und Umbruch in der neueren deutschsprachigen Komödie. Londoner Symposium, 1987. Stuttgart: H-D Heinz Akademischer Verlag, 1990. S. 153-183.
16. Hoell J. Thomas Bernhard. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2000. 160 S.
17. Höller H. Thomas Bernhard. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, 1993. 159 S.
18. Hofmann K. Aus Gesprächen mit Thomas Bernhard. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2001. 155 S.
19. Huber M. Thomas Bernhards philosophisches Lachprogramm. Zur Schopenhauer-Aufnahme im Werk Thomas Bernhards. Wien, 1992. 208 S.
20. Klingmann U. Begriff und Struktur des Komischen in Thomas Bernhards Dramen// Wirkendes Wort. Deutsche Sprache in Forschung und Lehre. 34. Jahrgang 1984. S. 78-87.
21. Schmidt-Dengler W., Zeyringer C. Komische Diskurse und literarische Strategien//Komik in der österreichischen Literatur. Berlin: Erich Schmidt, 1996. S. 9-19.
22. Texte zur Theorie der Komik. Stuttgart: Reclam, 2005. 142 S.
23. Thomas Bernhard. Eine Begegnung. Gespräche mit Krista Fleischmann. Wien: Edition S, 1991. 280 S.

Информация об авторе

М. Н. Тимошук – старший преподаватель, кафедра германской филологии,
Российский государственный гуманитарный университет.

Information about the author

M. N. Tymoshchuk – Senior Lecturer, Department of Germanic Philology,
Russian State University for the Humanities.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 25.08.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 25.08.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 33–41.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 16. P. 33-41.

Научная статья

УДК 811(07)

doi: 10.24412/2713-0231-2024-16-33-41

МЕДЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ В БЫСТРЫЙ ВЕК

Анна Евгеньевна Тачаева¹, Ирина Эдуардовна Санжарова²,
Надежда Александровна Тухтарова³

¹ Московский международный университет, Москва, Россия, annabelle_@inbox.ru

^{2,3} Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

² irina.sanzharowa@yandex.ru

³ t.n.a@inbox.ru

Аннотация. В статье авторы указывают на актуальность темы исследования, связанной с результативностью образовательной деятельности, базирующейся на обучении чтению, так как результаты национального мониторинга качества образования указывают на отрицательную динамику развития данного навыка. Авторы указывают на необходимость переосмысления стратегий обучения чтению в связи с изменениями, которые отмечаются в обществе в век цифровизации. Авторы считают, что фокусировка внимания в процессе обучения в последнее десятилетие практически исключительно на методах быстрого чтения окончательно разрушает способность юных обучающихся к вдумчивому, аналитическому и осознанному извлечению информации, особенно при обучении иностранному языку. Медленное чтение (иначе глубокое) заставляет продолжительное время концентрироваться на фрагменте текста, многократно обращаться к нему, воспринимать его содержание как проблему, требующую решения, но, главное, заставляет сформировать собственную точку зрения на проблему. Такой способ чтения мотивирует обучающихся к последующему производству собственного текста на иностранном языке, то есть является незаменимым способом обучения и стимулирования прочих видов речевой деятельности. Для усвоения как фактологического, так и языкового материала необходимо активное чтение, развивающее критическое мышление и способность думать. Для развития этих навыков в статье предлагается усовершенствованный алгоритм обучения медленному чтению, состоящий из четырех фаз, первая из которых включает в себя знакомство с автором текста, вторая предполагает столь необходимое чтение вслух, третья проверяет знание и понимание текста, а заключительная включает комментирование и анализ прочитанного.

Ключевые слова: медленное чтение; глубокое чтение; результативность образовательной деятельности; коммуникативная компетенция; стратегии обучения чтению

Для цитирования: Тачаева А. Е., Санжарова И. Э., Тухтарова Н. А. Медленное чтение в быстрый век // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 33–41. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-33-41>

Original article

SLOW READING IN THE FAST AGE

Anna E. Tachayeva¹, Irina E. Sanzharova², Nadezhda A. Takhtarova³

¹ Moscow International University, Moscow, Russia, annabelle_@inbox.ru

^{2,3} Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

² irina.sanzharowa@yandex.ru

³ t.n.a@inbox.ru

Abstract. In the article, the authors point out the relevance of the research topic related to the effectiveness of educational activities based on learning to read, since the results of national monitoring of the quality of education indicate negative dynamics in the development of this skill. The authors point to the need to rethink reading learning strategies in connection with the changes that are taking place in society in the age of digitalization. The authors believe that focusing attention in the learning process in the last decade almost exclusively on the methods of rapid reading finally destroys the ability of students to thoughtful, analytical and conscious information extraction, especially when teaching a foreign language. Slow (deep) reading forces you to concentrate on a piece of text for a long time, repeatedly refer to it, perceive its content as a problem that needs to be solved, but, most importantly, forces you to form your own point of view on the problem. This way of reading motivates students to further produce their own text in a foreign language, it is an indispensable way of teaching and stimulating other types of speech activity. To assimilate both factual and linguistic material, active reading is necessary, developing critical thinking and the ability to think. To develop these skills, the article proposes an improved algorithm for teaching slow reading, consisting of four phases, the first of which includes acquaintance with the author of the text, the second involves much-needed reading aloud, the third tests knowledge and understanding of the text, and the final one includes commenting and analyzing what was read.

Keywords: slowly reading; deep reading; efficiency of educational activity; communicative competence; strategy of teaching to read.

For citation: Tachayev A. E., Sanzharova I. E., Takhtarova N. A. Slow reading in the fast age. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;16:33-41. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-33-41>

Введение

Войдя в третье тысячелетие, практически каждая образовательная организация пытается найти ответы на актуальные вопросы, связанные с результативностью образовательной деятельности; с методами и средствами определения качества образования; с обучением и переквалификацией преподавателей; с постоянным обновлением учебного материала; с обеспечением доступа к новым информационным и коммуникационным технологиям и углублением международного сотрудничества и многие другие. Настоящее исследование посвящено переосмыслению стратегий обучения чтению в век цифровизации. На современном этапе развития образования обучающиеся и преподаватели иностранных языков сталкиваются с множеством проблем, которые требуют своевременного решения в свете предложения о введении обязательного ЕГЭ по иностранным языкам. Предполагалось, что базовый уровень экзаменационных материалов будет по силам большинству, однако, сейчас возникают определенные сомнения в том, что обучающиеся смогут достойно справиться даже с заданиями базового уровня. Эти сомнения породил проведенный в 2016 г. национальный мониторинг качества образования [Результаты... эл. ресурс].

Основная часть

Мониторинг качества образования осуществляется в целях совершенствования организационного и научно-методического обеспечения образовательного процесса в рамках конкретной обучающей организации. Проведение мониторинга регламентировано Законом Российской Федерации «Об образовании», действующими правовыми и нормативными документами Министерства образования и науки РФ и Федеральными государственными образовательными стандартами. Под мониторингом образования в Законе «Об образовании» в ст. 97 п. 3 понимается «систематическое стандартизированное наблюдение за состоянием образования и динамикой изменений его результатов, условиями осуществления образовательной деятельности, контингентом обучающихся, учебными и внеучебными достижениями обучающихся, профессиональными достижениями выпускников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, состоянием сети организаций, осуществляющих образовательную деятельность» [Федеральный закон... эл. ресурс].

Методика, применяемая для проведения мониторинга, призвана обеспечить объективность и адекватность полученных результатов. Даже учитывая некоторую критику предложенных заданий и общего формата со стороны учительского сообщества, следует

признать, что результаты, полученные в процессе исследования, оставляют желать лучшего, а общее заключение о неудовлетворительном уровне подготовки обучающихся пятых и восьмых классов в рамках реализации дисциплины «Иностранный язык» вряд ли может подвергаться сомнению. Для того чтобы лучше представить себе картину происходящего на уроках иностранного языка, отраженную в полученных результатах мониторинга, следует рассмотреть задания, предложенные обучающимся для оценки их знаний, умений и навыков. Одним из самых сложных заданий для обучающихся пятых и восьмых классов оказалось чтение на иностранном языке вслух. Обучающимся пятого класса предлагался текст на иностранном языке из 80 слов. За выполнение этого задания можно было получить от одного до двух баллов, допускается от двух до четырех смысловых ошибок, а также до семи фонетических ошибок, не искажающих смысл текста.

В результате с чтением вслух данного текста справились менее 10 процентов обучающихся пятых классов. Результаты учащихся восьмых классов были в среднем на несколько процентов ниже, чем результаты пятых классов. В настоящее время принято решение отложить введение обязательного ЕГЭ по иностранным языкам, и думается, что одним из аргументов в пользу этого решения стали удручающие результаты мониторинга. Аналитики национального исследования качества образования приводят разные причины таких результатов, однако нельзя не отметить, что падение уровня владения навыком чтения вслух является системной методической проблемой.

Если ранее этому виду речевой деятельности уделялось значительно больше внимания на всех этапах развития речевых умений и навыков, то теперь акцент смещен в сторону говорения и речевых упражнений в коммуникативной ситуации, таким образом для чтения почти не остается времени и места, ибо в ситуациях реального повседневного общения этот навык фактически не задействован. Поэтому многие УМК по иностранным языкам предлагают весьма ограниченное количество заданий и упражнений на тренировку чтения вслух, ведь программа не предусматривает выделения достаточного количества часов на чтение. Стоит признать преимущество и логику построения материала более ранних УМК по иностранным языкам в аспекте формирования навыка чтения вслух, благодаря прочной связи в цепочке «буква-звук-слог-слово-словосочетание-предложение».

Вследствие смещения акцента на говорение как на ключевой компонент коммуникативной компетенции методика обучения на начальном этапе перестала обеспечивать фундаментальные навыки чтения на иностранном языке. На следующих этапах обучающиеся преимущественно читают про себя, и учитель уже не видит необходимости в чтении вслух, сосредотачиваясь на поисковых и аналитических заданиях. Совокупность создавшихся условий приводит к тому, что многие выступают за отмену чтения вслух в рамках ГИА и ВПР, что, безусловно, недопустимо с точки зрения развития речи, логики и мышления обучающихся, а также умения работать с текстом как средством получения и передачи информации.

Глобализованное и оцифрованное общество предъявляет достаточно высокие требования к выпускникам неязыковых вузов, владеющих на профессиональном уровне одним или несколькими иностранными языками. Сейчас стало привычным критиковать молодое поколение за некомпетентность, отсутствие интереса к выбранной сфере деятельности и мотивации в обучении, за пассивность и «пользовательскую позицию» в восприятии мира. То есть система образования сталкивается с «цифровым человеком». Людей, родившихся после 1995 г. до примерно 2010 г. и далее принято называть поколением Z (от англ. *Generation Z*, иначе зумеры).

Такое обозначение соответствует теории поколений, созданной Уильямом Штраусом и Нилом Хоузом. Безусловно, не все черты, выявляемые этими теоретиками, можно обобщенно применить к нашим обучающимся. Но и игнорировать некоторые особенности поколения Z невозможно, логичнее поставить их на службу учебного процесса. Понятие «поколение» (от лат. *generatio* – возникновение, происхождение) указывает на возрастной

промежуток от отца / матери к ребенку, а также им обозначают социальную группу, которая обладает собственными и явно различимыми признаками. Ставший вновь популярным термин «поколение» упоминался примерно 400–500 лет до н. э. у Геродота. А Аристотель (384–322 до н. э.), глядя на тогдашнюю молодежь, говорил, что сомневается в будущем цивилизации. В Папирусе Присса (по имени французского исследователя Émile Prisse d'Avesnes) можно прочесть такие строки, рис. 1:

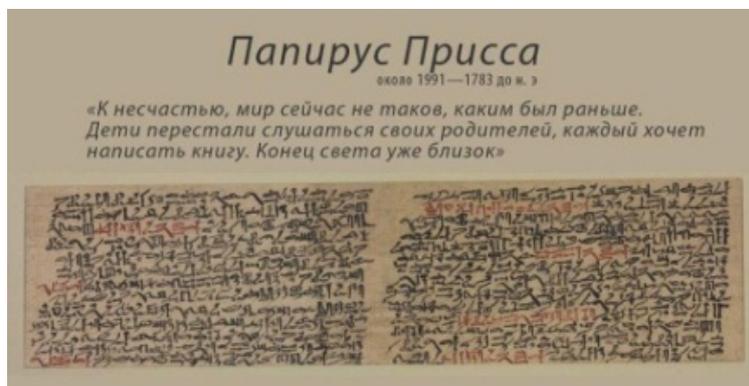

Рис. 1. Папирус Присса

В критике молодого поколения Сократ пошел еще дальше: «Нынешняя молодежь привыкла к роскоши, она отличается дурными манерами, презирает авторитеты, не уважает старших, дети спорят со взрослыми, жадно глотают пищу, изводят учителей» [Сократ эл. ресурс]. Получается, что критиковать молодое поколение вошло в привычку еще 5 тысяч лет тому назад. Социолог Карл Маннгейм разработал в начале XX в. первую теорию поколений. Так она выглядела у исследователя:

	Год рождения
Traditionalisten	1922–1945
Baby Boomer	1946–1964
Generation X	1965–1979
Generation Y / Millennials	1980–1994
Generation Z	1995–2010
Generation Alpha	с 2010

Таким образом, наша целевая аудитория отчасти поколение Y и в полной мере поколение Z. Их называют Digital Natives, так как буквально с рождения они окружены электронными приборами, большая часть деятельности проходит в интернете, профессиональная, учебная личная жизнь сосредоточена в цифровых технологиях и инструментах. Они пережили изоляцию и ограничения в пандемию коронавируса; сосредоточены на своих потребностях и желаниях и самореализации простыми способами с наименьшими энергозатратами.

При обучении чтению на иностранном языке преподаватели сталкиваются с тем, что представители поколения Z активно и грамотно используют различные гаджеты, VR и 3D-реальность и проявляют интерес и пользовательские способности в науке и технике. Для наших студентов цифровые сервисы и технологии стали привычной частью быта, так как они отдают предпочтение престижным занятиям, в которых не требуется тяжёлый физический труд, и для которых чаще всего необходим высокий уровень технической подготовки и диплом о высшем образовании. Одновременно с этим огромные пласты информации хранятся, находятся в молниеносном и легком доступе именно в гаджетах, таким образом память молодому поколению кажется ненужной.

Среди множества целей обучения иностранному языку приоритетным является умение извлечь, понять, интерпретировать и адекватно применить информацию. Источником такой информации могут быть как устные тексты, так и графически зафиксированные: собственно

текст разной жанровой и стилистической направленности, различные таблицы и инфографики, изображения и прочие. В век глобализации, цифровизации, ускорения технического прогресса ускоряется сама жизнь, а вместе с ней изменяются стратегии обучения чтению. Значение чтения в жизни человека огромно, несмотря на появление все новых средств массовой информации. Именно чтение остается основным средством обучения, инструментом, с помощью которого человек, перерабатывая текстовую информацию, приобретает новые знания.

Все чаще, начиная со школьного обучения, внедряются технологии «быстрого» чтения, позволяющие быстро и эффективно воспринимать текстовую информацию. Существующие методы позволяют превзойти скорость обычного чтения в несколько раз. Быстрое чтение представляет собой выбор основной релевантной информации из текста с последующим анализом. При этом авторов подобных методик подчеркивают, что такие навыки важны при чтении технических книг, справочников и не гарантируют формирования навыков владения иностранным языком. Остановимся подробнее на некоторых исторических этапах становления и преимуществах быстрого чтения, которое также называют скорочтением, то есть эффективного чтения на высокой скорости без снижения понимания текста. Суть метода заключается в отказе от артикуляции, то есть внутреннего проговаривания прочитанных слов.

При таком темпе за час можно прочитать более 100 страниц книги среднего формата, утверждают некоторые школы скорочтения. Процесс чтения становится, по сути, сканированием – быстрым просмотром источника информации с целью поиска фактографической информации (фактов, цифр, слов, фамилий и т. п.). Данный способ требует тренировки зрительного аппарата и особенно периферического зрения, что позволяет при беглом взгляде на страницу текста быстро увидеть нужные сведения. Авторы подобных техник утверждают, что быстрое чтение – не поверхностное чтение «по диагонали», а активный процесс, в результате которого читатель анализирует факты, суждения, закладывая фундамент нового знания. Быстрое чтение при высоком уровне его освоения частично переходит в углубленное чтение.

Многолетние наблюдения и эксперименты ученых показали, что этот мощный инструмент учения и познания используется не всегда эффективно. Пристальное внимание проблемам рационального чтения начали уделять в России и за рубежом в начале XX в. Традиционная методика чтения перестала на тот момент удовлетворять общество. Богатый опыт в изучении процесса чтения и разработке методов быстрого чтения накоплен отечественными учеными. После 1917 г., когда нашей стране надо было решить задачи по ликвидации неграмотности, появилось много методической литературы, которая учила широкие массы грамоте и чтению. Советы по технике чтения можно встретить в книге И. В. Ребельского «Азбука умственного труда», изданной в 20-е гг. прошлого столетия. В ней рассказывается, в частности, о том, как пользоваться своей памятью, как читать [Ребельский 1926]. В 1924 г. вышла книга С. И. Поварнина, специалиста в области логики, под названием «Как читать книги для самообразования», в которой названы приемы и навыки рационального, наиболее производительного чтения и психологическими основами восприятия и усвоения текста: «Искусный читатель должен, если потребуется, взять из книги *сполна* все, что она может дать; выжать, выпить, впитать *сполна* все ценное, что в ней имеется и может быть дано чтением; приспособлять способ чтения к цели чтения» [Поварнин 1971: 5]. Несмотря на то, что книга была издана 100 лет назад, она не потеряла своей актуальности и сегодня.

В 1931 г. появилась книга С. Н. Устинова «Развитие навыков устной и письменной речи», в которой специальный раздел был посвящен технике быстрого чтения. Но в те годы обучение быстрому чтению не получило широкого распространения. Интерес к этой проблеме возрос только в 60-е гг. прошлого века. В 1966 г. исследователи И. З. Постоловский и Е. Г. Семенов разработали специальный прибор и с его использованием

начали эксперименты по обучению быстрому чтению. В 70-гг. в разных регионах страны практически одновременно открываются лаборатории, курсы, школы и экспериментальные классы по обучению быстрому чтению.

По данным ЮНЕСКО, в период с 1950 г. по 1970 г. мировая книжная продукция увеличилась по числу изданий в два раза, а по тиражам в три раза. Крупнейшим издателем в то время являлся Советский Союз, его по праву называли страной массового читателя. Ни в одной стране мира не читали так много как в СССР. Но рост книгоиздания не связан с увеличением времени, которое читатели могли посвятить книге. В условиях возникшего избытка информации становилась актуальной задача повышения скорости чтения. Усвоить большой объем печатной продукции без навыка быстрого чтения было невозможно. Чтение требовало организации таким образом, чтобы, отсеивая все лишнее, люди умели выбирать существенно важное, и, используя инструмент мышления, закладывать в свою память основы нового знания. В условиях научно-технического прогресса процесс чтения, особенно специальной литературы, становился неотъемлемой частью производственного процесса, а повышение скорости и продуктивности чтения – мощным стимулом повышения производительности труда.

В 1983 г. вышла книга О. А. Кузнецова и Л. Н. Хромова «Техника быстрого чтения», в которой авторы обобщили достижения российских и зарубежных психологов, лингвистов, филологов и педагогов. Книга была призвана помочь всем желающим освоить искусство быстрого чтения, тем самым повысить скорость чтения и качество усвоения прочитанного. Быстрое чтение авторы книги характеризуют как метод, с помощью которого человек извлекает из текста осмысленную информацию на повышенной скорости. Это не поверхностное чтение «по диагонали», «это активный созидательный понятийный процесс, в ходе которого читатель анализирует факты, суждения, а затем производит синтез отдельных понятий, и в итоге закладывается фундамент нового знания». Книга содержит богатый теоретический материал, популярно описывает механизмы работы мозга, что помогает управлять процессами чтения. Однако авторы приводят Н. А. Рубакина о том, что «некоторые книги надо читать очень медленно, чтобы хорошо понять их смысл, но в ряде случаев, наоборот, необходимо схватывать общую связь мыслей, что достигается посредством быстрого чтения» [Кузнецов, Хромов 1983: 7]. Современные исследователи, например, Э. А. Юнусова, отмечают необходимость «принимать во внимание особенности читаемого текста» [Юнусова 2019: 256].

Настоящее искусство чтения предполагает способность гибкого чтения в зависимости от цели и задачи чтения и характера текста. Перед началом чтения предлагается выбрать определенный способ чтения в зависимости от целей, задач и наличия времени, например, углубленное чтение, собственно быстрое чтение, выборочное чтение, чтение-просмотр, чтение-сканирование. По мнению исследователей, к факторам, ограничивающим скорость восприятия и осмысления получаемой информации из текста в современных условиях, относятся: артикуляция или проговаривание, малое поле зрения или недостаточное периферическое зрение, регрессия и перечитывание, отсутствие внимания при чтении, словарный запас, особенности работы головного мозга, недостаточные академические знания о процессе чтения, отсутствие гибкой стратегии чтения. Считается, что, приобретая навыки быстрого чтения, человек совершенствуется и другие способы чтения, развивает глубину восприятия информации из окружающего мира, активизирует процессы мышления и запоминания.

Быстрое чтение основывается на использовании четких и последовательных мыслительных действий – интегральный и дифференциальный алгоритмы чтения, которые облегчают поиск важной информации в тексте, способствует сжатию и кодированию полученной информации. Алгоритмы организуют процесс чтения, делают его более эффективным. Интегральный алгоритм предполагает работу с полным текстом и «заполнение блоков», с которыми сопоставляется считываемая информация из текста. С помощью дифференциального алгоритма текст разбивается на отдельные логические элементы, при этом обрабатывается только основная смысловая часть текста.

Подчеркнем, что метод быстрого чтения эффективен в первую очередь для изучения научно-технических журналов и книг по специальности, газет и научно-популярных журналов, научно-технической и служебной документации. В меньшей степени метод рекомендуется для чтения литературы не по специальности, учебной и художественной литературы. В отличие от художественных научные и технические тексты строятся, как правило, по законам логики. Метод быстрого чтения использует эти законы при извлечении смысловой информации из исходного текста и обеспечивает тем самым высококачественное усвоение прочитанного. Мы считаем, что фокусировка внимания в процессе обучения в последнее десятилетие практически исключительно на методах быстрого чтения окончательно разрушает способность юных обучающихся к вдумчивому, аналитическому и осознанному извлечению информации, особенно при обучении иностранному языку. Для усвоения как фактологического, так и языкового материала необходимо активное чтение, развивающее критическое мышление и способность думать.

Приведем высказывание Владимира Набокова: «Литературу, настоящую литературу не стоит глотать залпом, как снадобье, полезное для сердца или ума, этого «желудка» души. Литературу надо принимать мелкими дозами, раздробив, раскрошив, размолов, – тогда вы почувствуете ее сладостное благоухание в глубине ладоней; ее нужно разгрызать, с наслаждением перекачивать во рту – тогда и только тогда вы оцените по достоинству ее редкостный аромат, и раздробленные, размельченные частицы вновь соединятся воедино в вашем сознании и обретут красоту целого, к которому вы подмешали чуточку собственной крови» [Набоков 1996: 184]. Крупный европейский ученый XX века Жак Деррида, критически отнесшийся к основаниям всей европейской культуры, в одном интервью признался, что из всей своей громадной библиотеки прочитал от силы три или четыре книги, очень, очень внимательно.

Несмотря на то, что тексты, особенно тексты художественной литературы, мы воспринимаем ценнейшими источниками информации, они не дают готовых ответов. «Медленное» (иначе, глубокое) чтение предполагает самостоятельный и активный поиск ответов, самостоятельные умозаключения, практически произвольное запоминание наиболее яркого содержания и полезных речевых форм и конструкций. Медленное чтение заставляет долго концентрироваться на фрагменте текста, искать дополнительную информацию, обращаться к прочим справочным материалам, воспринимать текст как проблему, требующую решения, и подбирать к ней решения, давать свою оценку описанному.

Стараясь все-таки переломить общую тенденцию поверхностного чтения, мы разрабатываем и постоянно совершенствуем алгоритм обучения медленному чтению. Хотели бы предложить вашему вниманию такой подход. Медленное чтение начинается задолго до собственно прочтения текста или целого произведения и охватывает экстралингвистический и интралингвистический аспекты. Первая фаза включает в себя ознакомление с автором: краткую биографическую справку с акцентом на те события в его жизни, которые оставили или, на взгляд студентов, могли бы оставить «след» автора в тексте; ознакомление с эпохой (или временем написания), объяснение реалий, часто поиск соответствий в родном языке, если таковые имеются.

Вторая фаза представляет собой забытое, банальное, но такое необходимое чтение вслух фрагментов или полного текста. При этом подход к выбору пассажей должен быть заранее продуман, т. к. важно прочесть вслух не любой, а лишь важный для раскрытия ключевого смысла фрагмент. При обязательном внимании к интонации и качеству произношения (несмотря на то, что все же это «хлеб» фонетистов), как правило, здесь выясняются затрагиваемые темы, действующие лица, обнаруживаются сюжетные линии.

Время от времени полезным оказывается «чтение с партнером». Это задание рассчитано на работу в паре, когда один обучающийся выступает в роли «контролера» понимания фрагмента текста, задает уточняющие вопросы, просит растолковать,

прокомментировать небольшой фрагмент. В зависимости от цели урока, можно предложить разработать небольшой комплекс языковых заданий для партнера. Во-первых, это вносит элемент соревнования и некоторого азарта. Во-вторых, развивает внимание к деталям, предлагает самому выступить инициатором упражнений или заданий. И, главное, стимулирует многократное обращение к тексту.

На следующей фазе, которую условно можно назвать «провокацией», вниманию группы предлагаются выдержки из текста, в некоторых из которых содержатся ложные цитаты. Задача обучающихся снова обратиться к тексту, найти цитируемое место, «исправить ошибку». Завершающая фаза предполагает комментирование и анализ прочитанного, которые выполняются в устной форме (в виде небольшого исследования и выражения своей точки зрения) и в письменной форме (например, аннотирование, составление рекламного текста, читательского отзыва). Разумеется, перечисленные фазы могут и должны пополняться, исключаться, меняться местами. И решающими для этого будут целеполагание при чтении, сам читаемый текст, целевая аудитория и многие другие факторы.

Для того, чтобы реализовать перечисленные фазы работы над текстом, с самого начала ведется «читательский дневник» (часто контролируемый преподавателем). Особенно он необходим при чтении крупноформатных литературных текстов. Так, например, мы ведем «учет персонажей»: в табличном виде записываем по мере прочтения краткие данные о них (внешность, характер, поступки и их причины, и обязательно читательское отношение к персонажу). В ЧД обязательно выделяем и фиксируем затрагиваемые в каждой порции прочитанного основные темы и проблемы, отношение к ним героев и читателя. В языковой части ЧД студенты записывают те слова, выражения и конструкции, которые, на их взгляд (никакого насаждения со стороны преподавателя!), могут помочь при выступлении на занятии. На старших курсах записываем лингвостилистические приемы, которые принято называть средствами выразительности. Тогда после прочтения читатель может проанализировать как прочитанное, так и собственное отношение к прочитанному, кроме того, обладает для обсуждения запасом речевых средств.

Заключение

Таким образом, медленное чтение (иначе глубокое) заставляет продолжительное время концентрироваться на фрагменте текста, многократно обращаться к нему, воспринимать его содержание как проблему, требующую решения, но, главное, заставляет сформировать собственную точку зрения на проблему. Такой способ чтения мотивирует обучающихся к последующему производству собственного текста на иностранном языке, т. е. является незаменимым способом обучения и стимулирования прочих видов речевой деятельности.

Список литературы

1. Результаты Национальных исследований качества образования URL: https://fioco.ru/results_niko (дата обращения: 27.05.2024)
2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/28919325794ac52c4da4b84b4700cf2f1079a1e8/ (дата обращения: 27.06.2024)
3. Сократ – 124 цитаты. URL: <https://socratify.net> (дата обращения: 27.06.2024)
4. Ребельский И. В. Азбука умственного труда: как читать, как слушать, как готовиться к докладу. 2-е изд. М. : Изд-во Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, 1926. 105 с.
5. Поварнин С. И. Как читать книги. Переиздание. М. : Изд-во «Книга», 1971. 61 с.
6. Кузнецов О. А., Хромов Л. Н. Техника быстрого чтения. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Книга, 1983. 175 с.
7. Юнусова Э. А. Особенности формирования навыка чтения в младшем школьном возрасте // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 254–257.
8. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М. : Независимая газета, 1996. 440 с.

References

1. Rezul'taty Natsional'nykh issledovaniy kachestva obrazovaniya [Results of the National Surveys of Education Quality]. (In Russ.). Available at: https://fioco.ru/results_niko (accessed: 27.05.2024).
2. Federal'nyy zakon «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law "On Education in the Russian Federation"]. 29.12.2012, no. 273-FZ (In Russ.). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/28919325794ac52c4da4b84b4700cf2f1079a1e8/ (accessed: 27.06.2024).
3. Sokrat - 124 tsitaty [Socrates - 124 quotes]. (In Russ.). Available at: <https://socratify.net> (accessed: 27.06.2024).
4. Rebel'skiy I. V. Azbuka umstvennogo truda: kak chitat', kak slushat', kak gotovit'sya k dokladu [The ABCs of Mental Work: How to Read, How to Listen, How to Prepare for a Report]. 2th ed., Moscow, Kommunisticheskii universitet im. Ya. M. Sverdlova, 1926, 105 p. (In Russ.).
5. Povarnin S. I. Kak chitat' knigi. Pereizdanie [How to Read Books. Reissue]. Moscow, Kniga, 1971, 61 p. (In Russ.).
6. Kuznetsov O. A., Khromov L. N. Tekhnika bystrogo chteniya [Speed reading technique]. 2th ed., Moscow, Kniga, 1983, 175 p. (In Russ.).
7. Yunusova E. A. Osobennosti formirovaniya navyka chteniya v mladshem shkol'nom vozraste [Features of the development of reading skills in primary school age]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology]. 2019, vol. 8, no. 4 (29), pp. 254-257. (In Russ.).
8. Nabokov V. V. Lektsii po russkoy literature [Lectures on Russian Literature]. Moscow, Nezavisimaya gazeta, 1996, 440 p. (In Russ.).

Информация об авторах

- А. Е. Тачаева** – кандидат филологических наук, доцент, кафедра переводческого и педагогического мастерства, Московский государственный лингвистический университет; доцент, кафедра германской филологии, Российский государственный гуманитарный университет;*
- И. Э. Санжарова** – старший преподаватель, кафедра лексикологии и стилистики немецкого языка, Московский государственный лингвистический университет;*
- Н. А. Тухтарова** – старший преподаватель, кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет.*

Information about the authors

- A. E. Tachayeva** – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Translation and Pedagogical Skills, Moscow State Linguistic University; Associate Professor, Department of German Philology, Russian State Humanitarian University;*
- I. E. Sanzharova** – Senior Lecturer, Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Moscow State Linguistic University;*
- N. A. Tukhtarova** – Senior Lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University.*

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 25.08.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 25.08.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 42–48.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 16. P. 42-48.

Научная статья

УДК 811.112.2`36

doi: 10.24412/2713-0231-2024-16-42-48

СУБКТЕГОРИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ ТАКСИСА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,
irarch@yandex.ru

Аннотация. В фокусе рассмотрения находится вопрос субкатегоризации в системе таксиса, предусматривающей выделение субкатегорий хронологического и нехронологического (обстоятельственного) таксиса. Целью данной работы является описание различных таксисных категориальных ситуаций (ТКС) – категориальных ситуаций хронологического и нехронологического (обстоятельственного) таксиса одновременности / разновременности с учетом семантического наполнения высказываний с предложно-именными сочетаниями на базе девербативных существительных, в частности, семантики темпорального или другого обстоятельственного предлога. Материалом исследования послужили высказывания с предложно-именными конструкциями на базе девербативов немецкого языка. Эмпирический материал был отобран методом целевой выборки из электронной базы Лейпцигского корпуса. В ходе исследования установлено, что в высказываниях с темпоральными предлогами актуализуются категориальные ситуации хронологического таксиса одновременности или разновременности (предшествования, следования). В высказываниях с нетемпоральными предлогами каузальной, concessивной, консекутивной, финальной и другой обстоятельственной семантики реализуются различные категориальные ситуации нехронологического (обстоятельственного) таксиса – каузальные, concessивные, консекутивные, финальные и др.

Ключевые слова: категория, функционально-семантическая категория, таксис, субкатегоризация, таксисная дихотомия, хронологический таксис, нехронологический таксис, обстоятельственный таксис, одновременность, разновременность.

Для цитирования: Архипова И. В. Субкатегоризация в системе таксиса (на материале современного немецкого языка) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 42–48. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-42-48>

Original article

SUBCATEGORIZATION IN THE TAXIS SYSTEM (BASED ON MODERN GERMAN LANGUAGE)

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru

Abstract. The focus of the study is the issue of subcategorization in the taxis system, which involves the allocation of subcategories of chronolical and non-chronolical (adverbial) taxis. The aim of this work is to describe various taxis categorial situations (TCS) – categorial situations of chronolical and non-chronolical (adverbial) taxis of simultaneity / non-simultaneity, taking into account the semantic content of statements with prepositional-nominal combinations based on deverbative nouns, in particular, the semantics of a temporal or other adverbial preposition. The material for the study was statements with prepositional-nominal constructions based on deverbatives of the German language. The empirical material was selected using the method of

targeted sampling from the electronic database of the Leipzig Corpora. The study found that categorical situations of chronological taxis of simultaneity or difference in time (precedence, succession) are actualized in statements with temporal prepositions. In statements with non-temporal prepositions of causal, concessive, consequential, final and other adverbial semantics, various categorical situations of non-chronological (adverbial) taxis are realized – causal, concessive, consequential, final, etc.

Keywords: category, functional-semantic category, taxis, subcategorization, taxis dichotomy, chronological taxis, non-chronological taxis, adverbial taxis, simultaneity, non-simultaneity

For citation: Arkhipova I. V. Subcategorization in the taxis system (based on modern German language). *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2024;16:42-48. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-42-48>

Введение

В фокусе настоящего исследования находится вопрос описания функционально-семантической категории таксиса, характеризующей хронологические (временные) отношения между действиями высказываний, и ее субкатегоризация, в частности, выделение хронологического и нехронологического таксиса одновременности и разновременности. Исследование проведено на материале современного немецкого языка. Его эмпирической базой послужили высказывания с предложно-именными конструкциями, полученные методом целевой выборки из электронной базы данных Лейпцигского национального корпуса (LC). Цель работы – выделение субкатегорий хронологического и нехронологического (обстоятельственного) таксиса и описание соответствующих таксисных категориальных ситуаций, актуализируемых в высказываниях с предложно-именными конструкциями на базе девербативных имен существительных немецкого языка.

Основная часть

Вопросы описания функционально-семантической категории таксиса в парадигматическом аспекте и рассмотрения таксисной актуализации в конкретно-речевом контексте освещаются в работах отечественных лингвистов, представляющих концепцию Санкт-Петербургской школы функциональной грамматики. Они выполнены, как правило, на материале русского, а также немецкого, английского и некоторых других языков [Архипова, 2021, 2022, 2023; Бондарко, 2002, 2011, 2017, 2017а; Козинцева, 1991; Кудинова, 2015; Ляшенко, 2019; Полянский, 1991, 2017].

Категория таксиса (от греч. τάξις – построение, порядок, расположение) рассматривается как категория, характеризующая временные или хронологические отношения между действиями (одновременность / неодновременность, соотношение главного и сопутствующего действия и другие). Категория таксиса включает, как правило, аспектуальную характеристику всего комплекса соотносимых во времени действий и может взаимодействовать с каузальными, concessивными, модальными и другими значениями [ЛЭС 1990: 503–504]. Как особую самостоятельную грамматическую категорию таксис в отечественной лингвистике выделяют со второй половины XX в. О грамматической категории таксиса впервые в 1972 г. в своей работе пишет Р. О. Якобсон. Он вводит термин «таксис» как «греческий прообраз» предложенного Л. Блумфилдом термина «порядок» (order) [Якобсон 1972: 95–114].

Р. О. Якобсон рассматривает таксис как одну из категорий, не относящихся к типу шифтеров, и определяет его следующим образом: «Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [там же: 95–97]. Р. О. Якобсон различает «сообщаемый факт (En), факт сообщения (Es), участник сообщаемого факта (Pn) и участник факта сообщения (Ps), будь то отправитель или адресат» [там же]. Исходя из этого, исследователь подразделяет все рассматриваемые им глагольные категории на два типа: 1) содержащие указание на участников сообщаемого факта и 2) не содержащие таких указаний. Категории первого типа «могут характеризовать либо самих участников сообщаемого факта (Pn), либо их отношение к этому факту (Pn En)». Категории второго типа «характеризуют либо сообщаемый факт сам по себе (En), либо его отношение к

другому сообщаемому факту (EnEn)». Категория таксиса относится к категории второго типа (En). Категории, характеризующие только сам факт (En) или только его участников (Pn), Р. О. Якобсон называет десигнаторами, а категории, характеризующие величины (En) или (Pn) через отношение к другим описываемым объектам (En En или Pn En), соответственно, коннекторами. Все классифицируемые категории подразделяются также по тому, характеризуют ли они сообщаемый факт и / или его участников «либо по отношению к факту сообщения ... (... / En), либо к его участникам ... (... / Pn), либо безотносительно ко всему этому». Категории, указывающие на такое отношение, именуется вслед за О. Есперсенем шифтерами, а не содержащие такого указания – не шифтерами) [там же: 95–114]. Согласно данным классифицирующим признакам категория таксиса является коннекторной и нешифтерной.

Р. О. Якобсон, говоря о таксисе как грамматической категории, приводит в качестве примера факты нивхского языка, а также (со ссылкой на Б. Л. Уорфа) языка хопи. На примере нивхского языка исследователь выделяет зависимый и независимый таксис. Помимо хронологических отношений он допускает отнесенность к таксису таких связей между действиями, как причинность, уступительность, цель и т. д. [там же: 101]. В дальнейшем в статье речь пойдет о выделении обстоятельственного (нехронологического) таксиса и его различных вариантов в немецком языке.

Рассматриваемая нами функционально-семантическая категория таксиса характеризует временные (хронологические / нехронологические) отношения между двумя и более действиями в рамках целостного периода времени и безотносительно к моменту речи. Помимо собственно хронологических отношений одновременности и разновременности она может включать соотношение основного и сопутствующего действий, а также обстоятельственные значения логической обусловленности, что позволяет выделять такую разновидность зависимого таксиса как обстоятельственный таксис.

Эмпирический материал исследования представляют высказывания с предложно-именными конструкциями на базе девербативных имен существительных немецкого языка. В этих высказываниях реализуются категориальные значения зависимого таксиса, то есть речь идет о временной соотнесенности, как правило, двух действий – основного (главного) и второстепенного (сопутствующего). Основным является действие (в широком смысле) глагольного предиката высказывания, а сопутствующим – действие (процесс, состояние), обозначаемое предложно-именной конструкцией с темпоральным / нетемпоральным предлогом. Например:

(1) Einer wurde *beim Schlafen in seinem Auto* fotografiert (LC).

(2) Abends habe er sich *zum Schlafen* in den Vorraum der Raiffeisenbank gelegt ... (LC).

В высказывании (1) при актуализации таксисного категориального значения одновременности между собой соотносятся по времени (безотносительно к моменту речи) основное действие, выражаемое глаголом *fotografieren*, и сопутствующее действие, обозначаемое предложно-именной конструкцией на основе девербатива с семантикой процесса (см. предложную конструкцию *beim Schlafen in seinem Auto*). В примере (2) актуализовано таксисное категориальное значение обстоятельственного таксиса, в частности, финального таксиса одновременности. Между собой соотносятся, совпадая по времени их протекания, основное (главное) действие глагольного предиката (см. глагол *sich legen* в форме перфекта) и сопутствующий процесс, выраженный предложно-именным сочетанием на базе того же девербатива *das Schlafen* с финальным предлогом *zu*.

Девербативы в составе предложно-именных конструкций участвуют в актуализации таксисной дихотомии и реализуют категориальные значения хронологического таксиса и обстоятельственного (нехронологического) таксиса одновременности и разновременности. В составе с темпоральными предлогами они актуализуют значения хронологического таксиса одновременности, предшествования или следования, а в составе с нетемпоральными (каузальными, concessивными, консекутивными, инструментальными, медиальными, финальными) предлогами – значения обстоятельственного или нехронологического таксиса одновременности и разновременности. В случае высказываний с нетемпоральными предлогами

в них возможна актуализация таких категориальных значений обстоятельственного таксиса как каузальные, концессивные, консекutive, инструментальные, медиальные, финальные и др. Разновидность или вариант обстоятельственного таксиса одновременности / разновременности маркируется предложом темпоральной или другой обстоятельственной семантики (каузальной, концессивной, консекutive, финальной и др.)

Речевая манифестация категориальных значений таксиса (хронологического, нехронологического) находит свое отражение в таксисной категориальной ситуации (*ТКС*). *ТКС* рассматривается как выражаемая «различными средствами высказывания типовая (выступающая в том или ином варианте) содержательная структура, базирующаяся на определенной семантической категории ... и представляющая собой один из аспектов общей ситуации, передаваемой высказыванием, одну из его категориальных характеристик (аспектуальную, темпоральную, модальную и др.)» [Бондарко 2002: 319–338]. В высказываниях с предложно-именными конструкциями возможна актуализация *ТКС* двух разновидностей. В высказываниях, содержащих темпоральные (монотемпоральные / инклюзивно-темпоральные) предлоги, девербативы участвуют в актуализации категориальных ситуаций хронологического таксиса (*КСхрТ*), а в высказываниях с нетемпоральными предлогами – в актуализации категориальных ситуаций нехронологического (обстоятельственного) таксиса (*КСнехрТ*). Например:

(3) Im brennenden Wohnwagen befanden sich *bei Ankunft der Feuerwehr* noch Gasflaschen (LC).

(4) *Mit Ankunft des ersten Transporters* packten dann alle kräftig mit an (LC).

(5) *Vor der Ankunft von Thomas Tuchel* suchte der neue Cheftrainer den Kontakt zu dem Ehrenpräsidenten (LC).

(6) Die Zeugen unterstützten ihn beim Aussteigen und betreuten ihn *bis zur Ankunft der Einsatzkräfte* (LC).

(7) *Nach der Ankunft* dort befindet sich die Aida Prima in ihrem normalen Fahrplan (LC).

(8) *Seit seiner Ankunft in Stuttgart* trifft Serhou Guirassy wie am Fließband (LC).

Все вышеприведенные примеры (3–8) содержат различные предложно-именные конструкции на базе одного и того же девербатива *die Ankunft*. В примерах (3) и (4) с инклюзивно-темпоральными предлогами *bei, mit* реализуются категориальные ситуации хронологического таксиса одновременности (*КСхрТодновр*). В высказываниях (5) и (6) с монотемпоральными предлогами с семантикой предшествования *vor* и *bis* актуализуются категориальные ситуации хронологического таксиса предшествования (*КСхрТпредш*). В примерах (7) и (8), содержащих предложно-именные конструкции с монотемпоральными предлогами с семантикой следования (см. предлоги *nach* и *seit*), выражаются категориальные ситуации хронологического таксиса следования (*КСхрТслед*).

В высказываниях с нетемпоральными предлогами обстоятельственной семантики (см. предлоги *wegen, aufgrund, dank, infolge, durch, trotz, ungeachtet, zu, für* и др.) возможна реализация нескольких вариантов обстоятельственного таксиса одновременности или разновременности (предшествования, следования) – каузального, консекutive, концессивного, медиального и финального. Например:

(9) Die Frau erwarten nun Anzeigen *wegen Beleidigung und wegen des Vergehens nach dem Betäubungsmittelgesetz* (LC).

(10) Die Unfallverursacherin erlitt *durch den Aufprall* leichte Verletzungen im Bereich Brustkorb und am Arm (LC).

(11) Ebenso kam es *aufgrund der Entzündung des Gases* zu einem leichten Brand der angrenzenden Vegetation (LC).

(12) Er verpasste als Neunter die letzte Runde, stieg aber *dank eines Rückzugs eines Kontrahenten* doch noch auf (LC).

В вышеприведенных примерах с монокаузальными предлогами *wegen, aufgrund, dank* и инклюзивно-каузальным полисемичным предлогом *durch* реализованы категориальные ситуации нехронологического таксиса предшествования (*КСнехрТпредш*). В силу

онтологической сущности каузального отношения между двумя действиями действие девербативного существительного «мыслится» как имеющая место ранее причина или основание совершаемого действия глагольного предиката, чем и обусловлена актуализация каузальных таксисных категориальных ситуаций предшествования (*КаузТКСпредш*).

В следующих примерах с моноконсекутивным предложением *infolge* выражены категориальные ситуации нехронологического таксиса следования (*КСнехрТслед*). Основные действия, обозначаемые глагольными сказуемыми, совершаются вследствие некоторых второстепенных действий, выражаемых предложно-девербативными конструкциями с предложением *infolge*. Актуализуемое значение следствия детерминируется консекутивным предложением. Реализуемые категориальные таксисные ситуации следует обозначить в таких случаях как консекутивные таксисные категориальные ситуации следования (*КонсТКСслед*). Ср.:

(13) Die Scheibe sprang *infolge des Zusammenstoßes* in zahlreiche Teile (LC).

(14) Ein Mann sei *infolge einer Verletzung* noch am selben Tag im Militärkrankenhaus für tot erklärt worden (LC).

В высказываниях, в состав которых входят предложно-именные конструкции с моноконсексивными предложениями *trotz* и *ungeachtet*, реализуются консексивные таксисные категориальные ситуации одновременности (*КонцТКСодновр*). Ср.:

(15) Sie wundert sich über die Ruhe *trotz drohender Schließung des Hauses Rahden* (LC).

(16) Stadtverwaltung Menden und weitere Außenstellen bleiben am Freitag *ungeachtet der Entwarnung* geschlossen (LC).

В высказываниях (17) и (18) маркерами категориальных ситуаций нехронологического (обстоятельственного) таксиса одновременности выступают предлоги полисемичные предлоги *durch* и *mit*, входящие в состав предложно-девербативных конструкций. Ср.:

(17) Dieses Einkommen habe er *durch den Vertrieb diverser Suchtmittel* ergänzt (LC).

(18) Er registriert das *mit einem kleinen Nicken* (LC).

В данных высказываниях с инклюзивно-медиальными предложениями *durch* и *mit* реализованы медиальные таксисные категориальные ситуации одновременности (*МедТКСодновр*).

В следующих высказываниях выражен такой вариант нехронологического таксиса одновременности как финальный таксис одновременности:

(19) Das Umweltbundesamt ruft *zum Trinken von Leitungswasser* auf (LC).

(20) Bereits im Alter von zwei Jahren hat Jaden seine Leidenschaft *fürs Backen* entdeckt, verantwortlich dafür war seine Mama Barbara (LC).

В вышеприведенных примерах актуализованы финальные таксисные категориальные ситуации одновременности (*ФинТКСодновр*), маркерами которых выступают предлоги целевой семантики *zu* и *für*.

Заключение

Таким образом, в состав высказываний с предложно-именными конструкциями на базе девербативов входят как темпоральные (монотемпоральные, инклюзивно-темпоральные), так и нетемпоральные предлоги каузальной, консексивной, финальной и другой обстоятельственной семантики. Предложно-девербативные сочетания участвуют в актуализации таксисной дихотомии. Они реализуют категориальные значения хронологического и нехронологического (обстоятельственного) таксиса. В высказываниях с монотемпоральными и инклюзивно-темпоральными предложениями выражаются категориальные ситуации хронологического таксиса одновременности, предшествования и следования. А в высказываниях с нетемпоральными предложениями каузальной, консексивной, консекутивной, медиальной и финальной семантики реализуются обстоятельственные таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности – каузальные, консексивные, консекутивные, медиальные и финальные.

Предметом дальнейших исследований является рассмотрение и детальный анализ сопряженных таксисных категориальных ситуаций, реализуемых не только в простом осложненном, но и сложном предложении немецкого языка, в том числе, в сопоставительном аспекте с русским языком и другими западногерманскими языками (английским и нидерландским).

Список литературы

1. Архипова И. В. Темпорально-таксисное межкатегориальное взаимодействие // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. Т. 40. № 3. С. 368–377.
2. Архипова И. В. Межкатегориальные взаимодействия в таксисных семантических комплексах // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2022. № 3 (302). С. 15–20.
3. Архипова И. В. Системно-языковые и конкретно-речевые связи в сфере таксиса // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1 (33). С. 89–96.
4. Бондарко А. В. Теория значения в аспекте функциональной грамматики: на материале русского языка / Российская академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
5. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 488 с.
6. Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. 336 с.
7. Бондарко А. В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М.: ЛЕНАНД, 2017а. С. 234–242.
8. Козинцева Н. А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями; Отв. ред. А. В. Бондарко; АН СССР, Ин-т языкознания, Ленингр. отд-ние. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1991. 144 с.
9. Кудинова Н. Л. Взаимодействие категорий таксиса и аспектуальности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-2(52). С. 115–117.
10. Ляшенко Н. А. Функционально-семантическое поле таксиса в английском языке // Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках: монография / Н. Г. Склярова, А. В. Николаева, К. Н. Симонова, Н. А. Ляшенко, С. Е. Молчанова. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2019. С. 101–129.
11. Полянский С. М. К установлению признаков функционально-семантической категории таксиса // Функциональный анализ значимых языковых единиц в парадигматике и синтагматике: Межвуз. сб. науч. тр. / С. М. Полянский (отв. ред.) и др. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 1991. С. 3–18.
12. Полянский С. М. Одновременность / разновременность и другие типы таксисных отношений // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис: монография / А. В. Бондарко и др. Изд. 7-е. 2017. М.: ЛЕНАНД. С. 243–253.
13. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский язык // Принципы типологического анализа языков различного строя: Сборник статей / Сост. и предисл. О. Г. Ревзиной; АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1972. С. 95–114.

Список источников

1. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Глав. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия. 1990. 682 с.
2. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 23.05.2024).

References

1. Arkhipova I. V. Temporal'no-taksisnoe mezhkategorial'noe vzaimodeystvie [Temporal-tactical intercategorical interaction]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznanija* [Issues of journalism, pedagogy, linguistics]. 2021, vol. 40, no. 3, pp. 368-377. (In Russ.).
2. Arkhipova I. V. Mezhkategorial'nye vzaimodeystviya v taksisnykh semanticheskikh kompleksakh [Intercategorical interactions in taxis semantic complexes]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Adyghe State University. Series 2. Philology and Art Criticism]. 2022, no. 3 (302), pp. 15-20. (In Russ.).

3. Arkhipova I. V. Sistemno-yazykovye i konkretno-rechevye svyazi v sfere taksisa [Systemic-linguistic and concrete-speech connections in the sphere of taxis]. *Neofilologiya* [Neophilology]. 2023, vol. 9, no. 1 (33), pp. 89-96. (In Russ.).
4. Bondarko A. V. Teoriya znacheniya v aspekte funktsional'noy grammatiki: na materiale russkogo yazyka [Theory of meaning in the aspect of functional grammar: on the material of the Russian language]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002, 736 p. (In Russ.).
5. Bondarko A. V. Kategorizatsiya v sisteme grammatiki [Categorization in the grammar system]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011, 488 p. (In Russ.).
6. Bondarko A. V. Glagol'nye kategorii v sisteme funktsional'noy grammatiki [Verb categories in the system of functional grammar]. 2nd ed., Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2017, 336 p. (In Russ.).
7. Bondarko A. V. Obshchaya kharakteristika semantiki i struktury polya taksisa [General characteristics of the semantics and structure of the taxis field]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Functional Grammar Theory: Introduction, Aspectuality, Temporal Localization, Taxis]. 7th ed., Moscow, LENAND, 2017a, pp. 234-242. (In Russ.).
8. Kozintseva N. A. Vremennaya lokalizovannost' deystviya i ee svyazi s aspektual'nymi, modal'nymi i taksisnymi znacheniyami [Temporal localization of action and its connections with aspectual, modal and taxis meanings]. AN SSSR, Institut yazykoznaniiya, Leningr, Nauka, Leningrskoe otdelenie, 1991, 144 p. (In Russ.).
9. Kudinova N. L. Vzaimodeystvie kategoriy taksisa i aspektual'nosti [Interaction of taxis and aspectuality categories]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Theoretical and practical issues]. 2015, no. 10-2(52), pp. 115-117. (In Russ.).
10. Lyashenko N. A. Funktsional'no-semanticheskoe pole taksisa v angliyskom yazyke [Functional and semantic field of taxis in English]. *Funktsional'no-semanticheskie polya raznykh tipov v angliyskom i russkom yazykakh* [Functional-semantic fields of different types in English and Russian languages]. Rostov-na-Donu, Fond nauki i obrazovaniya, 2019, pp. 101-129. (In Russ.).
11. Polyanskiy S. M. K ustanovleniyu priznakov funktsional'no-semanticheskoy kategorii taksisa [Towards the establishment of the features of the functional-semantic category of taxis]. *Funktsional'nyy analiz znachimyykh yazykovykh edinits v paradigmatiche i sintagmatike* [Functional analysis of significant linguistic units in paradigmatics and syntagmatics]. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 1991, pp. 3-18. (In Russ.).
12. Polyanskiy S. M. Odnovremennost' / raznovremennost' i drugie tipy taksisnykh otnosheniy [Simultaneity/diversity and other types of taxis relations]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Functional Grammar Theory: Introduction, Aspectuality, Temporal Localization, Taxis]. 7th ed., 2017, Moscow, LENAND, pp. 243-253. (In Russ.).
13. Yakobson R. O. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkiy yazyk [Shifters, verb categories and the Russian language]. *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of typological analysis of languages of different systems]. AN SSSR, In-t vostokovedeniya, Moscow, Nauka, 1972, pp. 95-114. (In Russ.).

List of sources

1. LES - Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Head. ed. V. N. Yartseva. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1990, 682 p. (In Russ.).
2. LC - Laboratoriya korpusnoy lingvistiki Leyptsigskogo universiteta [Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig]. (In Russ.). Available at: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed: 23.05.2024).

Информация об авторе

И. В. Архипова – доктор филологических наук, профессор, кафедра романо-германской филологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about author

I. V. Arkhipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Romano-Germanic Philology, Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 05.06.2024; одобрена после рецензирования 20.07.2024; принята к публикации 10.08.2024.

The article was submitted 05.06.2024; approved after reviewing 20.07.2024; accepted for publication 10.08.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 49–56.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 16. P. 49-56.

Научная статья

УДК 81'37

doi: 10.24412/2713-0231-2024-16-49-56

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ И СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА «УЧЕБА» ПО ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫМ ДАННЫМ

Елена Борисовна Пенягина¹, Лю Шушуй²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ 1799062686@qq.com

² lenpen0125@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу языковых средств объективации концепта «УЧЕБА» и моделированию его полевой структуры в китайском и русском социуме на основе экспериментальных данных. В ходе ассоциативного эксперимента собрано 400 ассоциаций, полученных от 80 информантов (по 20 юношей и девушек носителей китайского и русского языков); данные ассоциации проанализированы и разделены на тематические группы – признаки концепта. В результате когнитивного анализа экспериментальных данных построено 2 полевые модели структуры и содержания исследуемого концепта в двух группах информантов китайских и русских студентов. Сопоставительный анализ полевых моделей показал специфику когнитивных признаков, образующих содержание концепта. Общим концептообразующим ядерным признаком концепта «УЧЕБА» у информантов выявлена тематическая группа «Результаты, блага». Предъядерная зона концепта «УЧЕБА» представлена двумя признаками, общим признаком концепта является группа «Атрибуты процесса», отличия составляют у китайских студентов признак «Отрицательная характеристика», у русских – «Действия, серьезная работа». И дальняя, и ближняя периферия у исследуемых групп концепта УЧЕБА достаточно обширна и представлена у китайцев шестью концептообразующими когнитивными признаками, у русских – семью.

Ключевые слова: концепт «УЧЕБА», ассоциативный эксперимент, тематическая группа, концептообразующий признак, полевая модель концепта.

Для цитирования: Пенягина Е. Б., Лю Шушуй. Анализ содержания и структуры концепта «учеба» по экспериментальным данным // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 49–56. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-49-56>

Original article

ANALYSIS OF THE CONTENT AND STRUCTURE OF THE CONCEPT "STUDY" ACCORDING TO EXPERIMENTAL DATA

Elena B. Penyagina¹, Liu Shushuai²

^{1,2} Perm State National Research University, Perm, Russia

¹ 1799062686@qq.com

² lenpen0125@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the language means of objectification of the concept of “study” and modeling its field structure in Chinese and Russian society based on experimental data. During the associative experiment, 400 associations received from 80 informants (20 boys and girls of native speakers of Chinese and Russian languages) were collected; These associations are analyzed and divided into thematic groups – signs of the concept. As a result of the cognitive analysis of experimental data, 2 field

models of the structure and content of the study concept in two groups of informants of Chinese and Russian students were built. A comparative analysis of field models showed the specifics of cognitive features that form the content of the concept. A general concept-forming nuclear sign of the “study” concept among informants identified the thematic group “Results, Goods”. The pre-nuclear zone of the “Study” concept is represented by two characteristics, the common for both languages is the characteristic “Process Attributes”, and the difference lies in the “Negative Characteristic” in the Chinese language and the characteristic “Actions, Serious Work” in the Russian language. Both the distant and near periphery in the studied groups of the concept is quite extensive and is represented by six concept-forming cognitive signs among the Chinese informants, and among Russian informants by seven.

Keywords: the concept of “Study”, associative experiment, a thematic group, a concept-forming feature, a field model of a concept.

For citation: Penyagina E. B., Liu Shushuai. Analysis of the content and structure of the concept of “study” according to experimental data. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2024;16:49-56. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-49-56>

Введение

Учеба, как неотъемлемая часть человеческой жизни, плотно входит в круг тех действий, которые человек выполняет на протяжении долгого времени. Она занимает значительное место, так как влияет и на другие сферы жизни человека: работу, карьеру, положение в обществе, интересы и др. Важность данного явления понимают все члены общества. В России и Китае образование, получение знаний являются важной частью жизни всей нации. Знания – это ценность. Различия культур России и Китая опираются на разный менталитет, религию, воспитание. Учеба как культурный феномен обладает рядом национальных черт. Моделирование содержания и структуры концепта УЧЕБА по экспериментальным данным китайских и российских молодых информантов и сопоставительный анализ полевых моделей концепта может показать специфику когнитивных признаков, образующих содержание концепта.

Необходимо сказать, что концепт мы понимаем как сложное ментальное образование – совокупность знаний и представлений о фрагменте мира, предмете или явлении реальной действительности, обладающая ценностными характеристиками для конкретной языковой личности и коллективного сознания в целом, то есть отражающая национальную и социокультурную специфику видения мира носителем языка [Антология концептов 2005; Воркачев 2004; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Карасик 2009; Слышкин 2000; Карасик, Слышкин 2000 и др.].

Основная часть

Проведение ассоциативного эксперимента

Данные получены в ходе ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 80 информантов. Эксперимент был проведен в феврале 2024 года. Информантам предлагалось написать 5 ассоциаций на стимул «учеба». Информантами явились отдельные группы людей, объединенные на основании социальных характеристик: студенты и аспиранты гуманитарных факультетов Пермского государственного национального исследовательского университета. По 20 юношей и девушек носителей китайского и русского языков. Общее количество информантов составило 80 человек (40 юношей и 40 девушек), возраст информантов – от 18 до 23 лет). В ходе эксперимента не было получено отказов. Материал для анализа составил 80 анкет. 40 информантов являются гражданами Российской Федерации и представителями русской нации (родились и выросли в России, русский – их родной язык). 40 информантов – граждане Китая, носители китайского языка, изучающие русский язык. Таким образом, выборка информантов сбалансирована по национальности, специальности, возрасту и гендеру. Всего получено и проанализировано 400 реакций (по 5 реакций от каждого информанта на стимул «учеба»).

Концепт «УЧЕБА» по экспериментальным данным китайцев, изучающих РКИ

В результате эксперимента получено 200 реакций от 40 информантов. Сгруппируем реакции по тематическим группам. Методика работы с тематическими группами подробно описана нами ранее [Пенягина 2020]. Полученные реакции образуют 10 тематических групп: «Результаты, блага», «Действия, серьёзная работа», «Отрицательная характеристика», «Атрибуты процесса», «Люди», «Инструменты», «Положительные эмоции», «Время», «Место», «Учебные предметы». Представим данные в табл. 1. Таблица представляет иерархию тематических групп по количественным показателям. На первом месте по количеству реакций стоит тематическая группа «Результаты, блага» – 50 реакции. Эту группу представляют ассоциации, называющие материальные и духовные блага жизни, получаемые образованным человеком. На втором месте находится группа «Действия, серьёзная работа» – 46 реакции. Эта группа включает ассоциации, называющие разные действия ученика и преподавателя, совершаемые в процессе обучения.

Таблица 1. Тематические группы реакций китайских студентов на стимул УЧЕБА (абс.)

Тематическая группа	Количество реакций
Результаты, блага	50
Действия, серьёзная работа	46
Отрицательная характеристика	23
Атрибуты процесса	19
Люди	13
Инструменты	11
Положительные эмоции	10
Время	10
Место	10
Учебные предметы	8

На третьем месте находится группа «Отрицательная характеристика», содержащая 23 реакции, которые называют негативные эмоции, трудности учебы. Далее следует группа «Атрибуты процесса» – 19 реакций, включающая названия видов занятий, необходимых вещей. Следующая группа «Люди», состоящая из 13 реакций, называющая участников образовательного процесса. Затем следует группа «Инструменты» – 11 реакций. Эту группу представляют ассоциации, называющие предметы необходимые для учебного процесса. Далее следует группа «Положительные эмоции» – 10 реакций, называющих положительные качества и состояния человека. Группа «Время», содержащая 4 реакции, представляет собой названия периодов и длительности процесса учебы. Следующая группа «Место» также включает 10 ассоциаций. Последняя группа «Учебные предметы», включающая 8 реакций, которые называют учебные дисциплины.

Представим тематические группы в виде полевой структуры, состоящей из ядра, предъядерной зоны, ближней периферии и дальней периферии. Количество реакций в каждой тематической группе определено процентным показателем (Рис. 1).

Ядро полевой структуры концепта УЧЕБА представляют две группы: «Результаты, блага», составляющая 25 % от общего количества реакций, и группа «Результаты, блага», составляющая 23 %. Две группы имеют примерно одинаковое количество реакций, что в целом показывает важность этих когнитивных признаков концепта в групповом сознании китайских студентов, изучающих РКИ. Также необходимо отметить, что ядро концепта ярко выражено, имеет высокий процентный показатель. Следовательно, в данных группах «Результаты, блага» и «Действия, серьёзная работа» отражаются яркие концептообразующие признаки. Предъядерную зону составляют 2 группы: «Отрицательная характеристика», составляющая 11,5 % от общего количества реакций, и группа «Атрибуты процесса», составляющая 9,5 %. Ближнюю периферию составляют 2 группы: «Люди» – 6,5 % и «Инструменты» – 5,5 %. Дальнюю периферию образуют 4 группы: группа «Положительные эмоции» – 5 %, группа «Время» – 5 %, группа «Место» – 5 % и группа «Учебные предметы» – 4 %.

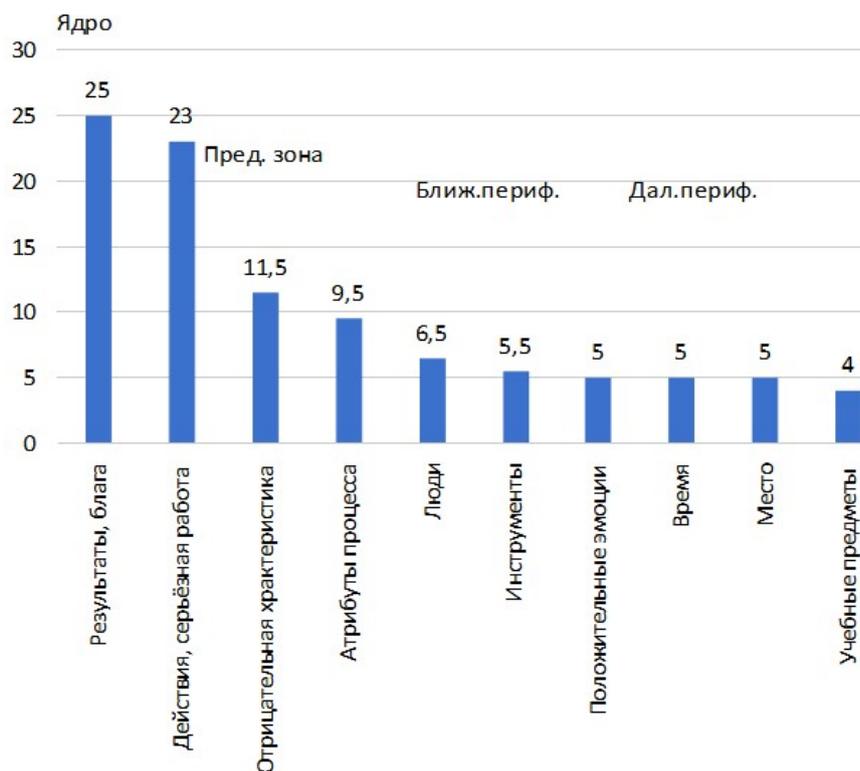

Рисунок 1. Полевая модель концепта УЧЕБА по экспериментальным данным китайских студентов (%)

Необходимо отметить, что процентные показатели периферийных признаков концепта примерно одинаковы, то есть данные когнитивные признаки концепта УЧЕБА равноценны для молодых китайских людей. Проанализировав данные в группе китайских студентов, перейдем к анализу ассоциаций на стимул УЧЕБА в группе русских студентов.

Концепт «УЧЕБА» по экспериментальным данным российских студентов

В результате эксперимента получено 200 реакций от 40 информантов. Сгруппируем реакции по тематическим группам. Полученные реакции образуют 10 тематических групп: «Результаты, блага», «Атрибуты процесса», «Действия, серьёзная работа», «Инструменты», «Люди», «Положительные эмоции», «Время», «Отрицательная характеристика», «Место», «Еда». Представим данные в табл. 2. Таблица представляет иерархию тематических групп по количественным показателям.

Таблица 2. Тематические группы реакций российских студентов на стимул УЧЕБА (абс.)

Тематическая группа	Количество реакций
Результаты, блага	61
Атрибуты процесса	25
Действия, серьёзная работа	23
Инструменты	20
Люди	19
Положительные эмоции	16
Время	14
Отрицательная характеристика	10
Место	9
Еда	3

На первом месте по количеству реакций стоит тематическая группа «Результаты, блага» – 61 реакция. Эту группу представляют ассоциации, называющие материальные и духовные блага жизни, получаемые образованным человеком. На втором месте находится

группа «Атрибуты процесса» – 25 реакций, включающая названия видов занятий, необходимых вещей. Далее следует группа «Действия, серьезная работа» – 23 реакции. Эта группа включает ассоциации, называющие разные действия ученика и преподавателя, совершаемые в процессе обучения.

На четвертом месте находится группа «Инструменты» – 11 реакций. Эту группу представляют ассоциации, называющие предметы необходимые для учебного процесса. Следующая группа «Люди», состоящая из 19 реакций, называющая участников образовательного процесса. Далее следует группа «Положительные эмоции» – 16 реакций, называющих положительные качества и состояния человека. Группа «Время», содержащая 14 реакций, представляет собой названия периодов и длительности процесса учебы. Затем следует группа «Отрицательная характеристика», содержащая 10 реакции, которые называют негативные эмоции, трудности учебы. Следующая группа «Место» включает 9 ассоциаций. Последняя группа «Еда» включает 3 реакции.

Представим тематические группы в виде полевой структуры, состоящей из ядра, предъядерной зоны, ближней периферии и дальней периферии. Количество реакций в каждой тематической группе определено процентным показателем (Рис. 2).

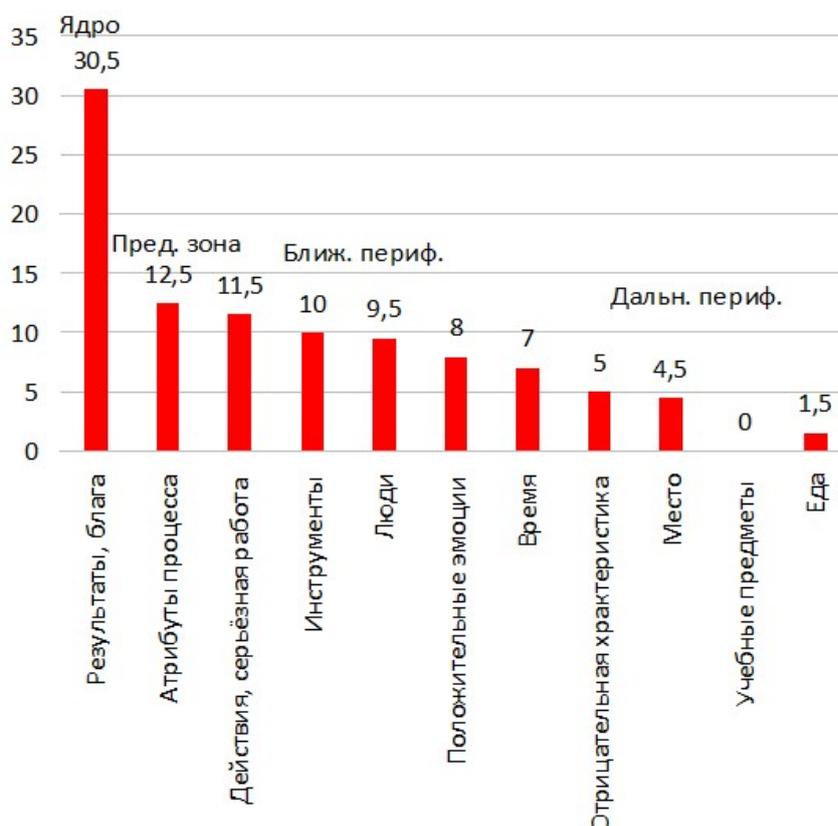

Рисунок 2. Полевая модель концепта УЧЕБА по экспериментальным данным российских студентов (%)

Ядро полевой структуры концепта УЧЕБА представляет группа: «Результаты, блага», составляющая 30,5 % от общего количества реакций. Ядро ярко выражено, имеет высокий процентный показатель, намного превышающий показатели других зон поля концепта.

Предъядерную зону составляют 2 группы; «Атрибуты процесса», составляющая 12,5 % от общего количества реакций, и группа «Действия, серьезная работа», составляющая 11,5 %. Две группы имеют примерно одинаковое количество реакций, что в целом показывает важность данных когнитивных признаков концепта, отражающихся в групповом сознании русских студентов.

Ближнюю периферию составляют 4 группы: «Инструменты» – 10 %, «Люди» – 9,5 %, «Положительные эмоции» – 8 % и группа «Время» – 7 %.

Дальнюю периферию образуют 3 группы: группа «Отрицательная характеристика» – 5 %, группа «Место» – 5 % и группа «Еда» – 3 %.

Необходимо отметить, что процентные показатели периферийных признаков концепта примерно одинаковы, то есть данные когнитивные признаки концепта УЧЕБА равноценны для молодых русских людей.

Сравнительный анализ экспериментальных данных

Результаты когнитивного анализа данных эксперимента позволяют сделать следующие выводы.

1. Выявлены содержание и структура концепта УЧЕБА в групповом сознании китайских и русских студентов, построены 2 полевые модели содержания и структуры исследуемого концепта.

2. Полевая структура концепта УЧЕБА у каждой группы информантов представлена ядром, предъядерной зоной, ближней периферией и дальней периферией. Состав концептообразующих признаков у информантов разных групп примерно одинаков, но признаки имеют разный вес в полевой структуре концепта в зависимости от национальности информантов.

3. Сопоставление веса ядра в полевой структуре концепта УЧЕБА в группах китайцев и русских показывает, что наибольший вес ядра 48 % отмечается в группе китайских студентов; вес ядра в группе русских студентов – 30,5 %.

4. Общим концептообразующим ядерным признаком концепта УЧЕБА у информантов разных групп выявлена тематическая группа «Результаты, блага».

5. Предъядерная зона концепта УЧЕБА представлена двумя признаками, общим признаком концепта является группа «Атрибуты процесса», отличия составляют у китайских студентов признак «Отрицательная характеристика», у русских – «Действия, серьезная работа».

6. И дальняя, и ближняя периферия у исследуемых групп концепта УЧЕБА достаточно обширна и представлена у китайцев шестью концептообразующими когнитивными признаками, у русских – семью.

7. Рассмотрим соотношение признаков концепта УЧЕБА в разных группах информантов. Поскольку в диаграмме мы распределили специальности в алфавитном порядке, эталонной явилась группа китайских студентов (Рис. 3). Как отмечалось выше, признак «Результаты, блага» составляет ядро содержания и структуры концепта УЧЕБА у китайских и русских информантов. Самыми частотными ассоциациями у китайцев и русских являются: *знание(я)* – 11 / 17 (число ассоциаций расположено в следующем порядке: китайцы / русские). Знания – это результат учебной деятельности для всех информантов, не зависимо от национальности. Остальные частотные реакции у китайских и русских студентов различны. Так китайские информанты называют: *взросление 5, путь 3, прогресс 3, свобода 3*. Русские информанты приводят другие реакции: *развитие 7, общение 5, опыт 5, образование 3, работа 3, стипендия 3*. Для всех молодых людей УЧЕБА – это прежде всего *знания, образование*, но результаты процесса у разных групп различны. Китайские студенты в большей степени прагматичны, они приводят реакции, отражающие будущие материальные и иные блага, которые даст хорошее образование. На это указывают единичные реакции: *будущее, богатство, выгода, деньги, доход, накопление, мечтать, свобода 3, сила, счастье, успех 2, удача и т. д.* Реакции русских информантов указывают на менее прагматичный взгляд: *саморазвитие, творчество, успех, уверенность, профессия, возможность, свет 2, кругозор, информация 2, жизнь 2, диплом, диссертация и т. д.* Возможно, русские студенты рассматривают учебу, образование как расширение кругозора, интересное занятие, получение знаний для саморазвития, творчества. Реакции, отражающие материальные ценности, отсутствуют (только *стипендия*).

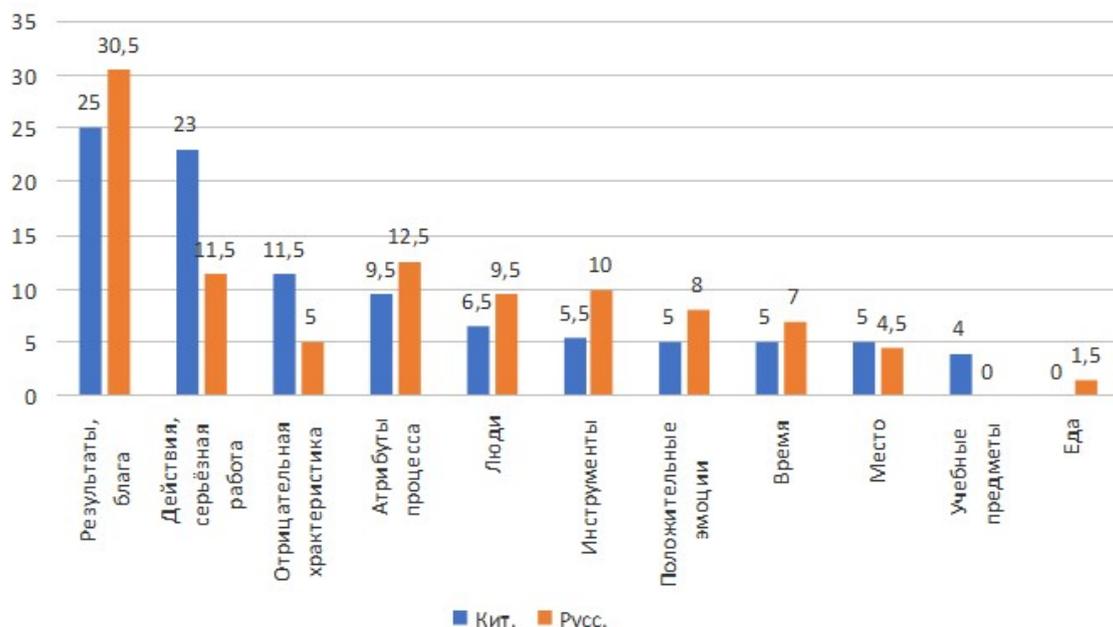

Рисунок 3. Полевая модель концепта УЧЕБА по экспериментальным данным китайских и русских студентов (%)

8. Рассмотрим группы «Отрицательная характеристика» и «Положительные эмоции». Группа «Отрицательная характеристика» входит у китайских информантов в предьядерную зону и составляет 11,5 %, а у русских студентов в зону дальней периферии концепта и составляет 5 % от общего числа реакции. У китайцев самыми частотными реакциями являются: *трудность 10, скучный 3, не нравится 2*; единичные реакции: *грустный, давление, сложно, тяжелый, усталый и т. д.* Реакции русских информантов: *лень 2, усталость 2, стресс, бессонница, неуверенность, скучно, боль, мучения.*

Как показывают данные эксперимента, УЧЕБА для китайских студентов – это тяжелый труд, не всегда веселый и интересный. Это подтверждают примеры реакций группы «Положительные эмоции», у китайцев – 5 %, у русских – 8 %. Возможно, студенты из России относятся к учебе не так серьезно и ответственно, как молодые люди из Китая.

9. Группы «Атрибуты процесса», «Инструменты», «Люди», «Место» не представляют больших различий, имеют схожие реакции у китайских и русских информантов. Возможно, данные признаки концепта менее зависимы от особенностей национальных культур.

10. Наиболее частотными реакциями всех информантов являются: *знания (кит. – 10, русск. – 17), университет (кит. – 7, русск. – 7), преподаватель (кит. – 7, русск. – 6)*. У китайских студентов: *усилие 10, трудность 10, экзамен 9*. У русских студентов: *труд 10, развитие 7*.

11. Результаты анализа данных эксперимента не позволяют говорить о каком-либо влиянии русского языка на отражение концепта УЧЕБА в языковом сознании китайских студентов и аспирантов. Возможно, это задача для последующего исследования.

Заключение

В результате когнитивного анализа экспериментальных данных, отражающих сознание, построено 2 полевые модели структуры и содержания исследуемого концепта в двух группах информантов китайских и русских студентов. Сопоставительный анализ полевых моделей показал специфику когнитивных признаков, образующих содержание концепта УЧЕБА, так, общим концептообразующим ядерным признаком концепта УЧЕБА у информантов выявлена тематическая группа «Результаты, блага». Таким образом, анализ экспериментальных данных показал, что УЧЕБА играет важнейшую роль в жизни и культуре и русских, и китайцев. Обучение нужно начинать с самого детства, учиться и познавать новое необходимо всю жизнь, что в итоге ведет к самосовершенствованию человека, к гармонии и успешности.

Список литературы

1. Антология концептов: в 2 т. / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. 347 с. Т. 2. 355 с.
2. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2004. 192 с.
3. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
4. Карасик В. И. Языковые ключи. М. : Гнозис, 2009. 406 с.
5. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. Воронеж : Изд-во «Воронежский государственный университет», 2001. С. 75–80.
6. Пенягина Е. Б. Вариативность концепта «здоровье»: лингвистическое и когнитивное исследование // Социо- и психолингвистические исследования. 2020. Вып. 8. С. 156–160.
7. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Academia, 2000. 128 с.

References

1. Antologiya kontseptov [Anthology of concepts]. in 2 vol., Ed. by V. I. Karasik, I. A. Sternin. Volgograd, Paradigma, 2005, vol. 1, 347 p, vol. 2, 355 p. (In Russ.).
2. Vorkachev S. G. Schast'e kak lingvokul'turnyy kontsept [Happiness as a linguacultural concept]. Moscow, Gnozis, 2004, 192 p. (In Russ.).
3. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira [Key ideas of the Russian linguistic picture of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005, 544 p. (In Russ.).
4. Karasik V. I. Yazykovye klyuchi [Language keys]. Moscow, Gnozis, 2009, 406 p. (In Russ.).
5. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Lingvokul'turnyy kontsept kak edinita issledovaniya [Linguocultural concept as a unit of research]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Ed. by I. A. Sternin, Voronezh, Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, 2001, pp. 75-80. (In Russ.).
6. Penyagina E. B. Variativnost' kontsepta «zdorov'e»: lingvisticheskoe i kognitivnoe issledovanie [Variability of the concept of “health”: a linguistic and cognitive study]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic research]. 2020, iss. 8, pp. 156-160. (In Russ.).
7. Slyshkin G. G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse [From Text to Symbol: Linguocultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse]. Moscow, Academia, 2000, 128 c. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. Б. Пенягина – кандидат филологических наук, кафедра теоретического и прикладного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Лю Шушуйай – аспирант, кафедра теоретического и прикладного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about authors

E. B. Penyagina – Ph. D. (Philology), Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University;

Liu Shushuai – Graduate Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024; одобрена после рецензирования 25.07.2024; принята к публикации 10.08.2024.

The article was submitted 05.07.2024; approved after reviewing 25.07.2024; accepted for publication 10.08.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 57–63.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 16. P. 57-63.

Научная статья

УДК 811.133.1'36

doi: 10.24412/2713-0231-2024-16-57-63

СИНКРЕТИЗМ ТАКСИСНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАРОФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Людмила Анатольевна Красноборова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
lokr@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается таксис как функционально-семантическая категория. Разные подходы к изучению таксиса не исключают друг друга, а позволяют выделить ключевые признаки, отличающие его от других категорий. Исследователями таксис понимается как хронологическое соотношение действий в рамках полипредикативного комплекса, в которых реализуются различные значения: временные, уступительные и др. Таксис рассматривается как категория, которая формирует свое функционально-семантическое поле и основывается на взаимодействии семантических элементов разных уровней: морфологического, лексико-грамматического, синтаксического. Отделить таксис от других смежных категорий позволяют важные условия – единство временного плана и целостность временного периода, а также соотнесение во времени референциально однотипных элементарных ситуаций. Исследователи изучают как независимый, так и зависимый таксис. Последний может получать своё выражение в виде девербативов (отглагольных имен существительных), причастных конструкций, деепричастных (герундиальных) конструкций, инфинитивов, вводимых предложениями. В данной статье рассматриваются случаи реализации зависимого таксиса на материале романов средневековых авторов на старофранцузском языке, в частности изучается способность этих средств проявлять синкретизм. В поле внимания оказываются девербативы, вводимые предложениями, и герундиальные конструкции, которые способны реализовывать в своей форме одновременно несколько значений. Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что предложные девербативы реализуют не только временную характеристику одновременности второстепенного действия по отношению к главному действию, выраженному глаголом-сказуемым в личной форме, но и значение пространственной локализованности действия, указывая на некоторое количество участников ситуации. Герундий же обладает способностью выражать не только таксисно-временную характеристику одновременности, но и проявлять семантическую категорию инструментальности, реализуя значение непредметной инструментальности, то есть указание на способ действия.

Ключевые слова: функциональная грамматика, таксис, синкретизм, средства вторичной предикации, девербатив, герундий.

Для цитирования: Красноборова Л. А. Синкретизм таксисных конструкций (на материале старофранцузского языка) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 57–63. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-57-63>

Original article

SYNCRETISM OF TAXIS CONSTRUCTIONS (BASED ON THE MATERIAL OF THE OLD FRENCH LANGUAGE)

Ludmila A. Krasnoborova

Perm State University, Perm, Russia, lokr@yandex.ru

Abstract. The article considers taxis as a functional-semantic category. Different approaches to the study of taxis do not exclude each other, but allow us to highlight the key features that distinguish it from other categories. It is understood as a chronological correlation of actions within a polypredicative complex, in which various meanings are realized: temporal, concessive and others. Taxis is considered as a category that forms its own functional-semantic field and is based on the interaction of semantic elements of different levels: morphological, lexico-grammatical, syntactic. Important conditions, such as the unity of the temporal plan and the integrity of the temporal period, as well as the correlation of referentially identical elementary situations in time, allow us to distinguish taxis from other related categories. Researchers study both independent and dependent taxis. The latter can be expressed in the form of deverbatives (verbal nouns), participial constructions, deuteronomistic (gerundial) constructions, infinitives introduced by prepositions. This article examines the cases of realization of dependent taxis on the material of novels of medieval authors in Old French, in particular, the ability of these means to manifest syncretism is studied. In the field of attention are deverbatives introduced by prepositions and gerundial constructions, which are able to realize in their form several meanings simultaneously. The analysis of the material allows us to conclude that the prepositional deverbatives realize not only the temporal characteristic of simultaneity of the secondary action in relation to the main action expressed by the verb-noun in the personal form, but also the meaning of spatial localization of the action, indicating a certain number of participants in the situation. The gerund has the ability to express not only the taxis-temporal characteristic of simultaneity, but also to manifest the semantic category of instrumentality, realizing the meaning of non-object instrumentality, i.e. the indication of the method of action.

Keywords: functional grammar, taxis, syncretism, means of secondary predication, deverbative, gerund.

For citation: Красноборова Л. А. Синкретизм таксисных конструкций (на материале старонормандского французского языка). *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2024;16:57-63. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-57-63>

Введение

Термин «таксис» происходит от греческого слова «построение, порядок, расположение»). Термин был введен Р. О. Якобсоном в его статье «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» (1957 г.) Суть этого термина в трактовке ученого сводится к следующей формулировке: «...таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [Якобсон 1972: 101]. Якобсон выделяет два типа таксиса: зависимый и независимый. Зависимый таксис выражает различные типы отношений к независимому глаголу – одновременность, предшествование, прерывание, уступительную связь и т. п. Что касается независимого таксиса, применительно к нивхскому языку, он определен ученым как форма, выражающая различные типы отношений к независимому глаголу – временное значение, уступительное и др.

О таксисе как о хронологическом соотношении действий «одновременность – предшествование – следование» говорил Ю. С. Маслов, который занимался изучением аспектуальности. Ученый называет таксис одной из грамматических категорий глагола наряду с видом и временем и приводит следующее его определение: «Таксис – категория, характеризующая ‘действие’, обозначенное предикатом, с точки зрения его соотношения с другим упоминаемым в данном высказывании или подразумеваемым ‘действием’, причем имеется в виду хронологическое соотношение (одновременность – предшествование – следование), но также и противопоставление второстепенного ‘действия’ главному» [Маслов 1983: 41–42].

Учение о таксисе наиболее полно и последовательно развивает А. В. Бондарко в своем фундаментальном труде «Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени». В нем ученый анализирует категории темпоральности, таксиса, аспектуальности, временной локализованности и временного порядка, которые формируют функционально-семантическое поле. Это функционально-семантическое поле рассматривается как «языковое представление соответствующих семантических категорий в упорядоченном множестве *разноуровневых* языковых средств и их функций» [Бондарко 1999: 6]. Ученый указывает на ряд ограничений для сферы таксисных отношений: «Необходимым условием для констатации таксисного отношения является *единство временного плана, целостность временного периода*» [Бондарко 1999: 100]. Еще одно

ограничение при определении понятия таксиса связано «с рамками *полипредикативных конструкций*. Таксисные отношения выражаются в высказываниях, представляющих собой речевую реализацию предложения или сверхфразового единства (сложного синтаксического целого)» [Бондарко 1999: 102].

В. С. Храковский считает «целесообразным характеризовать таксис как функционально-семантическую категорию, которая реализуется в бипропозитивных (и шире полипропозитивных) конструкциях, где различными грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность / неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P1 относительно другой ситуации P2, чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т. е. независимо от какой-либо еще ситуации Pn [Храковский 2009: 20].

С. М. Полянский, описывая функционально-семантическую категорию таксиса на материале немецкого языка, подчеркивает необходимость дифференциации понятий «таксис» и «относительное время». Это представляется важным, поскольку в противном случае в одном ряду с таксисными высказываниями оказались бы те, которые представляют собой синтаксически сложные предложения, содержащие в главной части предикат, который «отражает то или иное субъективное отношение говорящего к содержанию, передаваемому пропозицией (диктумом)» [Полянский 1990: 28]. Опираясь на понятия «модус» и «диктум», введенными в лингвистику Ш. Балли (Балли 1955), исследователь раскрывает мысль о том, что некоторые высказывания, имеющие структуру, формально сходную со структурой таксисного высказывания, тем не менее, отличаются от последнего. Дело в том, что в главном предложении они содержат предикаты ментальной, перцептивной деятельности или предикаты речи, которые обладают валентностной «способностью присоединять в качестве объектного актанта целую пропозицию (оформляемую как придаточное дополнительное предложение, объективный инфинитив или событийное существительное)» [Полянский 1990: 29]. Равным образом сочетания «*accusativus cum infinitivo*» не могут быть рассматриваемыми как выражающие таксисные отношения. Исследуя таксис в немецком языке, С. М. Полянский заключает: «собственно таксисные отношения формируются только в его диктумной части», поскольку «таксис предполагает соотнесение во времени референциально однотипных элементарных ситуаций», тогда как «относительное время в указанном смысле – ситуаций референциально разнотипных» [Полянский 1990: 29].

Основная часть

Исследователи изучают как независимый, так и зависимый таксис. Если речь идет о зависимом таксисе, то он может получать своё выражение в разных языковых формах – в виде а) девербативов (отглагольных имен существительных), б) причастных конструкций, в) деепричастных (герундиальных) конструкций, г) инфинитивов, вводимых предлогами, выражающими разновременные таксисные отношения.

В данной статье рассматриваются случаи реализации зависимого таксиса на материале романов средневековых авторов на старофранцузском языке. Средствами выражения зависимого таксиса в старофранцузском языке выступают единицы разной частеречевой принадлежности, в частности субстантивированные инфинитивы, вводимые предлогами, предложные девербативы и герундиальные конструкции. Поскольку в статье изучается способность некоторых из этих средств проявлять синкретизм, то в поле внимания оказываются только девербативы, вводимые предлогами, и герундиальные конструкции. Именно они способны реализовывать в своей форме одновременно несколько значений. Рассмотрим случаи употребления этих языковых единиц в данной функции.

Девербатив в подавляющем большинстве случаев употребляется с предлогом *a*: *Et s'ert cil, trestout vraiment, / Qu'il autre jour, au parlement, / La parole des Griex moustra (Cléom., 8717-8719). 'И это был точно тот человек, / Который на днях, во время переговоров, / Выступил от имени греков'.*

Del pooir del cors a il bien este esprove, car il ne fu onques mes entre tant de gent come il a este a cest tornoiement (Queste, p.141, 21-22). ‘Он испытал страх за себя, так как он никогда раньше не был окружен столькими людьми, как это было во время этого сражения’.

Tuit cil par selonc / Plorent a cel departement (L’escoufle, 8054-8055). ‘Все те / Плачут во время того расставания’.

...et li Grieu lor tornerent les dos; si furent desconfit a la premiere assemblee (Vill., Conquête, XXVIII, 140). ‘...и греки обратились в бегство, они были разбиты при первом нападении’.

Li quens pleure a la desevrance / De pitie pour ce qu’il la laist (L’escoufle, 8356-8357). ‘Князь плачет при расставании / От жалости, потому что оставляет ее’.

Следует указать на многозначность предлога **a**, который в приводимых контекстах реализует временное значение. Свое происхождение эта служебная часть речи ведет от латинского предлога *ad* и впервые зафиксирована в текстах, датируемых X веком. Толковый словарь французского языка Le Petit Robert дает следующее определение этого предлога: “position dans le temps” ‘фиксация во времени’ [Robert 2007: 1]. В старофранцузском языке предлог **a** образовывал слитные формы с определенным артиклем мужского рода – *al*, *au* [Сабанеева, Щерба 1990: 32].

Анализ материала показывает, что девербативы с предлогом **a** выражают таксисное значение одновременности, указывая на действие второстепенное, осуществляемое одновременно с главным действием, выраженным глаголом-сказуемым. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что предложные девербативы в функции обстоятельства времени чаще всего принадлежат к определенным лексическим группам. Они обозначают действия, подразумевающие участие множества субъектов, например *au tornoiement* (*al tornoi*) ‘во время турнира’, и одновременно указание на локализацию действия – на место, где проводится турнир и в котором принимают участие множество рыцарей. Аналогичным образом следующие единицы синкретично сообщают как о временном аспекте (одновременность по отношению к главному действию), так и о пространственных параметрах события, о котором идет речь в произведении: *al parlement* ‘во время обсуждения, беседы, переговоров’, *a l’assamblee* ‘во время сражения’, *au departement* (*al departie*) ‘во время расставания’, *al coronement* ‘во время коронования’, *au jugement* ‘во время суда, судебного разбирательства’, *a la rescosse* ‘во время освобождения’. Как показывает материал, девербатив, вводимый предлогом **a**, выражает не только второстепенное действие, осуществляемое параллельно с главным, но и имплицитно сообщает о пространстве, в котором находятся участники действия. Поэтому есть основание утверждать, что предложное имя действия синкретично выражает не только таксисное значение одновременности, но и указывает при этом на место осуществления второстепенного действия.

Рассмотрим случаи употребления другого средства вторичной предикации – герундия. Эта неличная форма глагола обозначает второстепенное действие, подчиненное основному, выраженному глаголом-сказуемым [Brunot et Bruneau 1949: 388]. Герундий имеет отличительный формант **en**, который, как правило, всегда сопровождает эту форму и представляет собой в данном случае предлог, впервые зафиксированный в текстах X века и берущий свое начало от латинского предлога *in* “dans, sur” ‘в, на’. Словарь Le Petit Robert дает следующее определение этого предлога: “préposition marquant en général la position à l’intérieur de limites spatiales, temporelles ou notionnelles” ‘предлог, обычно обозначающий положение, нахождение внутри границ пространственных, временных или понятийных’ [Robert, 2007 с. 858]. Употребление герундия с предлогом **en** ярко выражает таксисное значение одновременности: (1) *Et la commençai a tirer / Et en tyrant a soupirer* (Rose, 1711-1712). ‘И начал ее [стрелу] извлекать, / И извлекая, – вздыхать’.

Будучи неличной глагольной формой, герундий способен реализовывать валентностные связи глагола, образуя герундиальный оборот с зависимыми компонентами: (2) *La longe nuit degasta toute / En penser et en recordant / Les paroles, le douc samblant / De la plus preus, de la plus france* (L’escoufle, 3176-3179). ‘Всю долгую ночь провел / Думая и вспоминая / О речах и о нежном облике / Самой достойной, самой благородной’.

Выражение одновременности, параллелизма действия с другим действием является первичной функцией герундия. Он передает в сокращенном виде самостоятельное придаточное предложение с временным значением: (3) *Li fromages li gist devant; / il leva sus en sozlevant, / le pie tant avant dont il cloche* (Renart, 5651-5653). ‘Сыр лежал перед ним, / он встал, приподнимаясь, / вытягивает сильно вперед ногу, на которую он хромал’.

(4) *Sa mere et ses serours conta / Cleomades comment il a / Ale par maint divers pays / En requerant cele tous dis / Que Diex li a ore rendue* (Cléom., 15109-15113). ‘Рассказал Клеомадес своим матери и сестрам, как он прошел через многие разные страны, спрашивая постоянно о той, которую Господь сейчас вернул ему’.

(5) *En tornant descent contrevail* (Renart, XI, 12809). ‘Повернув в сторону, спускается по склону’.

Однако, как видно из материала, оборот *en* + герундий также обнаруживает синкретизм: помимо выражения одновременности действий, имплицитно содержит указание на образ осуществления основного действия. Укажем, что в герундиальном обороте отсутствуют специфические средства дифференциации логических отношений [Гак 2000: 197; Brunot et Bruneau 1949: 389; Gamillscheg 1957: 447].

Итак, помимо временного значения, герундий в таких контекстах актуализирует инструментальное значение. С. В. Шустова указывает, что при этом «инструментом могут являться различные ресурсы – физические предметы, речь, состояния, действия, информация и другие» [Шустова 2023: 51]. Автор указывает: «Инструментальность как семантическая категория функциональной грамматики может быть представлена разноуровневыми языковыми средствами, в том числе в рамках синкретичных или инкорпорантных комплексов» [там же с. 49]. Исследователь дифференцирует опредмеченный и неопредмеченный способы осуществления действия. «Предметная инструментальность предполагает наличие материального инструмента (средства), а непредметная (способ) подразумевает употребление действия-способа» [там же: 51].

Если рассматривать представленные случаи употребления герундиальных форм, станет очевидно, что они выражают разные аспекты инструментальности. Так, в первом контексте (1) реализуется значение предметной инструментальности: *извлекая [стрелу]*. Однако анализ материала показывает, что более частотно проявляется значение непредметной инструментальности, т. е. указание на способ действия.

(2) *La longe nuit degasta toute [...] en recordant / Les paroles, le douç samblant / De la plus preus, de la plus france*. В данном случае инструментальность проявляется в действии ментальном, выраженном глаголом *recorder* ‘вспоминать’.

(3) *il leva sus en sozlevant* ‘он встал, приподнимаясь’: второстепенное действие представляет собой действие физическое, которое выполняет персонаж произведения.

(4) [...] *conta / Cleomades comment il a / Ale par maint divers pays / En requerant cele tous dis*... ‘Рассказал Клеомадес, как он *прошел* через многие разные страны, спрашивая постоянно о той, ...: герундий сообщает о речевом действии.

(5) *En tornant descent contrevail* ‘Повернув в сторону, *спускается* по склону’: в этом контексте значение инструментальности реализуется через физическое действие, которое связано с изменением положения в пространстве.

Показательно, что герундий обнаруживает частотность употребления, когда речь идет о проявлении внутреннего эмоционального состояния человека, т. е. обычного физического действия, например, *en riant* ‘смеясь’, *en plorant* ‘плача’, *en lermoiant* ‘проливая слезы’, *en soupirant* ‘вздыхая’, *en tremblant* ‘дрожа’. Герундиальные формы глаголов, указывающих на внутреннее эмоциональное состояние субъекта действия, соотносятся в подавляющем большинстве случаев с глаголами говорения, указывающими на главное действие: *apeler* ‘звать (кого-л.)’, *dire* ‘сказать’, *escrier* ‘воскликнуть’, *faire la priere* ‘молиться’, *huchier* ‘оглашать, заявлять’, *pardoner* ‘прощать, извинять’, *prendre congie* ‘прощаться (с кем-л.)’, *prier* ‘произносить молитву’, *reconforter* ‘успокаивать’, *requerre* ‘требовать, просить’,

responder ‘отвечать’, saluer ‘приветствовать’, se dementer ‘жаловаться’ или с глаголами, синонимичными глаголу dire ‘сказать’: fere ‘делать (= говорить)’, commencer (commencier a dire) ‘начать (начать говорить)’:

Lietart ... li respont basset en tremblant (Renart, X, 9930,9932). ‘Лиетар ... *отвечает* ему тихо, *дрожа*’.

En lermoiant respondu a / Durbans que ainsi le fera (Cléom., 12037-12038). ‘*Проливая слезы, ответил* / Дюрбан, что так это сделает’.

En plorant chascun et chascune / **Commande** par son nom a Deu (Rose, 4076-4077). *Плача, каждый / Обращается с молитвой к Богу* с ее именем’.

En riant li dit Jouglez lors, / Qui ert sages et apensez (Rose, 822-823). ‘*Смеясь, говорит* ему тогда Жуглет, / Который был умным и рассудительным’.

Заключение

Рассмотрение предложных девербативов и герундиальных форм в старофранцузском языке в качестве средств зависимого таксиса, показывает, что эти единицы вторичной предикации способны синкретично выражать несколько значений. Предложные девербативы реализуют не только временную характеристику одновременности второстепенного действия по отношению к главному действию, выраженному глаголом-сказуемым в личной форме, но и значение пространственной локализованности действия, указывая на некоторое количество участников ситуации.

Герундий же обладает способностью выражать не только таксисно-временную характеристику одновременности, но и проявлять семантическую категорию инструментальности, реализуя значение непредметной инструментальности, то есть указание на способ действия. Отметим также, что герундий проявляет способность к описанию эмоциональных реакций субъекта. На этом основании можно сделать вывод о том, что, участвуя в передаче внутреннего состояния, в описании эмоциональных переживаний героев, герундий словно замедляет, приостанавливает ход развития событий в тексте.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Иностранная литература, 1955. 416 с.
2. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб. : Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 1999. 256 с.
3. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М. : Добросвет, 2000. 832 с.
4. Маслов Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций. Л. : Наука. 1983. С. 41–54.
5. Полянский С. М. Основы функционально-семантического анализа таксиса (на материале немецкого языка): учебное пособие к спецкурсу. Новосибирск : Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 1990. 90 с.
6. Сабанеева М. К., Щерба Г. М. Историческая грамматика французского языка. Л.: Изд-во «Ленинградский университет», 1990. 272 с.
7. Храковский В. С. Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций. Отв. ред. В. С. Храковский. М. : Знак, 2009. 912 с.
8. Шустова С. В. Инструментальность в семантическом потенциале глаголов русского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 49–61.
9. Якобсон Р. О. Шифтеры, грамматические категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / Отв. ред. О. Г. Ревзина. М. : Наука, 1972. С. 95–113.
10. Brunot F. et Bruneau Ch. Précis de grammaire historique de la langue française. Paris : Masson, 1949. XXXVIII, 643 p.
11. Gamillscheg E. Historische Französische Syntax. Tübingen : Niemeyer, 1957. VIII, 828 p.
12. Robert P. Le Nouveau Petit Robert. Texte remanié et amplifié sous la direction de J. Rey-Debove et A. Rey. Paris : Le Robert, 2007. 2837 p.

**Список сокращений названий использованных памятников
старофранцузского языка**

1. Cléom. – Adenet le Roi. Cléomadès. Bruxelles, Paris, 1963.
2. L'escoufle – L'escoufle, roman d'aventure. Paris, 1894.
3. Queste – La queste del Saint Graal. Paris, 1980.
4. Renart – Le roman de Renart. 4 T. Paris, 1951.
5. Rose – Guillaume de Lorris et Jean de Meun. Le roman de la Rose. Paris, 1974.
6. Vill., Conquête – Geoffroy de Villhardouin. La conquête de Constantinople. Paris, 1872.

References

1. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka [General linguistics and issues of the French language]. Moscow, Inostrannaya literatura, 1955, 416 p. (In Russ.).
2. Bondarko A. V. Osnovy funktsional'noy grammatiki: Yazykovaya interpretatsiya idei vremeni [Fundamentals of Functional Grammar: Linguistic Interpretation of the Idea of Time]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskiy universitet, 1999, 256 p. (In Russ.).
3. Gak V. G. Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka [Theoretical grammar of the French language]. Moscow, Dobrosvet, 2000, 832 p. (In Russ.).
4. Maslov Yu. S. Rezul'tativ, perfekt i glagol'nyy vid [Resultative, perfect and verb aspect]. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruksiy* [Typology of effective constructions]. Leningrad, Nauka, 1983, pp. 41-54. (In Russ.).
5. Polyanskiy S. M. Osnovy funktsional'no-semanticheskogo analiza taksisa (na materiale nemetskogo yazyka) [Fundamentals of functional-semantic analysis of taxis (based on the German language)]. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 1990, 90 p. (In Russ.).
6. Sabaneeva M. K., Shcherba G. M. Istoricheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka [Historical grammar of the French language]. Leningrad, Leningradskiy universitet, 1990, 272 p. (In Russ.).
7. Khrakovskiy V. S. Taksis: semantika, sintaksis, tipologiya [Taxis: semantics, syntax, typology]. *Tipologiya taksisnykh konstruksiy* [Typology of taxis constructions]. Ed. V. S. Khrakovskiy, Moscow, Znank, 2009, 912 p. (In Russ.).
8. Shustova S. V. Instrumental'nost' v semanticheskom potentsiale glagolov russkogo yazyka [Instrumentality in the semantic potential of Russian verbs]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian studies. History and philology]. 2023, no. 11, pp. 49-61. (In Russ.).
9. Yakobson R. O. Shiftery, grammaticheskie kategorii i russkiy glagol [Shifters, grammatical categories and the Russian verb]. *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of typological analysis of languages of different systems]. Ed. O. G. Revzina. Moscow, Nauka, 1972, pp. 95-113. (In Russ.).
10. Brunot F. et Bruneau Ch. Précis de grammaire historique de la langue française. Paris : Masson, 1949. XXXVIII, 643 p.
11. Gamillscheg E. Historische Französische Syntax. Tübingen : Niemeyer, 1957. VIII, 828 p.
12. Robert P. Le Nouveau Petit Robert. Texte remanié et amplifié sous la direction de J. Rey-Debove et A. Rey. Paris : Le Robert, 2007. 2837 p.

Информация об авторе

Л. А. Красноборова – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

L. A. Krasnoborova – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.08.2024; одобрена после рецензирования 25.08.2024; принята к публикации 10.10.2024.

The article was submitted 10.08.2024; approved after reviewing 25.08.2024; accepted for publication 10.10.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 64–70.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 16. P. 64-70.

Научная статья

УДК 811.111'38

doi: 10.24412/2713-0231-2024-16-64-70

КАТЕГОРИЯ ЛИНГВОКОНФЛИКТОГЕННОСТИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Игорь Сергеевич Наборщиков¹, Светлана Викторовна Шустова²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь,
Россия

¹ igornaborshikov@gmail.com

² lanaschust@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема, связанная с языковой репрезентацией категории лингвоконфликтности в американском политическом дискурсе. Данная статья предлагает новый подход к рассмотрению лексем, актуализирующих категорию лингвоконфликтности в рамках политического дискурса США, предлагается анализ ранее не рассматриваемых текстов политического дискурса США. Исследование предоставляет анализ речи Д. Байдена, что помогает лучше понять стратегии вербальной агрессии, используемые политиком. Описание использования конкретных лексем дает представление о том, как политическая принадлежность влияет на выбор языковых средств. Рассматривается значимость концепций *патриотизм* и *экстремизм* в идеологии США в контексте использования их в качестве категорий, актуализирующей вербальную агрессию. Результаты исследования могут послужить основой для дальнейшего изучения внешней и внутренней политика США, с учетом степени актуализации лингвоконфликтности. Исследование углубляет теоретическое понимание вербальной агрессии, анализируя её проявления и роль в политическом дискурсе на материале двух языков. Это способствует дальнейшему развитию концепции вербальной агрессии и ее применения в различных социально-культурных контекстах. В результате исследования делается вывод о том, что вербальная агрессия используется политиком в качестве инструмента манипуляции.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, политика, вербальная агрессия, лингвоконфликтность, английский язык.

Для цитирования: Наборщиков И. С., Шустова С. В. Категория лингвоконфликтности в американском политическом дискурсе // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 64–70. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-64-70>

Original article

CATEGORY OF LINGUOCONFLICTOGENICITY IN AMREICAN POLITICAL DISCOURSE

Igor S. Naborshikov¹, Svetlana V. Shustova²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ igornaborshikov@gmail.com

² lanaschust@mail.ru

Abstract. In this article the authors consider the problem related to the linguistic representation of the category of linguoconflictogenicity in the American political discourse. This article offers a new approach to the consideration of lexemes that actualize the category of linguoconflictogenicity in the framework of the

US political discourse, the analysis of previously not considered texts of the US political discourse is offered. The study provides an innovative analysis of J. Biden's speech, which helps to better understand the strategies of verbal aggression used by the politician. A description of the use of specific lexemes by each of the politicians provides insight into how political affiliation influences the choice of linguistic devices. The significance of the concepts of patriotism and extremism in the ideological world of the United States is examined in the context of their use as categories that actualize verbal aggression. The results of the study can serve as a basis for further study of US foreign and domestic policy, taking into account the degree of actualization of linguoconflictogenicity. The study deepens the theoretical understanding of verbal aggression by analyzing its manifestations and role in political discourse on the material of two languages. It contributes to the further development of the concept of verbal aggression and its application in different socio-cultural contexts. The study concludes that verbal aggression is used by the politician as a tool of manipulation.

Keywords: discourse, political discourse, politics, verbal aggression, linguoconflictogenicity, English language.

For citation: Naborshikov I. S., Shustova S. V. Category of linguoconflictogenicity in American political discourse. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;16:64-70. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-64-70>

Введение

«Дискурс» является термином, включающим в себя различные аспекты языка и зачастую в работах, посвященных феномену дискурса, смешиваются термины «речь», «дискурс» и «текст» [Сиркия 2018: 165; van Dijk 1998: 193–194]. Существует множество различных определений термина *дискурс*.

Определение В. Е. Чернявской нам кажется наиболее подходящим для использования в рамках данного исследования: «Языковое выражение определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное использование языка, за которым встает особая идеологически и социально обусловленная ментальность». Можно отметить как сходства (по Д. В. Шапочкину и Т. Ван Дейку, дискурс – широкое, объединяющее в себя многие аспекты, явление), так и различия (По В. В. Карасику дискурс – это явление между вербальным и текстовым, по В. Е. Чернявской с другой стороны – это явление вербальное, так и текстовое явление). Объяснить это можно широкой применимостью и применяемостью термина *дискурс*, который используется во многих сферах, помимо языкознания. Поскольку концепт *дискурс* существует в основном в рамках гуманитарных наук, подобные расхождения (а порой и противоречия) в определении допускаются [Чернявская 2012: 4].

Лингвоконфликтогенность является ключевым термином данного исследования и для того, чтобы дать данному термину определение необходимо рассмотреть смежный или же даже синонимичный термин «вербальная агрессия». Начнем с того, что подходов к определению вербальной агрессии существует несколько: американская практика к случаям вербальной агрессии относит высказывания, целью которых является попытка вызвать у слушателя отрицательные эмоции, а не передача информации [Nowak 2009: 522].

В современных исследованиях в равной степени используются термины: вербальная агрессия, языковая агрессия, речевая агрессия, коммуникативная агрессия [Филиппова 2024: 27]. Понятия ‘речевая агрессия’ и ‘враждебность’ чаще всего используются либо как синонимичные, либо как определяющие друг друга [Филиппова 2024: 20; см. также Карамова, Хакимова 2019; Меньшакова, Ильенков 2024; Соболева 2024; Фомичева, Зармаева, Шашина 2024; Яцкова, Меньшакова 2021].

Лингвистика не дает однозначного определения вербальной агрессии. Причиной тому являются 2 фактора: во-первых, это «возраст» данного явления, что обуславливает потерю некоторых черт, изначально присущих этому явлению; во-вторых это использование термина во многих научных областях (психологии, социологии, биологии, генетике), которые «отвлекают» исследователя от лингвистической составляющей [Ларионова 2017: 117].

Исследователи выделяют значение термина «вербальная агрессия» в узком и широком смыслах. При узком понимании это – «речевой акт, являющийся эквивалентом агрессивного физического действия: оскорбление (в том числе брань), насмешка, угроза, враждебное замечание, злопожелание, категоричное требование без использования общепринятых этикетных средств». В широком понимании – это «все виды наступательного, доминирующего речевого поведения». Также уместно выделить отдельное определение агрессии. Агрессия – мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам сосуществования людей, наносящее вред объектам нападения, приносящее физический, моральный ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт [Бондаренко 2019: 23].

В целом многообразии проявлений вербальной агрессии и дискурсивной практики лингвоконфликтности можно назвать манипуляторной риторической тактикой. Под манипуляцией в сфере лингвистики мы имеем в виду «такой вид взаимодействия между людьми, при котором один из них (манипулирующий) сознательно пытается осуществлять контроль над поведением другого (манипулируемого), побуждая его вести себя угодным манипулирующему способом... Причем делается это таким образом, что манипулируемый не осознает себя объектом контроля» [Савельева 2015: 216].

Основная часть

Далее рассмотрим конкретные примеры актуализации категории лингвоконфликтности в речи 46-ого президента США Джо Байдена, которая имеет название *Battle for the Soul of the Nation* (Битва за душу нации). Данная речь была произнесена в Индепенденс Нешнел Хисторикал Парк, 1 сентября 2022 года.

В речи Д. Байден критикует своего политического соперника Д. Трампа и группу поддерживающих его республиканцев. Поддерживающие Дональда Трампа республиканцы упоминаются неоднократно, как правило, в форме «MAGA Republicans» (республиканцы MAGA). Каждое их упоминание имеет негативную, или, по крайней мере, не позитивную коннотацию.

В речи республиканцы, поддерживающие Д. Трампа, упоминаются неоднократно, как правило, в форме «MAGA Republicans» (республиканцы MAGA). Каждое их упоминание имеет негативную, или, по крайней мере, не позитивную коннотацию.

Extremism – Donald Trump and the MAGA Republicans represent an extremism that threatens the very foundations of our republic. / Дональд Трамп и республиканцы MAGA представляют собой экстремизм, который угрожает самим основам нашей республики¹.

Возьмем ещё несколько примеров, интересующего нас в данном случае слова *extremism*.

Our borders will always be closed to terrorists and terrorism and all forms of extremism. / Наши границы всегда будут закрыты для террористов, терроризма и всех форм экстремизма [LCC].

Our fight against terrorism is not directed against any religious or political beliefs, but against fanatical and violent extremism. / Наша борьба против терроризма не направлена против какой-либо религии или политического взгляда, а против фанатичного и жестокого экстремизма [LCC].

We have a problem with far-right extremism. / У нас есть проблема ультраправого экстремизма [LCC].

No democracy is immune to the threat of extremism. / Ни одна демократия не застрахована от угрозы экстремизма [LCC].

Uniting to fight the common foes, we face: Anger, resentment, hatred. Extremism, lawlessness, violence. / Объединиться для борьбы с общими врагами, с которыми мы сталкиваемся: Гнев, обида, ненависть. Экстремизм, беззаконие, насилие [LCC].

¹ Здесь далее перевод наш.

Many now feel that local government is vulnerable to extremism by both right and left and it is perhaps no longer the right vehicle to... / Многие сейчас считают, что местное самоуправление уязвимо перед экстремизмом как правых, так и левых, и, возможно, оно больше не является подходящим средством для того, чтобы... [BNC].

The ideological extremism of Zhdanov, echoed in the contributions of both Radek and Stetsky / Идеологический экстремизм Жданова, нашедший отклик в работах Радека и Стецкого [BNC].

A lot of the problems of alleged and actual extremism by local councils might, of course, be solved by changing the local voting. / Многие проблемы предполагаемого и фактического экстремизма со стороны местных советов, конечно, можно решить, изменив порядок голосования на местах [BNC].

Westminster Institute, a think-tank in McLean, Va., that focuses on threats from extremism and radical ideologies, says... / Вестминстерский институт, аналитический центр в Маклине, штат Вирджиния, который занимается угрозами экстремизма и радикальных идеологий, считает, что... [СОСА].

Left winged extremism is becoming very dangerous! If you don't agree with them, they will.../ Экстремизм левых становится очень опасным! Если вы не согласны с ними, они... [СОСА].

And I would remind you, that extremism in the defense of our Liberty is no vice. / И я хотел бы напомнить вам, что экстремизм ради защиты нашей Свободы – не порок [СОСА].

В словарях лексема *extremism* имеет следующие толкования: *the fact of someone having beliefs that most people think are unreasonable and unacceptable* [CALD]; *political, religious, etc. ideas or actions that are extreme and not normal, reasonable or acceptable to most people; the behavior or beliefs of extremists* [OALD]; *if you describe someone as an extremist, you disapprove of them because they try to bring about political change by using violent or extreme methods* [CD]; *belief in and support for ideas that are very far from what most people consider correct or reasonable* [BD]; *advocacy of extreme measures or views* [MWD].

Необходимо подчеркнуть, что использованное Д. Байденом слово *extremism* актуализирует негативную коннотацию в каждом из представленных словарей, подтвердить это можно такими элементами значения как *extreme and not normal reasonable or acceptable / крайний, не нормальный, необоснованный, неприемлемый violent / жестокий*. Наиболее частым переводом слова *extremism* является экстремизм [CR].

Рассмотрим определения слова *экстремизм* из русских толковых словарей. *Экстремизм – склонность, приверженность к крайним взглядам и мерам, преимуществ. в политике:* [ТСРЯУ]; *приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике):* [СРЯО]; *1. Использование крайних мер – террористических актов, похищений, убийств и т. п. – при достижении своих целей. 2. Унижение национального достоинства; террор* [БТСРЯ].

Таблица. Семы *extremism / экстремизм*

	Extreme / Крайний	Not normal	Not reasonable	Not acceptable	Violent / Жестокий
Extremism	+	+	+	+	+
Экстремизм	+	–	–	–	+

Слова *extremism / экстремизм* обладают негативной коннотацией как в русском, так и в английском языках. Учитывая определения, связанные с крайностью, неприемлемостью можно сказать, что репрезентация категории лингвоконфликтности прослеживается в обоих языках. Важно учесть, что слово *экстремизм* используется в отношении людей, поддерживающих его главного политического соперника. Причиной проявления лингвоконфликтности может быть желание президента Д. Байдена вызвать ассоциацию между словами *республиканец* и *экстремист*, что можно отнести к грубой оценке группы с отличными политическими взглядами.

Подтвердить вышеупомянутую интенцию можно следующими выражениями, в которых по контексту под *they* / *они* подразумевается *MAGA Republicans* / *Республиканцы MAGA*.

They believe America – not like, I believe about America. / *Они не верят в Америку так, как верю в нее я.*

They don't understand what every patriotic American knows: You can't love your country only when you win. / *Они не понимают то, что знает каждый американец-патриот: нельзя любить свою страну, только если ты выигрываешь.*

Рассмотрим определения слова *patriotic*. *Patriotic – showing love for your country and being proud of it*: [CALD]; *having or expressing a great love of your country* [OALD]; *someone who is patriotic loves their country and feels very loyal towards it* [CD]; *having or showing great love and support for your country: having or showing patriotism* [BD]; *befitting or characteristic of a patriot; patriot – one who loves and supports his or her country* [MWD].

Рассмотрим значение слова в русском языке для определения полной коннотации.

Патриот – человек, преданный своему народу, любящий свое отечество, готовый на жертвы и совершающий подвиги во имя интересов своей родины [ТСРЯУ]; *проникнутый патриотизмом патриотизм – преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу* [СРЯО]; *исполненный патриотизма; любовь к отчизне, преданность своему отечеству, своему народу, выражающаяся в готовности отстаивать интересы родины* [БТСРЯ].

В данном примере словосочетание *patriotic americans* и *they* являются контекстуальными антонимами, что мы докажем далее. Прилагательное *patriotic* имеет такие семы как *loving their country* / *любящий свою страну*, *loyal to their country* / *преданный своей стране*, которые в контексте данного высказывания имеют сугубо позитивную коннотацию. Вторая часть рассматриваемого примера – *you can't love your country only when you win* / *нельзя любить свою страну, только если ты выигрываешь* предполагает нелюбовь «проигравшей» стороны (республиканцев *MAGA*) к своей стране (США), в связи, с чем мы приходим к выводу, что логично считать аббревиатуру, используемую в виде прилагательного *MAGA* контекстуальным антонимом прилагательного *patriotic* с соответствующим противоположным значением (не любящий свою страну, не преданный своей стране), которое в данном контексте имеет явно негативную коннотацию.

Заключение

На наш взгляд лингвоконфликтогенность проявляется в американском политическом дискурсе в полной мере. Основным методом, которым пользуются политики является деление на «свои» и «чужие».

Первой группе политики придают положительные характеристики, а второй негативные. Также каждый политик прекрасно понимает свою аудиторию, ведь Д. Байден негативно высказывается в сторону республиканцев, предпочитая называть последних *республиканцы MAGA*, для подчеркивания их связи с Д. Трампом. Д. Байден использует такие лексемы как *extremism/экстремизм*, описывая республиканцев и их кандидата.

Список литературы

1. Бондаренко А. О. Троллинг как вид вербальной агрессии (на материале французского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2019. № 8 (824). С. 22–32.
2. Карамова А. А., Хакимова Г. Ф. Эвфемизмы в современном политическом дискурсе: тематические группы, средства выражения, функции // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 4. С. 27–32.
3. Ларионова Т. В. Речевая агрессия: от речевой практики к социокогнитивной матрице // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 7-1 (73). С. 117–120.
4. Меньшакова Н. Н., Ильенков Е. В. Стратегии и тактики манипулятивности в политических статьях СМИ // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 76–86.

5. Савельева И. В. Манипулятивность в обыденном политическом дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4-4(64). С. 216–220.
6. Сиркия Н. П. Политический дискурс vs политический интернет-дискурс: сходства и различия (когнитивный аспект) // Историческая и социально образовательная мысль. 2018. № 2-2. С. 164–170.
7. Соболева Л. А. Подходы к определению категории лингвоконфликтности в современной лингвистике и конфликтологии // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 33–41.
8. Филиппова М. П. Содержательные параметры речевой агрессии в жанре интернет-комментария. Ижевск : Изд-во «Удмуртский государственный университет», 2024. 264 с.
9. Фомичева Я. А., Зармаева Х. И., Шашина Е. К. Политкорректные эвфемизмы как средство снижения речевой агрессии // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 90–95.
10. Чернявская В. Е. Дискурс – «лидер продаж» или «распродажа дискурса»? // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 3. С. 6–14.
11. Яцкова С. С., Меньшакова Н. Н. Современный британский политический дискурс: афористика в риторике // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 2. С. 66–69.
12. Nowak J., Rotunda R. Constitutional Law. 10. Minneapolis: West Academic Publishing; 8th edition. 2009. 974 p.
13. Van Dijk T. Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach // Methods of critical discourse analysis. London: SAGE Publications. 2009. P. 62–85.

References

1. Bondarenko A. O. Trolling kak vid verbal'noy agressii (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Trolling as a form of verbal aggression (based on the French language)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University]. 2019, no. 8 (824), pp. 22-32. (In Russ.).
2. Karamova A. A., Khakimova G. F. Evfemizmy v sovremennom politicheskom diskurse: tematicheskie gruppy, sredstva vyrazheniya, funktsii [Euphemisms in modern political discourse: thematic groups, means of expression, functions]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2019, no. 4, pp. 27-32. (In Russ.).
3. Larionova T. V. Rechevaya agressiya: ot rechevoy praktiki k sotsiokognitivnoy matritse [Speech aggression: from speech practice to sociocognitive matrix]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Theoretical and practical issues]. Tambov, Gramota, 2017, no. 7-1 (73), pp. 117-120. (In Russ.).
4. Men'shakova N. N., Il'enkov E. V. Strategii i taktiki manipulyativnosti v politicheskikh stat'yakh SMI [Strategies and tactics of manipulation in political media articles]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 1, pp. 76-86. (In Russ.).
5. Savel'eva I. V. Manipulyativnost' v obydennom politicheskom diskurse [Manipulativeness in Everyday Political Discourse]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2015, no. 4-4(64), pp. 216-220. (In Russ.).
6. Sirkiya N. P. Politicheskiy diskurs vs politicheskiy internet-diskurs: skhodstva i razlichiya (kognitivnyy aspekt) [Political Discourse vs. Political Internet Discourse: Similarities and Differences (Cognitive Aspect)]. *Istoricheskaya i sotsial'no obrazovatel'naya mysl'* [Historical and social educational thought]. 2018, no. 2-2, pp. 164-170. (In Russ.).
7. Soboleva L. A. Podkhody k opredeleniyu kategorii lingvokonfliktogenosti v sovremennoy lingvistike i konfliktologii [Approaches to defining the category of linguo-conflictogenicity in modern linguistics and conflictology]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 2, pp. 33-41. (In Russ.).
8. Filippova M. P. Soderzhatel'nye parametry rechevoy agressii v zhanre internet-kommentariya [Substantive parameters of speech aggression in the genre of Internet commentary]. *Izhevsk, Udmurtskiy gosudarstvennyy universitet*, 2024, 264 p. (In Russ.).
9. Fomicheva Ya. A., Zarmaeva Kh. I., Shashina E. K. Politkorrektnye evfemizmy kak sredstvo snizheniya rechevoy agressii [Politically correct euphemisms as a means of reducing verbal aggression]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 2, pp. 90-95. (In Russ.).

10. Chernyavskaya V. E. Diskurs – «lider prodazh» ili «rasprodazha diskursa»? [Discourse - "Bestseller" or "Discourse Sale"?]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University]. 2012, no. 3, pp. 6-14. (In Russ.).

11. Yatskova S. S., Men'shakova N. N. Sovremennyy britanskiy politicheskiy diskurs: aforistika v ritorike [Menshakova N. N. Modern British political discourse: aphorisms in rhetoric]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2021, no. 2, pp. 66-69. (In Russ.).

12. Nowak J., Rotunda R. Constitutional Law. 10. Minneapolis: West Academic Publishing; 8th edition. 2009. 974 p.

13. Van Dijk T. Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach // Methods of critical discourse analysis. London: SAGE Publications. 2009. P. 62-85.

Информация об авторах

И. С. Наборщиков – магистрант, факультет современных иностранных языков и литератур, Пермский государственный национальный исследовательский университет;
С. В. Шустова – доктор филологических наук, профессор, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

I. S. Naborshikov – Master Student, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures, Perm State University;
S. V. Shustova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024; одобрена после рецензирования 25.09.2024; принята к публикации 10.10.2024.

The article was submitted 05.09.2024; approved after reviewing 25.09.2024; accepted for publication 10.10.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 71–81.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 16. P. 71-81.

Научная статья

УДК 81'23

doi: 10.24412/2713-0231-2024-16-71-81

РЕАЛИЗАЦИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕМОНСТРАТИВНОСТИ В ПЕРСОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Ирина Александровна Тисленкова

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия, tislenkova@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается коммуникативная актуализация отрицательной демонстративности в повседневном общении. Целью исследования является определение понятия отрицательной коммуникативной демонстративности, выявление вербальных и невербальных средств её выражения и описание её функций в персональном дискурсе. В работе используются междисциплинарный подход и метод психолингвистического анализа речевой продукции говорящих. Материалом для анализа послужили высказывания участников телевизионных интервью, блогеров TikTok и Youtube и героев телесериалов. В результате исследования устанавливается, что отрицательная коммуникативная демонстративность является коммуникативной тональностью, характеризующаяся преувеличенным негативным представлением себя, акцентированностью доминирующей деструктивной эмоции, выражаемых средствами семиотической полимодальности. Подчёркивается, что в ситуации социальной фрустрации данная тональная разновидность используется для негативной самоподачи с целью конструирования альтернативной личной уникальности и привлечения к ней внимания, объяснения причины социальной несостоятельности, компенсации кризиса нереализованности и дезадаптации. При личностной фрустрации отрицательная коммуникативная демонстративность выполняет функцию катарсиса, при проблемной – функцию рефлексивной самоинтерпретации. Языковыми средствами выражения отрицательной коммуникативной демонстративности, которыми продуцент речи характеризует себя являются: речевые стратегии самостигматизации, конфронтации, акцентированного преувеличения; гипербола, гиперболизированные и субстандартные тропы с негативной коннотацией, лексический повтор отрицательных частиц «не», «нет», отрицательно-оценочных лексем, отрицательные местоимения, абстрактные существительные с негативной коннотацией, метафора с уничижительным значением, антитеза, клишированные фразы, эмотивный синтаксис, частое употребление местоимения «я» и модального глагола «хотеть». Неязыковые единицы реализации отрицательной демонстративной тональности включают демонстративный образ, демонстративное действие, демонстративный объект, демонстративную идею, демонстративную просодику, чрезмерную жестикуляцию и гипертрофированную мимику.

Ключевые слова: дискурс, отрицательная демонстративная тональность, коммуникативная тональность, самостигматизация, гиперболические тропы

Для цитирования: Тисленкова И. А. Реализация отрицательной коммуникативной демонстративности в персональном дискурсе // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 71–81. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-71-81>

Original article

IMPLEMENTATION OF NEGATIVE COMMUNICATIVE DEMONSTRATIVENESS IN PERSONAL DISCOURSE

Irina A. Tislenkova

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia, tislenkova@bk.ru

Abstract. The article discusses the communicative actualization of negative demonstrativeness in everyday communication. The purpose of the study is to define the concept of negative communicative demonstrativeness, to identify verbal and non-verbal means of its expression and to describe its functions in personal discourse. The work uses an interdisciplinary approach and a method of psycholinguistic analysis of the speaker's speech output. The material for the analysis was the statements of participants in television interviews, TikTok and Youtube bloggers and characters of TV series. As a result of the study, it is established that negative communicative demonstrativeness is a communicative tonality characterized by an exaggerated negative representation of self, accentuation of the dominant destructive emotion expressed by means of semiotic polymodality. It is emphasized that in the situation of social frustration, this tonal variety is used for negative self-presentation in order to construct an alternative personal uniqueness and attract attention to it, explain the causes of social insolvency, compensate for the crisis of unrealisation and maladaptation. In the situation of personal frustration, negative communicative demonstrativeness performs the function of catharsis, in problematic – the function of reflexive self-interpretation. The linguistic means of expressing negative communicative demonstrativeness, with which the speech producer characterizes himself are: speech strategies of self-stigmatization, confrontation, accentuated exaggeration; hyperbole, hyperbolized and substandard tropes with negative connotation, reiteration of negative particles «not», «no», negative evaluative lexemes, negative pronouns, abstract nouns with negative connotation, metaphor with pejorative meaning, antithesis, cliched phrases, emotive syntax, frequent use of the pronoun «I» and the modal verb «want». Non-linguistic units to realize the negative demonstrative tonality include demonstrative image, demonstrative action, demonstrative object, demonstrative idea, demonstrative prosody, excessive gesticulation and hypertrophied facial expressions.

Keywords: discourse, negative demonstrative tonality, communicative tonality, self-stigmatization, hyperbolic tropes

For citation: Tislenkova I. A. Implementation of negative communicative demonstrativeness in personal discourse. *Humanitarian Studies. History and Philology.* 2024;16:71-81. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-71-81>

Введение

Для человека информационной эпохи обыденной реальностью является растущее давление социальных преобразований, приводящих к трудности осуществления в постоянно изменяющихся условиях своей положительной социальной роли, соответствующей его инвариантным биопсихологическим возможностям [Фрик 2020: 258]. Перманентная гонка за соответствием высоким стандартам социума и подтверждение достигнутого стали ведущими характеристиками повседневной жизни.

Процессы глобализации и цифровизации повлекли за собой выход этносов из культурной обособленности, интеграцию и унификацию, отрыв от морали родной культуры, рост свободы и открытости социокультурной сферы и, как следствие, модификацию поведенческих паттернов людей, поставив под сомнение ранее существовавшие незыблемые сценарии, механизмы и нормы взаимодействия [Круглов, Никифорова, Никифоров 2020]. В связи с тем, что опосредованная коммуникация заняла большую часть социальной интеракции, исчезла необходимость эмпатии, учета чужой точки зрения, достоверности, а на первый план вышло открытое удовлетворение психологических потребностей эго и обозначение идентичности средствами явной коммуникативной демонстративности [Hart et al. 2023; Карасик, Слышкин 2021].

Люди постоянно пытаются вписаться в эталон успешности, подразумевающий высокий уровень материального благосостояния, изобилие, комфорт, статусное потребление и престижные развлечения, а также доказать свое превосходство над окружающими. Однако это удается лишь 1.10 % населения принадлежащему к состоятельному слою, в то время, как 90.0 % живут в бедности и не имеют такой возможности [Богатые и бедные в России 2023, www]. Возникающая при этом фрустрация, находит своё выражение в отрицательной демонстративности, когда интернализированная стигма используется в качестве компенсирующего коммуникативного демонстратива. Сегодня практически каждый человек балансирует на грани дезадаптации и периферийности, что находит отражение в негативной модальности его речи [Джураев 2023: 59]. Помимо социальной неудовлетворенности, отрицательная демонстративная тональность отражает и личностную фрустрацию, возникающую на определённых этапах жизни человека.

Пандемически распространяющуюся демонстративную тональность связывают с произвольной акцентированной публичной самоманифестацией и преданием огласке обстоятельств личной жизни [Перке, Салахова, Бубнова 2023; Кириллова, Зубанова, Синецкий 2019]. Многие исследователи подчеркивают неформальный, протестный характер самовыражения, усиленный противостоянием традиционным социальным воззрениям в связи с тем, что в информационном обществе одобряется образ человека без предрассудков, бунтаря и нонконформиста [Грушевская 2021; Дубских 2019]. Цифровое общество провозглашает ориентацию на то, что нравится и отсутствие страха отторжения [Хуснутдинова, Посакалова 2023: 128]. Повсеместно приветствуется оригинальность, своеобразие и эпатаж [Синельникова 2009]. Интернет-блогеры призывают выражать свою индивидуальность, не притворяясь и не скрывая своих мыслей, даже если это противоречит нормам. Например,

(1) Буду собой. Кто-то будет любить. Не будет – да пошли они! Вот и все [Моргенштерн peaky.crystal 2021].

(2) Никогда не бойтесь быть собой, оригинал всегда дороже копии ... [Никогда не бойтесь быть собой 2023, www].

(3) Не бойся выглядеть так, как ты хочешь [Не бойся выглядеть так, как ты хочешь 2023, www].

Конфиденциальность личной информации меняется на свою противоположность средствами СМИ и социальных сетей. Коммуникативная демонстративность может быть направлена на себя и на адресата в зависимости от мотивов говорящего [Krämer, Winter 2008]. То есть, она облекается в форму нарративной или манипулятивной демонстративной тональности. В настоящее время коммуниканты прибегают к разным видам коммуникативной демонстративности для поддержания необходимой им идентичности [Leary 2019; Тисленкова 2021; Тисленкова 2022]. Однако, отрицательная разновидность демонстративной тональности персонального дискурса остается неизученной.

Цель исследования – раскрыть понятие отрицательной коммуникативной демонстративности, выявить средства её выражения и функции в персональном дискурсе. Методы исследования. В процессе работы использовались междисциплинарный подход и метод психолингвистического анализа речевой продукции коммуникантов. Материалом для выявления языковых и неязыковых средств актуализации отрицательной коммуникативной демонстративности стали высказывания участников телевизионных интервью, блогеров TikTok и Youtube и героев телесериалов 1979, 2014–2023 гг.

Основная часть

Понятие коммуникативной демонстративности

Демонстративная тональность речи является неотъемлемой характеристикой ежедневного взаимодействия, в котором она играет ведущую роль в формировании образа говорящего. Демонстративность представляет собой коммуникативную тональность, определяющую специфику процесса речевого взаимодействия и служащую механизмом самопрезентации и манипуляции чувствами адресата. Данная тональность характеризуется преувеличением говорящим своего доминирования, подчеркиванием преобладающей эмоции с помощью средств семиотической полимодальности [Тисленкова 2024]. Коммуникативная демонстративная тональность функционирует в лично- и статусно-ориентированном общении [Лисенкова 2020]. Разные научные парадигмы представляют «демонстративность», связывая её с понятиями, составляющими ядро рассматриваемой коммуникативной категории, организованной по принципу бинарной оппозиции: самопрезентация (явная или скрытая), акцентированность (положительная или отрицательная) и преувеличение (произвольное или непроизвольное) [Идеографический словарь 2018; Словарь русских синонимов 1999]. Коммуникативная демонстративность обладает такими конститутивными признаками, как интенциональность, детерминированная социальными потребностями и

интересами говорящего; интерпретативность, подразумевающая множество возможных вариантов толкования; эмоциональность и оценочность [Большой психологический словарь 2009]. Маркерами демонстративной тональности выступают просодические средства, которые позволяют коммуниканту правильно понимать, в какой атмосфере протекает общение, включая его в реальный контекст социальной коммуникации: тон, мелодика, интонация: по способу представления реципиенту и адресатной реакции, могут выделяются явный и скрытый виды демонстративности.

Рассмотрим отрицательную разновидность демонстративной тональности с целью выявления её основных признаков и способов выражения в персональном дискурсе.

Отрицательная коммуникативная демонстративность

Психологи отмечают, что человек проявляет себя во внешнем мире через самораскрытие. В бытовом и бытийном разновидностях персонального дискурса говорящий транслирует направленность своей личности, в которую входят самооценка, черты характера, убеждения, взгляды, мировоззрение, идеалы, интересы, желания, влечения и склонности [Едамова 2023]. Коммуникативная демонстративность выступает механизмом семиотизации личности, отражая внутреннее переживание самооценности продуцента речи [Серебренникова 2023]. Отрицательная демонстративность – эмоционально-стилевая форма коммуникации, характеризующаяся представлением своего негативного образа, преувеличением его значимого качества, акцентированностью доминирующей деструктивной эмоции, выражаемых средствами семиотической полимодальности.

В ситуации фрустрирующего воздействия общества у людей значительно уменьшается самооценочность «Я» и замещается на её субституты [Гудзовская., Добрынина, Мышкина 2023]. Отрицательная коммуникативная демонстративность находит выражение в актах информационной аутоагрессии, когда продуценты публикуют в социальных сетях и СМИ унижающий самих себя контент с целью создания личной уникальности, привлечения к ней внимания и снятия с себя ответственности за социальную несостоятельность [Яцухно 2023]. Демонстративами могут выступать действия, явления, предметы, понятия, слова, тексты, изображения, звуки, так как они имеют символическое значение и используются человеком для утверждения себя в отношениях с другими, обозначения своего статуса, приверженности определенным символическим структурам [Левада 2001: 8]. Чаще всего коммуниканты самовыражаются через демонстрацию следующих стигм: модификации тела и гендера, токсикоманической зависимости, инфантильности, гипертрофированных эмоциональных всплесков, девиантного поведения и психического заболевания. Самостигматизация рассматривается как патологическая форма адаптации и используется коммуникантами с целью манипуляции [Svetlichnaya, Voronov, Smirnova 2023].

Основным аспектом отрицательной демонстративности является акцентированное выделение своих недостатков в таких ситуациях общения, как: встречи и мероприятия, онлайн-среда и бытовая коммуникация. Речевые жанры включают самопрезентацию, автобиографический рассказ, интервью, публикации в блогах (посты, комментарии, сторис, хештеги, инфографика, ревью и рекомендации) [Уварова, Нарзиева 2022; Мансурова 2022]. Например,

(1) Я люблю краску под кожей. Она меня вдохновляет рисовать <...>. Чувствуешь, что ты освободился от какого-то бремени (2.28–2.33 мин, 4.20–4.24 мин) [Страшная красота 2021, www].

В примере (1) средством выражения отрицательной демонстративности является устрашающий рисунок на голове говорящего, отсутствие ушных раковин и носа. 35-летний коммуникант позиционирует себя художником своего тела и отстаивает свободу самовыражения. В то же время экстремальная модификация внешности используется продуцентом для дистанцирования от окружающих и компенсации социальной нереализованности.

(2) Меня зовут Яна. *Кто меня называет старым именем – те идут в бан!* (8.036–8.41 мин) [Я – женщина 2022, www].

В интервью (2) блогер Андрей Петров прибегает к отрицательной демонстративной тональности, реализуемой визуальным представлением себя в качестве лица противоположного пола, призванной ошеломить адресата. Посредством демонстративного образа (женское платье, длинные волосы, маникюр, макияж «смоуки айз» и татуировка Barbie на груди) коммуникант показывает себя особенной личностью, достойной принятия и уважения. Языковыми демонстративами являются томный голос, преувеличение, восклицательный характер предложения, модифицированный фразеологизм «идти в бан», выражающий пренебрежение к несогласным с его жизненной позицией людям. Демонстративная тональность является способом коррекции неопределенного положения в обществе, порожденного отсутствием стандартных к 26-летнему возрасту достижений.

(3) *Я большая страшная панда.* Только меня никто не боится (7.30–7.32 мин) [Фурри прогулка в Сокольниках 2023, www].

В высказывании молодого человека (3) негативная коммуникативная демонстративность актуализирована с помощью демонстративного образа (костюм животного ярко оранжевого и розового цветов, включающий перчатки с когтями), демонстративного действия – ролевого девиантного поведения и языкового демонстратива, выраженного гиперболизированным отрицательным эпитетом (большая страшная панда), призванным скрыть недостаточное признание в обществе, одиночество и неадекватную самооценку.

(4) Вот ты говоришь – я похудел. (вдруг громко кричит) Да потому что *тогда я весил 100 килограмм – свинья поганая, а сейчас более-менее чуть-чуть постройнел!!!* (1.41–1.49 мин) [Истерика Гогена на съемке 2023, www].

Гоген Солнцев употребляет отрицательную демонстративность, объективированную в демонстративном действии (немотивированной эксплозии), просодических демонстративах (громкая речь с напором, высокий тембр голоса), чрезмерной жестикуляции, которыми он принуждает реципиента считаться с собой. Среди языковых средств выделяются гипербола, выраженная интенсифицирующими наречиями «более-менее», «чуть-чуть», антитеза (тогда-сейчас), инверсия, субстандартная метафора, которыми говорящий описывает себя, как человека, подверженного слабостям. Отрицательная коммуникативная демонстративность маскирует профессиональную невостребованность, невозможность творческой реализации традиционным путем в театре и кино.

(5) Проведите меня к немууу! <...> *Бог – это ты! Бог – это я! Мы все едины! <...> Джигурда – гений. Гений! Ему все можно* (0.19–0.22 мин, 0.28–0.38 мин) [Джигурда 2022, www].

В примере (5) 62-летний артист использует совокупность демонстративов отрицательной коммуникативной тональности. Демонстративное действие заключается в перформансе, эпатажных высказываниях (Бог – это я! Джигурда – гений) и непредсказуемом поведении, сопровождаемом эмоциональной расторможенностью, активной жестикуляцией и гипертрофированной мимикой. Демонстративный образ включает молодежную чёрную байкерскую одежду, татуировки, металлические кольца и украшения, длинные волосы, в то время как демонстративная просодика образуется хрипотой, рычанием. Отрицательная демонстративная тональность речи формирует имидж дерзкого самоуверенного человека и скрывает отсутствие успеха в шоу-бизнесе.

(6) Это было в январе этого года. *Мне поставили шишу.* Он сказал мне, что только в стационар надо ложиться, что только такое лечение (1.01.26–1.02.49 мин) [Сплитика 2023, www].

Треш-стример Сплитика (6) строит свою коммуникацию исключительно на отрицательной демонстративной тональности, совершая унижительные действия над собой в прямом эфире. Негативными демонстративами являются демонстративный образ зомби с агрессивным макияжем, чёрной мешковатой одеждой и православным нательным крестом на

шнурке; демонстративное действие, состоящее в публичном озвучивании своего несуществующего психиатрического диагноза (Мне поставили шизу); демонстративная идея саморазрушения. Тональность маскирует подростковую дезадаптацию.

Отрицательная демонстративность как проявление личностной фрустрации обнаруживается в речи говорящих в период нормативных кризов развития. Так, старший возраст является основанием для конфликта поколений, возникающего вследствие понижения социального статуса пожилых коммуникантов, утраты доминирующего положения в семейной иерархии. Конфликтный характер общения зрелого человека с молодежью предопределяет функционирование отрицательной демонстративной тональности в их речи. Например,

(7) Пожилой отец (взрослому сыну): В этом доме ты единственный, кто не имеет права на выражение собственного мнения. Я в последний раз говорю: если Марианна в этом доме, значит, я так хочу. Единственный, кто здесь командует – это я [Богатые тоже плачут 1979, www].

В примере (7) негативная коммуникативная демонстративность реализуется речевой стратегией конфронтации, менторским тоном, частым употреблением местоимения «я», инверсией, акцентированным преувеличением (я в последний раз говорю, единственный), условным предложением и модальным глаголом «хотеть», которая помогает отцу искусственно удерживать свой авторитет в семейных отношениях. Демонстративная тональность здесь выполняет компенсирующую функцию.

(8) Я ничего не хочу. Это самое безумное и самое страшное, что можно сказать в таком месте, как Америка. У меня нет амбиций. На самом деле нет. (5.38–5.49 мин) [Джим Керри лучшая мотивация 2019, www].

В речи 61-летнего коммуниканта (8) негативная коммуникативная демонстративность, актуализируемая отрицательным местоимением «ничего», лексическим повтором отрицательных частиц «не», «нет» и гиперболизированными отрицательными эпитетами (самое безумное и самое страшное), описывает образ человека кризисного периода поздней зрелости, его переживание, связанное с отходом от дел, пассивностью, отсутствием желания продолжить профессиональную самореализацию и выполняет функцию катарсиса. Кризис поздней юности сопряжен с противоречивой самооценкой и поиском самоценности. Например,

(9) Я – конченное ничтожество. Я – никчемная тварь. <...> Но я красив в этом. Я уникален, и в этом моя суть. И в этом моё место. Да! (бьет себя в грудь) Я такой, какой я есть! И я восхищаюсь собой, хоть сам – ничтожество и конченный навозный червяк. (0.20–0.47 мин) [Идущий к Реке 2019].

В монологе (9) демонстративная тональность реализуется в употреблении отрицательных гиперболических эпитетов (конченный, никчемный), абстрактных существительных с негативной коннотацией (ничтожество, тварь), метафоры с уничижительным значением (навозный червяк), антитезы, клишированной фразы (Я такой, какой я есть!). Данное тональное средство создает у реципиента портрет юноши-максималиста неуверенного в себе и не обладающего устойчивым самосознанием и идентичностью.

Отрицательная демонстративная тональность как результат проблемной фрустрации находит отражение в автореферентном критическом дискурсе в ситуации невозможности решения проблемы. Индивид высказывает отрицательную оценку своей личности, поступков, промахов или мыслей. Например,

(10) Я – негодяй. Ненавидьте меня: я – подлец! Я – подонок. Я все проиграл. Всё! Все, что мог бы отдать детям. (0.09–00.24 мин) [Осторожно. Модерн 2014, www].

В примере (10) лексическими демонстративами выступают повторяющиеся отрицательно-оценочные лексемы, с помощью которых молодой человек осуждает своё пристрастие к азартным играм. Отрицательная коммуникативная демонстративность выполняет функцию рефлексивной самоинтерпретации себя.

Заключение

Таким образом, отрицательная коммуникативная демонстративность является коммуникативной тональностью, характеризующаяся преувеличенным негативным представлением себя, акцентированностью доминирующей деструктивной эмоции, выражаемых средствами семиотической полимодальности.

В ситуации социальной фрустрации данная тональная разновидность используется для негативной самоподачи с целью конструирования альтернативной личной уникальности и привлечения к ней внимания, объяснения причины социальной несостоятельности, компенсации кризиса нереализованности и дезадаптации. При личностной фрустрации отрицательная коммуникативная демонстративность выполняет функцию катарсиса, при проблемной – функцию рефлексивной самоинтерпретации. Языковыми средствами выражения отрицательной коммуникативной демонстративности, которыми продуцент речи характеризует себя являются: 1) речевые стратегии самостигматизации, конфронтации, акцентированного преувеличения; 2) гипербола, гиперболизированные и субстандартные тропы с негативной коннотацией, лексический повтор отрицательных частиц «не», «нет», отрицательно-оценочных лексем, отрицательные местоимения, абстрактные существительные с негативной коннотацией, метафора с уничижительным значением, антитеза, клишированные фразы, эмотивный синтаксис, частое употребление местоимения «я» и модального глагола «хотеть».

Неязыковые единицы реализации отрицательной демонстративной тональности включают демонстративный образ, демонстративное действие, демонстративный объект, демонстративную идею, демонстративную просодику (изменение тембра и тона голоса, вокализация), чрезмерную жестикуляцию, гипертрофированную мимику.

Список литературы

1. Богатые и бедные в России. Росстат. URL: <https://sun967.userapi.com/impG/GYK2MDgPFfeGZ7xlrcIHECuTeqTQIPfxjReKeWA/uhhJyK7nyTs.jpg?size=581x313&quality=96&sign=fa38a45453b6eb31094ea7a91282b37e&type=album> (дата обращения: 19.05.2024).
2. Богатые тоже плачут [Видеозапись фильма] / Реж. К. Перес, П. Васкес, Л. Мансо. Televisa, 1979 г. (дата обращения: 19.05.2024).
3. Большой психологический словарь / под ред. Мещерякова Б. Г., Зинченко В. П. 4-е изд., расш. М. : АСТ; СПб. : Прайм-Еврознак, 2009. 811 с.
4. Грушевская В. Ю. Особенности самопрезентации в видеоблогах, популярных в молодежной среде // Бренное и вечное: мифология цифровой цивилизации : материалы межд. научной конф. Великий Новгород : Изд-во «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», 2021. С. 202–210.
5. Гудзовская А. А., Добрынина Е. И., Мышкина М. С. Социальная идентичность как контекст креативности в ситуации фрустрации // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. №. 2. С. 193–210.
6. Джигурда: «Меня родители спрятали от КГБшной дурки в гражданской дурке» // Легенда. 15.06.2022. URL: <https://yandex.ru/> (дата обращения: 19.05.2024).
7. Джим Керри лучшая мотивация / Эта речь взорвала интернет. URL: https://www.youtube.com/watch?v=R_xkCc9SKkI (дата обращения: 19.05.2024).
8. Джураев Д. Маргинализация современной молодежи в контексте социальных изменений // Евразийский журнал социальных наук, философии и культуры. 2023. Т. 3. №. 1 (2). С. 58–66.
9. Дубских А. И. Интернет-пространство как сфера реализации отрицательной самопрезентации юмористическими средствами // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. №. 2 (199). С. 14–20.
10. Едамова А. Ю. Аутентичные отношения: обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12. №. 1. С. 109–118.
11. Идеографический словарь русской социальной лексики: общество и человек / под ред. Леонтьевой Т. В. Екатеринбург : Ажур, 2018. 554 с.

12. Идущий к Реке. Монолог. 05.05.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XEw0iNSQKk8> (дата обращения: 19.05.2024).
13. Истерика Гогена на съемке! Гоген Солнцев, смешные моменты 2022. 28.10.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iqRBDIOzVps> (дата обращения: 19.05.2024).
14. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 14–31.
15. Кириллова Н. Б., Зубанова Л. Б., Синецкий С. Б. и др. Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования : монография. Екатеринбург : Уральское отделение НОКО, 2019. 290 с.
16. Круглов В. В., Никифорова В. Д., Никифоров А. А. Цифровизация как инструмент планетарной глобализации // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2020. № 1. С. 49–54.
17. Левада Ю. А. Люди и символы символические структуры в общественном мнении. Заметки для размышления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 6. С. 7–13.
18. Лисенкова А. А. Трансформация идентичности в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 65–74.
19. Мансурова Г. Р. Особенности я-концепции личности, проявляющиеся в интернет-коммуникации // Ученый XXI века. 2022. № 5-1 (86). С. 52–54.
20. Моргенштерн peaky.crystal. 20.05.2021. URL: https://www.tiktok.com/@peaky.crystal/video/6964386561769196801?is_from_webapp=1&sender_device=pc&web_id=7257549894146524677 (дата обращения: 19.05.2024).
21. Не бойся выглядеть так, как ты хочешь. @style_lolita. 03.06.2023. URL: <https://vt.tiktok.com/ZSLmo2fQp/> (дата обращения: 19.05.2024).
22. Никогда не бойтесь быть собой, оригинал всегда дороже копии @_vradnaya_ya_. 28.04.2023. URL: https://www.tiktok.com/search?q=%5B%40_vradnaya_ya_&t=1690010964847 (дата обращения: 19.05.2024).
23. Осторожно. Модерн. 22.04.2014. URL: https://www.youtube.com/watch?v=cWeZ4FWgW_ (дата обращения: 19.05.2024).
24. Рерке В. И., Салахова В. Б., Бубнова И. С. Теоретико-методологическая модель понятия «психологическая зрелость» личности // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2023. № 2 (48). С. 138–146.
25. Серебренникова Е. Ф. Эго-персонология: когнитивные механизмы семиотизации // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3 (24). С. 129–133.
26. Синельникова Л. Н. Признаки дискурсивной матрицы гуманитарного пространства нового века // Политическая лингвистика. 2009. № 29. С. 56–68.
27. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Абрамова Н. М. Русские словари, 1999. 575 с.
28. Сплитика. У меня три личности. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z6FGAd3okjc&t=39s> (дата обращения: 19.05.2024).
29. Страшная красота: житель Калининградской области отрезал себе уши и нос, чтобы выглядеть лучше. 21.08.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tuS5I7BGbpc> (дата обращения: 19.05.2024).
30. Тисленкова И. А. Теоретические основы идентификации уровня профессионализма говорящего по речевым характеристикам в кадровом интервью // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. № 8 (3). С. 148–159.
31. Тисленкова И. А. Языковые средства актуализации высокого уровня профессионализма говорящего в нарративном интервью (на материале английского языка) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 8 (161). С. 146–152.
32. Уварова Л. Н., Нарзиева З. А. Психологическое здоровье личности и процесс самораскрытия // E-Scio. 2022. № 6 (69). С. 39–44.
33. Фрик О. В. Социальные и психологические аспекты цифровой трансформации // Двадцать шестые апрельские экономические чтения : сб. трудов конф. Омск : Изд-во «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Омский филиал, 2020. С. 256–260.
34. Фурри прогулка в Сокольниках. Взяли интервью у фурри. 20.06.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ETk3IieV1k8> (дата обращения: 19.05.2024).

35. Хуснутдинова М. Р., Посакалова Т. А. От самопрезентации к самопроявлению: стратегии подростков видеоблогеров в социальных сетях // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 127–136.
36. Я – женщина. 15.12.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OrW6gGJobdg> (дата обращения: 19.05.2024).
37. Яцухно О. Н. Цифровая аутоагрессия в подростковом возрасте // Психологическая студия : сборник статей лицеистов, студентов, магистрантов, аспирантов, молодых исследователей кафедры психологии ВГУ имени П. М. Машерова. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. Вып. 16. С. 264–266.
38. Hart W., Cease Ch. K., Lambert J. T., Garrison K. Designing one's authentic identity: Self-proclaimed authentic people report self-presentation agendas to seem authentic to audiences // *Personality and Individual Differences*. 2023. Vol. 201 (3). P. 111941.
39. Krämer N. C., Winter S. Impression management 2.0: The relationship of self-esteem, extraversion, self-efficacy, and self-presentation within social networking sites // *Journal of media psychology*. 2008. Vol. 20. №. 3. P. 106–116.
40. Leary M. R. *Self-presentation: Impression management and interpersonal behavior*. Oxford : Routledge, 2019. 264 p.
41. Svetlichnaya T. G., Voronov V. A., Smirnova E. A. The phenomenon of stigmatization in the postmodern era: a structural analysis // *Bioethics journal*. 2023. Т. 16. №. 1. С. 25–38.

References

1. Bogatye i bednye v Rossii. Rosstat [Rich and poor in Russia. Rosstat]. (In Russ.). Available at: <https://sun967.userapi.com/impG/GYK2MDgPFegZ7xlrclHECuTeqTQIPfxjReKeWA/uhhJyK7nyTs.jpg?size=581x313&quality=96&sign=fa38a45453b6eb31094ea7a91282b37e&type=album> (accessed: 19.05.2024).
2. Bogatye tozhe plachut [The rich also cry]. Directed by C. Perez, P. Vasquez, L. Manso. Televisa. Televisa, 1979. (accessed: 19.05.2024).
3. Bol'shoy psikhologicheskiy slovar' [Large psychological dictionary]. Ed. Meshcheryakova V. G., Zinchenko V. P. 4th ed., Moscow, AST, Saint Petersburg, Praym-Evroznak, 2009, 811 p. (In Russ.).
4. Grushevskaya V. Yu. Osobennosti samoprezentatsii v videoblogakh, populyarnykh v molodezhnoy srede [Features of self-presentation in video blogs popular among young people]. *Brennoe i vechnoe: mifologiya tsifrovoy tsivilizatsii* [The Mortal and the Eternal: The Mythology of Digital Civilization]. Velikiy Novgorod, Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet imeni Yaroslava Mudrogo, 2021, pp. 202-210. (In Russ.).
5. Gudzovskaya A. A., Dobrynina E. I., Myshkina M. S. Sotsial'naya identichnost' kak kontekst kreativnosti v situatsii frustratsii [Social identity as a context of creativity in a situation of frustration]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. 2023, vol. 14, no. 2, pp. 193-210. (In Russ.).
6. Dzhigurda: «Menya roditeli spryatali ot KGBshnoy durki v grazhdanskoy durke» [Dzhigurda: "My parents hid me from the KGB madhouse in a civilian madhouse"]. *Legenda* [Legend]. 15.06.2022. (In Russ.). Available at: <https://yandex.ru/> (accessed: 19.05.2024).
7. Dzhim Kerri luchshaya motivatsiya / Eta rech' vzorvala internet [Jim Carrey is the best motivation / This speech blew up the Internet]. (In Russ.). Available at: https://www.youtube.com/watch?v=R_xkCc9SKki (accessed: 19.05.2024).
8. Dzhuraev D. Marginalizatsiya sovremennoy molodezhi v kontekste sotsial'nykh izmeneniy [Marginalization of modern youth in the context of social change]. *Evraziyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk, filosofii i kul'tury* [Eurasian Journal of Social Sciences, Philosophy and Culture]. 2023, vol. 3, no. 1 (2), pp. 58-66. (In Russ.).
9. Dubskikh A. I. Internet-prostranstvo kak sfera realizatsii otritsatel'noy samoprezentatsii yumoristicheskimi sredstvami [Internet space as a sphere for the implementation of negative self-presentation through humorous means]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2019, no. 2 (199), pp. 14-20. (In Russ.).
10. Edamova A. Yu. Autentichnye otnosheniya: obzor zarubezhnykh issledovaniy [Authentic Relationships: A Review of International Research]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology]. 2023, vol. 12, no. 1, pp. 109-118. (In Russ.).

11. Ideograficheskiy slovar' russkoy sotsial'noy leksiki: obshchestvo i chelovek [Ideographic dictionary of Russian social vocabulary: society and man]. Ed. by Leontyeva T.V. Ekaterinburg, Azhur, 2018, 554 p. (In Russ.).
12. Idushchiy k Reke. Monolog [Going to the River. Monologue]. 05.05.2019. (In Russ.). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=XEw0iNSQKk8> (accessed: 19.05.2024).
13. Isterika Gogena na s"emke! Gogen Solntsev, smeshnye momenty 2022 [Gauguin's hysteria on set! Gauguin Solntsev, funny moments 2022]. 28.10.2022. (In Russ.). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=iqRBDIOzVps> (accessed: 19.05.2024).
14. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Tendentsii razvitiya sovremennogo diskursa [Trends in the development of modern discourse]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current issues of philology and pedagogical linguistics]. 2021, no. 1, pp. 14-31. (In Russ.).
15. Kirillova N. B., Zubanova L. B., Sinetskiy S. B. i dr. Informatsionnaya epokha: novye paradigmy kul'tury i obrazovaniya [The Information Age: New Paradigms of Culture and Education]. Ekaterinburg, Ural'skoe otделение NOKO, 2019, 290 p. (In Russ.).
16. Kruglov V. V., Nikiforova V. D., Nikiforov A. A. Tsifrovizatsiya kak instrument planetarnoy globalizatsii [Digitalization as a tool for planetary globalization]. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Seriya «Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment»* [Scientific journal of NRU ITMO. Series "Economics and environmental management"]. 2020, no. 1, pp. 49-54. (In Russ.).
17. Levada Yu. A. Lyudi i simvoly simvolicheskie struktury v obshchestvennom mnenii. Zametki dlya razmyshleniya [People and Symbols Symbolic Structures in Public Opinion. Notes for Thought]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. 2001, no. 6, pp. 7-13. (In Russ.).
18. Lisenkova A. A. Transformatsiya identichnosti v tsifrovuyu epokhu [Transforming Identity in the Digital Age]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2020, no. 3, pp. 65-74. (In Russ.).
19. Mansurova G. R. Osobennosti ya-kontseptsii lichnosti, proyavlyayushchiesya v internet-kommunikatsii [Features of the self-concept of personality, manifested in Internet communication]. *Uchenyy XXI veka* [Scientist of the KSHI of the century]. 2022, no. 5-1 (86), pp. 52-54. (In Russ.).
20. Morgenshtern peaky.crystal [Morgenstern peaky.crystal]. 20.05.2021. (In Russ.). Available at: https://www.tiktok.com/@peaky.crystal/video/6964386561769196801?is_from_webapp=1&sender_device=pc&web_id=7257549894146524677 (accessed: 19.05.2024).
21. Ne boysya vyglyadet' tak, kak ty khochesh'. @style_lolita [Don't be afraid to look the way you want. @style_lolita]. 03.06.2023. (In Russ.). Available at: <https://vt.tiktok.com/ZSLmo2fQp/> (accessed: 19.05.2024).
22. Nikogda ne boytes' byt' soboy, original vseгда dorozhe kopii @_vradnaya_ya_ [Never be afraid to be yourself, the original is always more valuable than a copy... @_vradnaya_ya_]. 28.04.2023. (In Russ.). Available at: https://www.tiktok.com/search?q=%5B%40_vradnaya_ya_&t=1690010964847 (accessed: 19.05.2024).
23. Ostorozhno. Modern [Be careful. Modern]. 22.04.2014. (In Russ.). Available at: https://www.youtube.com/watch?v=cWeZ4FWgW_ (accessed: 19.05.2024).
24. Rerke V. I., Salakhova V. B., Bubnova I. S. Teoretiko-metodologicheskaya model' ponyatiya «psikhologicheskaya zrelost'» lichnosti [Theoretical and methodological model of the concept of "psychological maturity" of personality]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. Pedagogical Review* [Scientific and pedagogical review. Pedagogical Review]. 2023, no. 2 (48), pp. 138-146. (In Russ.).
25. Serebrennikova E. F. Ego-personologiya: kognitivnye mekhanizmy semiotizatsii [Ego-personology: cognitive mechanisms of semiotization]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University]. 2013, no. 3 (24), pp. 129-133. (In Russ.).
26. Sinel'nikova L. N. Priznaki diskursivnoy matritsy gumanitarnogo prostranstva novogo veka [Signs of the discursive matrix of the humanitarian space of the new century]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2009, no. 29, pp. 56-68. (In Russ.).
27. Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy [Dictionary of Russian synonyms and similar expressions]. Ed. by Abramov N. M. Russkie slovari, 1999, 575 p. (In Russ.).
28. Splitika. U menya tri lichnosti [Splitika. I have three personalities.]. (In Russ.). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=z6FGAd3okjc&t=39s> (accessed: 19.05.2024).
29. Strashnaya krasota: zhitel' Kaliningradskoy oblasti otrezal sebe ushi i nos, chtoby vyglyadet' luchshe [Terrible beauty: a resident of the Kaliningrad region cut off his ears and nose to look better]. 21.08.2021. (In Russ.). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=tuS5I7BGbpk> (accessed: 19.05.2024).

30. Tislenkova I. A. Teoreticheskie osnovy identifikatsii urovnya professionalizma govoryashchego po rechevym kharakteristikam v kadrovom interv'yuu [Theoretical foundations for identifying the level of professionalism of a speaker based on speech characteristics in a personnel interview]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. 2022, no. 8 (3), pp. 148-159. (In Russ.).
31. Tislenkova I. A. Yazykovye sredstva aktualizatsii vysokogo urovnya professionalizma govoryashchego v narrativnom interv'yuu (na materiale angliyskogo yazyka) [Language means of actualizing the high level of professionalism of the speaker in a narrative interview (based on the English language)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Pedagogical University]. 2021, no. 8 (161), pp. 146-152. (In Russ.).
32. Uvarova L. N., Narzieva Z. A. Psikhologicheskoe zdorov'e lichnosti i protsess samoraskrytiya [Psychological health of the individual and the process of self-disclosure]. *E-Scio*. 2022, no. 6 (69), pp. 39-44. (In Russ.).
33. Frik O. V. Sotsial'nye i psikhologicheskie aspekty tsifrovoy transformatsii [Social and psychological aspects of digital transformation]. *Dvadtsat' shestye aprel'skie ekonomicheskie chteniya* [Twenty-sixth April Economic Readings]. Omsk, Finansovyy universitet pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii, Omskiy filial, 2020, pp. 256-260. (In Russ.).
34. Furri progulka v Sokol'nikakh. Vzyali interv'yuu u furri [Furry walk in Sokolniki. Interviewed furies]. 20.06.2023. (In Russ.). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=ETk3IieV1k8> (accessed: 19.05.2024).
35. Khusnutdinova M. R., Poskagalova T. A. Ot samoprezentatsii k samoproyavleniyu: strategii podrostkov videoblogerov v sotsial'nykh setyakh [From Self-Presentation to Self-Expression: Strategies of Teen Video Bloggers on Social Media]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional studies]. 2023, no. 1, pp. 127-136. (In Russ.).
36. Ya - zhenshchina [I am a woman]. 15.12.2022. (In Russ.). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=OrW6gGJobdg> (accessed: 19.05.2024).
37. Yatsukhno O. N. Tsifrovaya autoagressiya v podrostkovom vozraste [Digital self-aggression in adolescence]. *Psikhologicheskaya studiya* [Psychological studio]. Vitebsk, VGU imeni P. M. Masherova, 2023, iss. 16, pp. 264-266. (In Russ.).
38. Hart W., Cease Ch. K., Lambert J. T., Garrison K. Designing one's authentic identity: Self-proclaimed authentic people report self-presentation agendas to seem authentic to audiences // *Personality and Individual Differences*. 2023. Vol. 201 (3). P. 111941.
39. Krämer N. C., Winter S. Impression management 2.0: The relationship of self-esteem, extraversion, self-efficacy, and self-presentation within social networking sites // *Journal of media psychology*. 2008. Vol. 20. №. 3. P. 106–116.
40. Leary M. R. *Self-presentation: Impression management and interpersonal behavior*. Oxford : Routledge, 2019. 264 p.
41. Svetlichnaya T. G., Voronov V. A., Smirnova E. A. The phenomenon of stigmatization in the postmodern era: a structural analysis // *Bioethics journal*. 2023. T. 16. №. 1. С. 25–38.

Информация об авторе

Тисленкова И. А. – кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет.

Information about the author

Tislenkova I. A. – Ph. D. (Philology), Assistant Professor, Department of Foreign Languages, Volgograd State Technical University.

Статья поступила в редакцию 10.07.2024; одобрена после рецензирования 20.07.2024; принята к публикации 01.10.2024.

The article was submitted 10.07.2024; approved after reviewing 20.07.2024; accepted for publication 01.10.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 82–89.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 16. P. 82-89.

Научная статья

УДК 81'34

doi: 10.24412/2713-0231-2024-16-82-89

ЕСТЕСТВЕННЫЕ МОДИФИКАЦИИ В СВЯЗНОЙ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ РУССКИХ СТУДЕНТОВ: ПИЛОТНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ¹

Елена Евгеньевна Андросова¹, Полина Евгеньевна Андросова²,
Светлана Викторовна Андросова³

^{1,2,3} Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия,
androsova.polina.2005@gmail.com

Аннотация. Цель статьи – оценить результаты обучения говорению по авторской методике, предполагающей внедрение общеупотребительных явлений английской связной речи, в отличие от традиционной методики, основанной на классическом видении эталонного произношения. Авторская методика практикуется на кафедре иностранных языков Амурского государственного университета с конца 1990-х гг. и включает целенаправленное обучение одноударным и глоттализированным аллофонам, а также типичным случаям выпадения фонем. Материалом для настоящего пилотного исследования послужили образцы монологической речи, полученные в 2024 г. от 10 испытуемых женского пола в возрасте 18–20 лет, студентов 1 курса 2 семестра обучения, общей длительностью звучания 13 минут 29 секунд. Для анализа были использованы слуховой и акустический методы, а также простой количественный подсчет. В результате выявлено, что обучаемые на ранней стадии университетского курса английского языка начали употреблять эти естественные модификации при подготовленном говорении. Позиции, в которых были реализованы модификации, полностью соответствовали позициям в речи носителей английского языка. Акустические характеристики этих модификаций хорошо соотносились с теми, которые описаны для самих носителей языка. Вместе с тем количество модификаций у большинства испытуемых оказалось меньше, чем у носителей языка.

Ключевые слова: естественные общеупотребительные модификации, одноударные аллофоны, глоттализация, выпадение звуков

Для цитирования: Андросова Е. Е., Андросова П. Е., Андросова С. В. Естественные модификации в связной английской речи русских студентов: пилотный эксперимент // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 82–89. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-82-89>

Original article

NATURAL MODIFICATIONS IN CONNECTED ENGLISH SPEECH OF RUSSIAN LEARNERS: A PILOT STUDY

Elena E. Androsova¹, Polina E. Androsova², Svetlana V. Androsova³

^{1,2,3} Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, androsova.polina.2005@gmail.com

Abstract. The paper aims to assess the results of teaching speaking skills based on innovative original technique that introduces natural modifications of phonemes commonly used by native speakers of English as opposed to traditional technique based on canonical model of pronunciation. The technique was introduced at Foreign Languages Department of Amur State University in late 1990s, and since then it has been focusing on intentional practice of taps/flaps, glottalization and glottaling as well as on typical cases of

consonant and vowels omissions. The material for this pilot study was obtained in 2024 from 10 female Russian learners of English (first year of study, second semester), aged 18–20 who produced short monologues of the total duration of 13 minutes 29 seconds. Listening and acoustic methods were used to process the material. During the analysis, the three types of modifications were identified, and the number of their occurrences was calculated. It was found that the learners at the early stage of their university studies of English began to intentionally use the modifications in their prepared speaking to more or less extent. The phonetic environment for the modifications fully corresponded to the one characteristic for native English speakers. The acoustic patterns were similar to the ones described for native English speakers. However, the number of modifications turned out smaller compared to native speakers of English.

Keywords: natural commonly used modifications, taps, glottalization and glottaling, omissions

For citation: Androsova E. E., Androsova P. E., Androsova S. V. Natural modifications in connected English speech of Russian learners: a pilot study. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2024;16:82-89. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-16-82-89>

Введение

Одним из актуальных направлений обучения иностранным языкам является использование результатов современных экспериментальных фонетических исследований в методике преподавания. Цель настоящего исследования – оценить результаты обучения говорению по авторской методике, предполагающей внедрение общеупотребительных явлений английской связной речи, в отличие от традиционной методики, основанной на классическом видении эталонного произношения. К общеупотребительным явлениям английской связной речи, по результатам многочисленных акустических и перцептивных исследований, относятся одноударные аллофоны (альвеолярный удар и альвеолярное скольжение), глоттализация как основная и дополнительная артикуляция и выпадение гласных и согласных (см., напр., [Андросова 2015; Андросова, Караваева 2015; Androsova, Karavaeva 2024]). Общеупотребительный характер подтверждается систематическим использованием этих модификаций в американской, британской, канадской и австралийской английской речи [Bermúdez-Otero 2004; Broadbent 2008; Bouavichith, Davidson 2013; Андросова 2015; Андросова, Караваева 2015; Androsova 2015; Lems 2019; Penney et al. 2020; Androsova, Karavaeva 2024]. В работах крайне редко можно увидеть упоминания о необходимости обучения студентов этим естественным модификациям, а также о том, как они реализуются в речи обучаемых и воспринимаются обучаемыми (см., напр., [Androsova 2015; Areej 2019; Kibrea 2024]). Лишь в текущем 2024 г. вышла книга американских коллег, в которой эти модификации и слабые формы включены в необходимый арсенал преподавателя английского языка [Levis, Challis 2024].

Между тем целенаправленное обучение студентов явлениям связной английской речи и общеупотребительным слабым формам слов ведется доктором филологических наук, профессором С. В. Андросовой на кафедре иностранных языков Амурского государственного университета с конца 1990-х – начала 2000-х гг. в рамках курсов по практической фонетике американского варианта английского языка и аудиопрактикума по спонтанной английской речи на материале разных вариантов английского языка (американского, британского, канадского и австралийского). Обучаемыми, на которых впервые прошла апробацию данная методика, были слушатели двухгодичных курсов референтов-переводчиков УКЦ «Лингва». Первым результатом этой работы стало первое издание курса фонетики американского варианта английского языка, разработанное совместно с петербургской коллегой кандидатом филологических наук, доцентом кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Е. А. Шаминой. Вторым и важнейшим результатом стало опубликование коллективом авторов из Амурского государственного университета во главе с С. В. Андросовой в 2004 г. первого издания аудиопрактикума по спонтанной английской речи. В настоящее время работа со студентами направления подготовки «Педагогическое образование с двумя профилями подготовки (английский и китайский языки)» проводится по третьим изданиям этих учебных пособий

[Курс фонетики американского варианта английского языка 2017; Изучаем спонтанные английские тексты 2017]. Согласно нашей гипотезе, внедрение явлений связной речи в обучение аудированию в виде соответствующих фонетических упражнений перед прослушиванием способно мотивировать обучаемых к активному использованию этих явлений в своей речи на английском языке. Для проверки гипотезы был проведён фонетический эксперимент.

Основная часть

Материал и методика исследования

В экспериментальную группу вошли 10 испытуемых женского пола в возрасте 18–20 лет, студентов 1 курса 2 семестра обучения. Экспериментальная группа обучается на материале спонтанной речи на разных вариантах английского языка, при этом большее количество текстов представляли собой образцы американской спонтанной речи. Обучение ведется по авторскому аудиопрактикуму [Изучаем спонтанные английские тексты 2017] и включает выполнение перед прослушиванием каждого текста упражнений с имитацией одноударных аллофонов, глоттализации и выпадения звуков. Периодически в сегменте, представляющем собой сочетание двух-трех слов, имеет место серия модификаций. Такой сегмент в учебном пособии помещен сразу в несколько упражнений, иногда во все три. Приведём несколько примеров серии модификаций: *get everybody together* (три идущих подряд одноударных) *weren't without problems* (соответственно, гортанный взрыв [ʔ], гортанная смычка [ʔ'], выпадение согласного /l/ и следующего безударного нейтрального гласного), [Изучаем спонтанные английские тексты 2017].

На развитие навыков говорения в учебном пособии предусмотрено два задания: 1) развернуть предложенную фразу (на выбор предлагалось 5–9 фраз) в короткий монолог, добавив к ней 5–7 предложений (short story); 2) выступить с развёрнутым высказыванием по предложенной фразе (на выбор предлагалось 5–14 фраз), добавив к ней 12–20 предложений. Оба задания выполняются на финальном этапе работы над темой, когда обучаемые уже прослушали все тексты по теме, ответили на вопросы по каждому тексту, представили ролевые пересказы и диалоги и выполнили на основе ключевых слов к текстам четыре вида лексических упражнений (заполнение пропусков, парафраз предложений с подбором синонимов, парафраз предложений с подбором антонимов и перевод предложений с русского языка на английский). Для данного пилотного эксперимента было выбрано первое задание с коротким монологом. Монолог самостоятельно готовился студентами заранее по теме «Parties and nightclubs» 'Вечеринки и ночные клубы'. Подчеркнем, что от студентов требовалось рассказывать монолог, а не читать его. Также отметим, что на момент записи (2024 г.) студенты успели поработать только с образцами американского варианта английского языка.

Запись производилась на iPhone 13 pro max, в оригинальном приложении диктофон, в котором вручную были настроены параметры оцифровки: частота дискретизации 44 кГц, 16 бит, моно. Для получения записи лучшего качества были использованы петличные микрофоны WIRELESS с шумоподавлением (передача 2.4 гГц; диапазон частот 20–24 кГц). В ходе записи были получены образцы монологической речи длительностью звучания от 36 секунд до 2 минут. Общая длительность звучания составила 13 минут 29 секунд. Эти образцы и послужили материалом для нашего исследования. Полученный материал был обработан с помощью слухового и акустического анализа, которые производились в программе свободного доступа PRAAT [Boersma, Weenink 2014]. В ходе анализа модификации были идентифицированы и классифицированы по вышеуказанным трем видам и сопоставлены с образцами модификаций носителей английского языка, которые представлены в аудиопрактикуме. Далее использовался простой количественный подсчет найденных модификаций.

Обсуждение результатов

Слуховой и акустический анализ полученных образцов показали, что только один испытуемый из десяти не использовал в коротком монологе модификации, остальные девять использовали их в той или иной степени. Один из этих девяти человек использовал только одну модификацию – одноударный в слове *parties* [p^há~rɪz], остальные восемь испытуемых использовали все три вида модификаций. Общее количество зафиксированных модификаций составило 91 единицу. Ниже представлены найденные в речи студентов модификации, распределенные по трем видам без учета повторений.

Одноударные аллофоны (Taps/flaps): *I don't, beautiful, party, part of, study, edit, you don't, a lot of, little, models, already, personality, related, metal, good at it, a lot of people, notice, try to catch, suitable, parties, need a, bodies.*

Glottalization and glottaling: *Night clubs, about naked, that stripper boys, needn't any, that's it, different, don't even, band, like this music, up-beat rhythms, perfect for keeping, night clubs, favorite contemporary, states like Alabama, graduated, good at it, fact that, fact that, about their lyrics, pop music, a lot about, placed on the background, it depends, not, get drunk, not tend, need to, beat to, not suitable, quite obvious, shout or.*

Omissions: *Want to, think that, interesting, talent, don't, don't even, don't have, different, and I, just, dreamed, preferences, want to, childhood, and dancing, popular, difficult for, and, mostly, I believe, and have fun, tend to, and sing, depends on, parties and night clubs, just need to, just need a, is just not.*

Одноударные аллофоны были реализованы на месте орфографических -d-, -t/-tt- в следующих позициях: интервокальная, перед слоговым /l/, между эризованным (ротическим) и неэризованным гласными. Примеры представлены в начале, в середине и в конце слова. Все зафиксированные примеры были перед безударным гласным. С учетом повторов, как и у самих носителей языка, меньше всего случаев приходится на начало слова, количество случаев в середине и в конце слова было схожим. Всего испытуемыми было реализовано 26 одноударных аллофонов.

Глоттализация имела место перед паузой, на месте первого из двух смычно-взрывных согласных, перед сонорным, а также перед гласным. Всего испытуемыми было реализовано 35 глоттализированных аллофонов с учетом повторений. Выпадения включали выпадения /d/ из сочетания согласных /nd/, /t/ из сочетаний согласных /nt/ и /st/, а также выпадение безударного (нейтрального) гласного. Всего испытуемыми было реализовано 30 выпадений с учетом повторений. Сравнение с общеупотребительными модификациями в речи носителей английского языка в разных контекстах с использованием упражнений аудиопрактикума показало, что все испытуемые реализовали модификации в правильном контексте – в характерных позициях по отношению к началу, середине и концу слова, по отношению к ударению и при характерных соседних фонемах.

Ниже на спектрограммах представлена акустическая картина модификаций. Акустический анализ показал значительное сходство с акустической картиной в речи самих носителей языка (см., напр., [Андросова, Караваева 2015; Androsova, Karavaeva 2024]). Так, на рисунке 1 представлена типичная акустическая картина альвеолярного удара [ɾ] (реализация отмечена метками слева и справа): сверхкраткий звонкий сегмент (затемнения в области до 500 Гц говорят о работе голосовых связок и, соответственно, о звонкости) с практически невыраженной смычкой (небольшой «просвет» слева от импульса) и сверхкратким импульсом (тонкий вертикальный столбик возле правой метки). Контекст совершенно типичный для носителей английского языка – интервокальная позиция внутри слова перед безударным гласным. На рисунке 2 показан один из типичных случаев глоттализации, а именно довольно длительная (более 100 мс) гортанная смычка перед носовым сонантом.

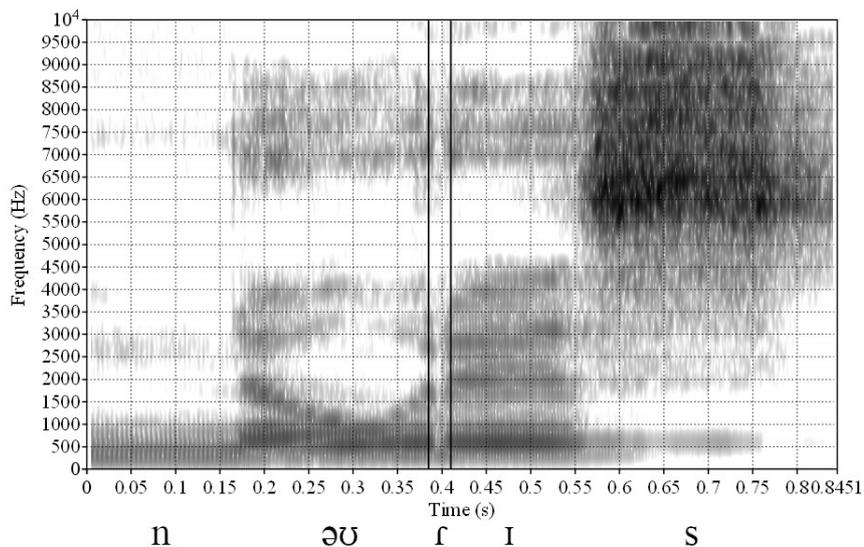

Рисунок 1. Реализация одноударного [r] в речи F-ра в слове *notice m/*.

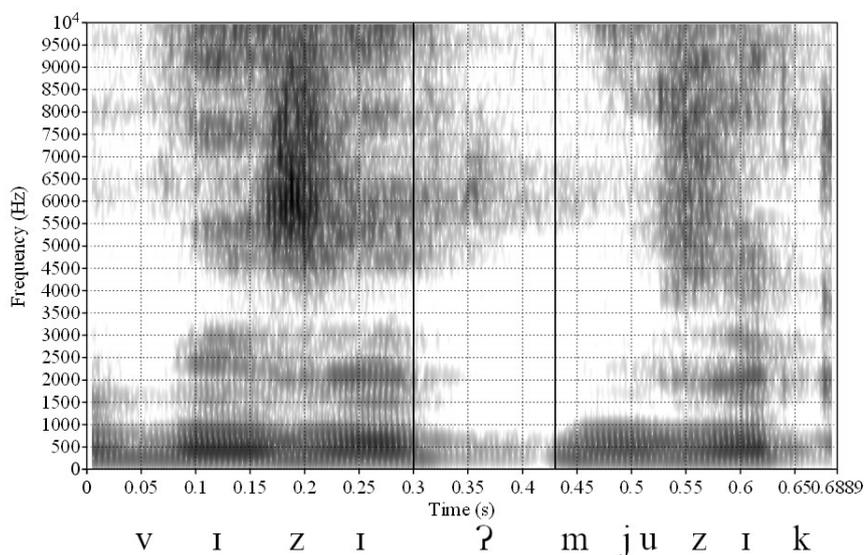

Рисунок 2. Реализация гортанной смычки в речи F-nt на стыке слов *visit music (shops)*

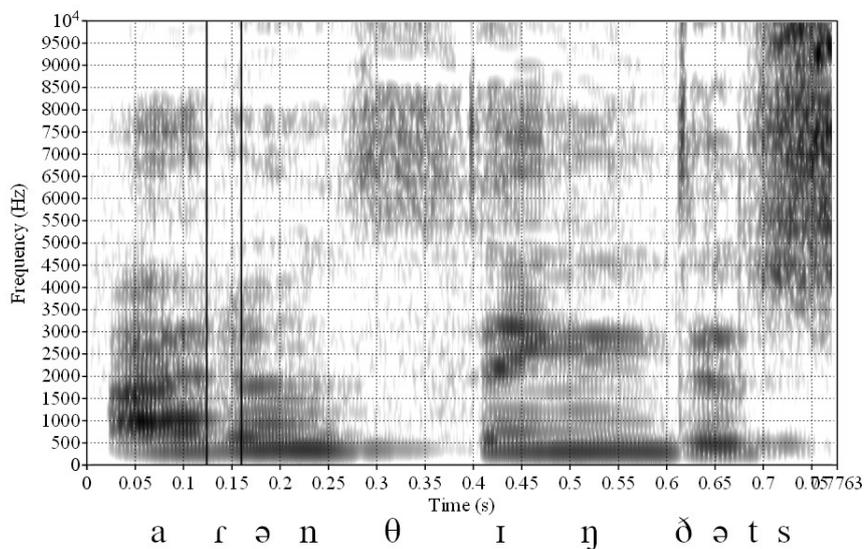

Рисунок 3. Одноударный [r] и выпадение /t/ и /k/ в речи F-pm в *I don't think that (striptese)*

Такая реализация вполне характерна для носителей английского языка. На рисунке 3 можно увидеть серию модификаций, состоящую из альвеолярного скольжения [r]¹ в начале фонологического слова *don't*, где фонема /d/ в контексте попала в интервокальную позицию перед безударным гласным, и двух выпадений (смычно-взрывного /t/ из /nt/ из *don't* и смычно-взрывного /k/ из скопления трех согласных на стыке слов *think that*). И вновь, эти модификации именно в таком контексте часто используются самими носителями языка.

Необходимо также отметить, что на этапе проведения пилотного эксперимента (второй семестр первого курса) количество реализованных модификаций у большинства испытуемых, кроме одного, оказалось значительно меньше количества потенциальных позиций, в которых они могли бы реализоваться, и заметно меньше, чем количество модификаций в речи самих носителей языка, при том что у студентов не возникало проблем с имитацией этих явлений в упражнениях перед прослушиванием. Это говорит о том, что обучаемые ещё недостаточно свободно владеют ими при продуцировании собственной речи. Ожидается, что, по мере продолжения работы по авторской методике, количество модификаций приблизится к тому, что характерно для носителей английского языка.

Заключение

Фонетический анализ речи студентов, изучающих английский язык по авторской методике, разработанной специалистами кафедры иностранных языков Амурского государственного университета и предполагающей обязательную тренировку одноударных аллофонов, глоттализированных аллофонов и случаев выпадения гласных и согласных, в значительной мере подтвердил выдвинутую гипотезу. Обучаемые уже во втором семестре первого курса начали употреблять эти естественные модификации при подготовленном говорении. Позиции, в которых были реализованы модификации, полностью соответствовали позициям в речи носителей английского языка. Акустические характеристики этих модификаций соответствовали тем, которые описаны для самих носителей языка. Таким образом, в освоении естественных модификаций имеет место явный прогресс. Вместе с тем количество модификаций у большинства испытуемых оказалось меньше, что вполне ожидаемо на первом году обучения.

Перспективу исследования составит проведение перцептивного эксперимента с носителями американского варианта английского языка, в ходе которого планируется оценить естественность произнесения звуков речи и близость произношения обучающихся по авторской методике к модели носителя американского варианта английского языка в зависимости от характера и количества используемых студентами модификаций.

Список литературы

1. Андросова С. В. Неканонические фонологические модели морфем и слов в русском и английском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1. № 1. С. 5–15.
2. Андросова С. В., Караваева В. Г. Одноударные аллофоны в американском и британском вариантах английского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1. № 2. С. 5–20.
3. Изучаем спонтанные английские тексты: учеб. пособие / С. В. Андросова, Е. В. Баррет, С. В. Деркач, О. Н. Морозова, М. А. Пирогова, Г. Р. Шепелина. 3-е изд., испр. и доп. Благовещенск: Изд-во «Амурский государственный университет», 2017. Ч. 1. 186 с.; Ч. 2. 112 с.
4. Курс фонетики американского варианта английского языка / С. В. Андросова, С. В. Деркач, М. А. Пирогова, Е. А. Шамина. 3-е изд., испр. и доп. Благовещенск: Изд-во «Амурский государственный университет», 2017. 113 с.
5. Androsova S. V. Challenges of teaching speech production and speech perception for Russian learners of English: phonetic issues that really matter // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1. № 3. С. 5–15.

¹Для обозначения альвеолярного удара и скольжения используется единый знак, объединяющий все разновидности одноударных реализаций на месте канонических /t/ и /d/.

6. Androsova S. V., Karavaeva V. G. Intervocalic /t/ acoustic patterns in British News Analytical Discourse // 3L: Language, Linguistics, Literature. The Southeast Asian Journal of English Language Studies. 2024. Vol. 30, Iss. 3. P. 177–192. <http://doi.org/10.17576/3L-2024-3003-13>
7. Areej M. Perception of American English allophonic variant /ɾ/ by Arabic speakers in an EFL context // 3L: The Southeast Asian Journal of English Language Studies. 2019. Vol. 25, Iss. 2. P. 127–142. <http://doi.org/10.17576/3L-2019-2502-10>
8. Bermúdez-Otero R. 'Raising and Flapping in Canadian English: Grammar and acquisition.' Handout of paper presented at the CASTL Colloquium, University of Tromsø, 2, November 2004. URL: www.bermudez-otero.com/tromsoe.pdf (дата обращения: май 2024).
9. Boersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer [Computer program], (version 5.4.15). 2014. Retrieved from <http://www.fon.hum.uva.nl/praat/> (дата обращения: май 2024).
10. Bouavichith D., Davidson L. Segmental and prosodic effects on intervocalic voiced stop reduction in connected speech // *Phonetica*. 2013. Vol. 70. P. 182–206. <https://doi.org/10.1159/000355635>
11. Broadbent J. M. t-to-r in West Yorkshire English // *English Language and Linguistics*. 2008. Vol. 12, Iss. 1. P. 141–168. <https://doi.org/10.1017/S1360674307002523>
12. Kibrea A.-K. J. Variations of the Sound /t/ Regarding Students of Al-Maarif University College // *International Journal of Linguistics*. 2024. Vol. 16, N 5. P. 86–99. <https://doi.org/0.5296/ijl.v16i5.22222>
13. Lems K. All about the American flap // *Illinois Reading Council Journal*. 2019. Vol. 47, N 4. P. 72–76.
14. Levis J. M., Challis K. Connected Speech // *Teaching Pronunciation with Confidence. A Resource for ESL/EFL Teachers and Learners* / A. Guskaroska, Z. Zawadzki, J. M. Levis, K. Challis, M. Prikazchikov. Iowa University Digital Press, 2024. URL: <https://iastate.pressbooks.pub/teachingpronunciation/chapter/chapter-10-connected-speech/> (дата обращения: май 2024).
15. Penney J., Cox F., Szakay A. Glottalisation, coda voicing, and phrase position in Australian English // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 2020. Vol. 148. P. 3232–3245. <https://doi.org/10.1121/10.0002488>

References

1. Androsova S. V. Nekanonicheskie fonologicheskie modeli morfem i slov v russkom i angliiskom yazykakh [Non-canonical models of morphemes and words in Russian and English]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. 2015, vol. 1, no 1, pp. 5-15. (In Russ.).
2. Androsova S. V., Karavaeva V. G. Odnoudarnye allofony v amerikanskom i britanskome variantakh angliiskogo yazyka [Flaps / Taps in American and British English]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. 2015, vol. 1, no 2, pp. 5-20. (In Russ.).
3. Androsova S. V., Barrett E. V., Derkach S. V., Morozova O. N., Pirogova M. A., Shepelina G. R. *Izuchaem spontannye angliyskie teksty* [Studying spontaneous English texts]. 3d edn., Blagoveshchensk, Amur State University Press, 2017, part. 1, 186 p., part 2, 112 p. (In Russ.).
4. Androsova S. V., Derkach S. V., Pirogova M. A., Shamina E. A. *Kurs fonetiki amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka* [The course of American phonetics]. 3d edn., Blagoveshchensk, Amur State University Press, 2017, 113 p. (In Russ.).
5. Androsova S. V. Challenges of teaching speech production and speech perception for Russian learners of English: phonetic issues that really matter // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2015. Вып. 1, № 3. С. 5–15.
6. Androsova S. V., Karavaeva V. G. Intervocalic /t/ acoustic patterns in British News Analytical Discourse // 3L: Language, Linguistics, Literature. The Southeast Asian Journal of English Language Studies. 2024. Vol. 30, Iss. 3. P. 177–192. <http://doi.org/10.17576/3L-2024-3003-13>
7. Areej M. Perception of American English allophonic variant /ɾ/ by Arabic speakers in an EFL context // 3L: The Southeast Asian Journal of English Language Studies. 2019. Vol. 25, Iss. 2. P. 127–142. <http://doi.org/10.17576/3L-2019-2502-10>
8. Bermúdez-Otero R. 'Raising and Flapping in Canadian English: Grammar and acquisition.' Handout of paper presented at the CASTL Colloquium, University of Tromsø, 2, November 2004. URL: www.bermudez-otero.com/tromsoe.pdf (accessed: May 2024).
9. Boersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer [Computer program], (version 5.4.15). 2014. Retrieved from <http://www.fon.hum.uva.nl/praat/> (accessed: May 2024).

10. Bouavichith D., Davidson L. Segmental and prosodic effects on intervocalic voiced stop reduction in connected speech // *Phonetica*. 2013. Vol. 70. P. 182–206. <https://doi.org/10.1159/000355635>
11. Broadbent J. M. t-to-r in West Yorkshire English // *English Language and Linguistics*. 2008. Vol. 12, Iss. 1. P. 141–168. <https://doi.org/10.1017/S1360674307002523>
12. Kibrea A.-K. J. Variations of the Sound /t/ Regarding Students of Al-Maarif University College // *International Journal of Linguistics*. 2024. Vol. 16, N 5. P. 86–99. <https://doi.org/0.5296/ijl.v16i5.22222>
13. Lems K. All about the American flap // *Illinois Reading Council Journal*. 2019. Vol. 47, N 4. P. 72–76.
14. Levis J. M., Challis K. Connected Speech // *Teaching Pronunciation with Confidence. A Resource for ESL/EFL Teachers and Learners* / A. Guskaroska, Z. Zawadzki, J. M. Levis, K. Challis, M. Prikazchikov. Iowa University Digital Press, 2024. URL: <https://iastate.pressbooks.pub/teachingpronunciation/chapter/chapter-10-connected-speech/> (accessed: May 2024).
15. Penney J., Cox F., Szakay A. Glottalisation, coda voicing, and phrase position in Australian English // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 2020. Vol. 148. P. 3232–3245. <https://doi.org/10.1121/10.0002488>

Информация об авторах

Е. Е. Андросова – студент, Амурский государственный университет;

П. Е. Андросова – студент, Амурский государственный университет;

С. В. Андросова – доктор филологических наук, профессор, кафедра иностранных языков, Амурский государственный университет.

Information about the authors

E. E. Androsova – Student, Amur State University;

P. E. Androsova – Student, Amur State University;

S. V. Androsova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Foreign Languages Department, Amur State University.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 20.09.2024; принята к публикации 01.11.2024.

The article was submitted 10.09.2024; approved after reviewing 20.09.2024; accepted for publication 01.11.2024.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	7
Цэндмаа Энхчимэг, Лушников О. В. ОСМЫСЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ЭПОХИ ВЕЛИКОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ	7
Лушников О. В. СОЗДАНИЕ ВЕЛИКОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРАЗИИ В XIII–XV ВВ.....	16
ФИЛОЛОГИЯ	25
Тимощук М. Н. О КОМИЧЕСКОМ В ДРАМАТУРГИИ ТОМАСА БЕРНХАРДА (1931–1989)	25
Тачаева А. Е., Санжарова И. Э., Тухтарова Н. А. МЕДЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ В БЫСТРЫЙ ВЕК	33
Архипова И. В. СУБКТЕГОРИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ ТАКСИСА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА).....	42
Пенягина Е. Б., Лю Шушуай АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ И СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА «УЧЕБА» ПО ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫМ ДАННЫМ	49
Красноборова Л. А. СИНКРЕТИЗМ ТАКСИСНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАРОФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА).....	57
Наборщиков И. С., Шустова С. В. КАТЕГОРИЯ ЛИНГВОКОНФЛИКТОГЕННОСТИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	64
Тисленкова И. А. РЕАЛИЗАЦИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕМОНСТРАТИВНОСТИ В ПЕРСОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ	71
Андросова Е. Е., Андросова П. Е., Андросова С. В. ЕСТЕСТВЕННЫЕ МОДИФИКАЦИИ В СВЯЗНОЙ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ РУССКИХ СТУДЕНТОВ: ПИЛОТНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ	82

CONTENTS

HISTORY	7
Tsendmaa Enkhchimeg, Lushnikov O. V. COMPREHENSION IN MODERN MONGOLIAN HISTORIOGRAPHY OF THE EPOCH OF THE GREAT MONGOLIAN EMPIRE	7
Lushnikov O. V. CREATION OF THE GREAT MONGOL EMPIRE AS AN EXPERIENCE OF INTEGRATION OF EURASIA IN THE XIII–XV CENTURIES.....	16
PHILOLOGY	25
Timoshchuk M. N. ON THE COMIC IN THE DRAMATURGY OF THOMAS BERNHARD (1931-1989).....	25
Tachayeva A. E., Sanzharova I. E., Takhtarova N. A. SLOW READING IN THE FAST AGE.....	33
Arkhipova I. V. SUBCATEGORIZATION IN THE TAXIS SYSTEM (BASED ON MODERN GERMAN LANGUAGE).....	42
Penyagina E. B., Liu Shushuai ANALYSIS OF THE CONTENT AND STRUCTURE OF THE CONCEPT "STUDY" ACCORDING TO EXPERIMENTAL DATA	49
Krasnoborova L. A. SYNCRETISM OF TAXIS CONSTRUCTIONS (BASED ON THE MATERIAL OF THE OLD FRENCH LANGUAGE).....	57
Naborshikov I. S., Shustova S. V. CATEGORY OF LINGUOCONFLICTOGENICITY IN AMREICAN POLITICAL DISCOURSE	64
Tislenkova I. A. IMPLEMENTATION OF NEGATIVE COMMUNICATIVE DEMONSTRATIVENESS IN PERSONAL DISCOURSE	71
Androsova E. E., Androsova P. E., Androsova S. V. NATURAL MODIFICATIONS IN CONNECTED ENGLISH SPEECH OF RUSSIAN LEARNERS: A PILOT STUDY	82

Электронное издание

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ**

Электронный научный рецензируемый журнал

2024. № 16

Ответственный редактор выпуска

Подюков Иван Алексеевич

Ответственный секретарь выпуска

Мазурова Елена Викторовна

Издается в авторской редакции.

*Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.*

Компьютерная вёрстка выполнена внештатным сотрудником

Л. Н. Голубцовой

Дата размещения на сайте 24.12.2024.

Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

Редакционно-издательский отдел

Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 115

тел. (342) 215-18-52 (доб. 394)

e-mail: rio@pspu.ru